

Слово
ТАРЫХ
БОЛЬШЕВИКОВ



ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ПАРТИИ МК и МГК КПСС
ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА—ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

Слово ТАРНЫХ БОЛЬШЕВИКОВ

(ИЗ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОШЛОГО)

МОСКОВСКИЙ
РАБОЧИЙ

1 9 6 5

Воспитание трудящихся в духе марксистско-ленинской идейности и преданности коммунизму является главной задачей идеологической работы на современном этапе. Оно осуществляется Коммунистической партией в неразрывной связи с созданием материально-технической базы коммунизма и развитием коммунистических общественных отношений.

Важную роль в формировании человека будущего коммунистического общества играет воспитание наших советских людей и особенно молодежи на героических революционных и трудовых традициях нашего народа. Советский народ прошел большой и славный путь. Под руководством партии великого Ленина он сверг царизм и власть капиталистов и помещиков, завоевал диктатуру пролетариата, создал первое в мире социалистическое государство рабочих и крестьян. Отстояв и упрочив завоевания Октября, он построил социализм, защитил его от фашизма в годы Великой Отечественной войны и ныне, руководимый Коммунистической партией Советского Союза, возводит величественное здание коммунизма, как маяк указывая путь всем народам мира к светлому будущему человечества.

Пройденный нашим народом путь был нелегким. В борьбе за победу социалистической революции, за построение и защиту социализма складывались и приумножались героические традиции советского народа, формировались черты нового, советского человека. Героические традиции нашего народа находят яркое отражение в воспоминаниях старых большевиков — участников революционного движения в царской России, активных

борцов за победу социалистической революции в нашей стране, за строительство социализма и коммунизма.

В публикации воспоминаний участников революционной борьбы В. И. Ленин видел важное средство идейно-политического воспитания трудящихся масс. Призывая рабочих России собирать воспоминания о первой русской революции, ее героических борцах, Владимир Ильич указывал, что брошюра из таких воспоминаний «будет лучшим чтением для молодых рабочих, которые будут учиться по ней, как надо жить и действовать всякому сознательному рабочему».

В сборнике «Из революционного прошлого», подготовленном Институтом истории партии МК и МК КПСС — филиалом Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, публикуются воспоминания старых большевиков, активных участников революционного движения в Москве. Воспоминания охватывают период от создания нашей партии до победы Великой Октябрьской социалистической революции. В них рассказывается, как в крупнейшем промышленном центре страны — в Москве — создавались и развертывали свою работу организации РСДРП, как под руководством В. И. Ленина и большевистского ЦК они поднимали на борьбу с царизмом и буржуазией рабочий класс, как вместе со всей партией они прошли сквозь огонь трех революций и привели трудящихся к всемирно-исторической победе в октябре 1917 года.

Страницы сборника предоставлены воспоминаниям старейших членов ленинской партии — И. И. Скворцова-Степанова, А. Г. Шлихтера, А. Д. Блохина, Н. Н. Колесниковой, Е. А. Киселева, И. И. Панкратова, Я. В. Дорофеева и активных работников Московской партийной организации, вступивших в большевистскую партию в годы нового революционного подъема, первой мировой войны и революций 1917 г. — А. А. Додоновой, М. В. Нестерова, А. Г. Носкова, К. В. Островитянова, И. Н. Смирнова, А. М. Широкова, Н. М. Алексеевой, М. И. Лойко, Е. И. Белой-Ивановой.

В сборнике публикуется 17 воспоминаний, 13 из них печатаются впервые. Расположены они в основном хронологически.

А. Д. Блохин, Н. Н. Колесникова, Е. А. Киселев рассказывают о деятельности московских большевиков по-

сле II съезда партии, в канун и в период первой русской революции, об участии делегатов московской организации большевиков на V (Лондонском) съезде партии.

В воспоминании И. И. Панкратова говорится о работе большевиков Москвы в годы реакции, о репрессиях, обрушившихся на партию после поражения первой русской революции. Автор рассказывает о поездке рабочих-большевиков за границу — в пропагандистскую школу на Капри, о разоблачении ими антипартийного характера этой школы и поездке их к Владимиру Ильичу Ленину в Париж, где они прошли курс подлинно марксистско-ленинской учебы, вооружившей их революционной теорией классовой борьбы.

Воспоминания Я. В. Дорофеева, А. Г. Носкова, А. М. Широкова, В. С. Пшеничного и А. А. Додоновой посвящены работе большевиков Москвы в годы нового революционного подъема, проведению ими в жизнь ленинской тактики сочетания нелегальной партийной работы с работой в легальных рабочих организациях. Большой интерес представляют материалы о первой московской легальной рабочей большевистской газете «Наш путь» — боевой соратнице ленинской «Правды».

В воспоминаниях М. В. Нестерова, К. В. Островитянова, И. И. Скворцова-Степанова, А. Г. Шлихтера, М. И. Лойко раскрывается деятельность большевистских организаций Москвы в период первой мировой войны, пропаганда ими ленинской теории по вопросам войны, мира и революции, ленинского лозунга превращения войны империалистической в войну гражданскую. Описываются события Февральской революции в Москве, борьба московских большевиков за переход к социалистической революции на основе ленинского стратегического плана и ленинской революционной тактики.

Е. И. Белая-Иванова, Н. М. Алексеева и И. Н. Смирнов рассказывают о провозглашении Советской власти в Москве после победы октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, о вооруженном подавлении пролетариатом Москвы мятежа контрреволюции против власти Советов.

Воспоминания снабжены биографическими справками, содержащими краткие сведения об авторах. В конце сборника помещены указатели улиц Москвы, пере-

именованных после революции, а также предприятий и учреждений, носящих ныне новые названия.

Сборник подготовили к печати — *К. Ф. Зарезина, И. Н. Смирнов, Л. А. Травина.*

Научный редактор — *А. В. Лукашев.*

Институт выражает благодарность В. А. Радус-Зеньковичу и К. В. Островитянову за помощь, оказанную ими при подготовке сборника, а также А. М. Кожухову и А. В. Кудряшову за помощь в подборе материалов для сборника.



БЛОХИН
Александр Дмитриевич

Член КПСС с 1903 г., активный участник революции 1905—1907 гг., Февральской революции и Великой Октябрьской социалистической революции в Москве. В октябрьские дни 1917 г. выполнял боевые поручения Московского военно-революционного комитета. После Октября — в Красной Армии, затем на советской работе. С 1958 г. — персональный пенсионер.

A stylized, handwritten signature in black ink, consisting of several loops and a long horizontal stroke at the end.

ЗА НАШУ ПЕРВУЮ ПРОГРАММУ

Неузнаваемо изменилась наша Родина за годы Советской власти. Руководимый Коммунистической партией героический советский народ первым в мире построил социализм, а ныне успешно возводит здание коммунизма, как маяк указывая человечеству путь к новой жизни. Величие побед и достижений нашего народа, их всемирно-историческое значение представляются полнее и ощутимее, когда оглядываешься на прошлое нашей страны, на путь, пройденный ею.

Мы, люди старшего поколения, на себе испытали, что значило жить в царской России. Мы знаем, что такое капиталистическая эксплуатация и политическое бесправие народных масс.

К счастливой и светлой жизни привела нашу страну партия коммунистов — великая партия Ленина. Под руководством В. И. Ленина пролетариат России создал свою революционную партию, которая подняла трудящихся на борьбу с царизмом, с капиталистами и помещиками за построение нового, справедливого общественного строя.

Огромную роль в организации марксистской пролетарской партии в России сыграла основанная В. И. Лениным общерусская политическая газета «Искра», ставшая центром идейного объединения и воспитания революционных сил и первых партийных кадров.

Рабочие сразу полюбили «Искру», называли ее своей, рабочей газетой. «Искра» издавалась за границей и распространялась в России нелегально. Я работал тогда сверловщиком на Софийском механическом заводе Гу-

става Листа в Москве. Читать «Искру» нам давал партийный организатор завода. Интерес к газете был столь велик, что получаемых из-за границы экземпляров не хватало и в России ее перепечатывали в подпольных типографиях. Помню, что у нас в Москве отдельные статьи из «Искры» размножались на гектографах или перепечатывались на пишущих машинках.

«Искра» воспитывала из рабочих активных борцов за пролетарскую партию, она объединила разрозненные социал-демократические кружки и сыграла решающую роль в подготовке II съезда партии.

Второй съезд РСДРП в 1903 г. создал марксистскую рабочую партию на принципиальных началах, которые были разработаны ленинской «Искрой», принял революционную Программу партии. Руководствуясь этой Программой, мы жили и боролись.

Изучать первую Программу партии, разъяснять ее рабочим в черные дни царизма приходилось, конечно, нелегально, в подпольных кружках, на тайных собраниях.

В 1903 г. на нашем заводе уже существовали нелегальные рабочие кружки. Прежде чем я начал посещать кружок, со мной не один раз беседовал партийный организатор В. С. Удалов: он интересовался, что я читаю, давал книги, которые помогали разбираться в происходящих событиях, лучше понимать жизнь. Затем он пригласил меня на занятие кружка.

Первое посещение нелегального кружка хорошо сохранилось в моей памяти. Занятие было назначено на квартире рабочего В. И. Мерзлова. Обстановка, которую я там увидел, очень удивила меня. В комнате находилось человек десять рабочих нашего завода — Григорий и Павел Широкие, И. И. Зенин, Гриша Усачев и другие. Вместе с хозяином они сидели за столом, на котором стоял кипящий самовар, закуски и водка. Увидев мое изумление, товарищи стали приглашать меня к столу, а я упирался, все еще недоумевая, каким образом попал на вечеринку вместо кружка. Мне объяснили, что закуска и водка — это маскировка на случай возможного прихода полиции. Тогда все присутствующие должны будут выдавать себя за гостей. Но я не успокоился и поверил товарищам лишь тогда, когда пришла руководи-

тельница занятий — молодая девушка, одетая, как работница. Мерзлов представил меня:

— Блохин.

Девушка улыбнулась:

— Назовем вас Федор, не возражаете? А меня назовите Аней. У нас тут все товарищи под кличками, — сказала она.

Так я и стал с тех пор носить партийную кличку Федор.

В начале сентября 1903 г. на очередном занятии кружка Аня сообщила, что в политической жизни России произошло важное событие — состоялся II съезд партии, на котором были приняты Программа и Устав РСДРП. Аня также сообщила нам, что Московский Комитет партии подбирает пропагандистов для проведения докладов о съезде в кружках. Вскоре такой доклад состоялся у нас. Докладчик подробно разъяснил, для чего нужна рабочему классу партия, какой она должна быть, чтобы завоевать диктатуру пролетариата и построить социализм. После доклада нам стали более понятны расхождения на съезде между большевиками и меньшевиками по первому параграфу Устава партии, борьба Ленина за включение в Программу партии марксистского положения о диктатуре пролетариата.

На собрании выступил рабочий нашего завода Александров, который назвал себя сторонником меньшевиков. Он возражал докладчику по вопросам о диктатуре пролетариата и руководящей роли рабочего класса и его партии в революции, а также по крестьянскому вопросу, считая, что интересы пролетариата и крестьянства противоположны. Выступление меньшевика Александрова никто из кружковцев не поддержал. Александров у нас больше не появлялся и вскоре уволился с завода.

Наша партийная группа была на заводе проводником большевистских идей, разъясняла и пропагандировала положения Программы партии, призывала рабочих бороться за ее осуществление. Не проходило ни одной забастовки на заводе, во время которой мы не выдвигали бы требования, составленные в соответствии с теми или иными пунктами Программы РСДРП.

В течение 1904 г. Замоскворецкий райком партии

неоднократно проводил массовки на Татарском кладбище, в лесу Орловской дачи, в Сухом овраге и в других местах. МК партии организовывал массовки в Измайловском лесу, Сокольниках, Останкине, Кускове, Царицыне. На массовках происходили жаркие дискуссии с меньшевиками, эсерами и анархистами. Мы ожесточенно спорили с ними, доказывая свою правоту. Эти опоры были борьбой за рабочих, за влияние на них. Каждая организация стремилась привлечь рабочих на свою сторону.

— Большевики — не марксисты! — кричал на одной из массовок меньшевик. — Россия должна пережить буржуазную революцию, руководящая роль в которой будет принадлежать буржуазии.

— Проснитесь, господа хорошие, — парировал выпалы меньшевиков оратор большевик. — Вы живете не в начале XIX столетия, а в XX, когда интересы буржуазии срослись с интересами помещиков и самодержавия. Гегемоном русской революции будет рабочий класс.

Анархисты критиковали нас за всю нашу Программу и Устав, которые называли кандалами на руках рабочих. Такие дискуссии являлись для нас отличной школой, развивавшей политически, готовившей к практической борьбе с местными заводскими противниками большевизма.

Глубокое изучение Программы и Устава партии проводилось в специально организованных Московским Комитетом кружках, готовивших из рабочих пропагандистов и агитаторов. Преподавателями в этих кружках были М. Н. Покровский, И. И. Скворцов-Степанов и другие видные работники Московской партийной организации. Хорошо помню обстоятельства, при которых я попал в кружок по подготовке партийных агитаторов.

На одном из занятий кружка наша руководительница предложила мне высказаться по какому-то вопросу. Я с жаром изложил свои мысли, а она с улыбкой сказала:

— Вот, товарищи, вы говорите, что среди вас нет ораторов. А чем он не оратор?

Все засмеялись, но Аня продолжила мысль, обращаясь уже ко мне:

— Я поговорю с Гришей (партийная кличка Удалова), и мы направим вас в кружок агитаторов.

Действительно, недели через две В. С. Удалов дал мне пароль и отзыв для посещения кружка, и я отправился по указанному им адресу. Первое занятие состоялось в маленьком особняке, стоявшем в глубине двора на Ордынке. Встретила меня женщина лет пятидесяти, которой я сказал пароль. Она ответила отзывом и предложила пройти в столовую, где представила меня находившимся там несколькими незнакомыми мне людям: «Федор». Скоро вошел человек средних лет, назвавший себя Егором. Занятие он начал с рассказа о том, как надо готовиться к выступлениям, какие читать газеты и книги. Вопросы он брал, казалось, самые простые, но сообщал много поучительного для слушателей. Для того чтобы лучше подготовиться к спорам с меньшевиками и эсерами, мы детально разбирали разногласия между нашей партией и оппортунистами.

Однажды к нам на занятие пришел Иван Иванович Скворцов-Степанов. Прежде всего он поинтересовался, знакомы ли мы с последними листовками, выпущенными Московским Комитетом и газетой «Вперед». Оказалось, что листовки мы читали, а газету знали не все из присутствовавших. Иван Иванович провел с нами занятие сам.

Начал он с сообщения о том, что по решению МК у ворот московских заводов и фабрик систематически будут проводиться теперь летучки и что нам нужно будет на них выступать. После этого он рассказал подробно о событиях 9 января 1905 г. в Петербурге и изложил экономические и политические требования, которые должен предъявлять сейчас рабочий класс капиталистам. Каждого из нас он спрашивал, кто как его понял и как будет выступать.

Поскольку занимались мы в кружке уже значительное время и к выступлениям готовились давно, он ждал, очевидно, от нас большего и остался недоволен тем, что мы говорили, как он выразился, «без огонька», а также тем, что некоторые товарищи в выступлениях не умели выделить основные мысли, которые должны были излагать на митингах.

Вскоре состоялось вторично такое же «зачетное» за-

нятие, после которого Удалов сказал, что практическая подготовка к выступлениям будет проводиться вплоть до октября. Действительно, такие занятия проходили регулярно, проводили их В. А. Обух, М. Н. Покровский, М. Ф. Владимирский и другие.

Наконец Удалов поручил мне выступить на летучке у парфюмерной фабрики Брокер. Поручение было ответственное. Я не имел еще тогда опыта выступлений на больших собраниях и митингах и, понятно, очень волновался. Говорить нужно было на память, без бумажки, и я боялся, что забуду главное или вообще не сумею ясно изложить свои мысли. Я репетировал предстоящее выступление у себя в комнате в присутствии соседа Степана, но ораторствовал, видно, так усердно, что слушать меня пришли и проживающие в соседней комнате жильцы — рабочие столярной мастерской. Степану мои домашние выступления нравились, он подбадривал меня и даже решил пойти вместе со мной на митинг.

По его совету я купил в парикмахерской усы, а идя на митинг, взял с собой вместо обычной кепки картуз. Это нужно было для обмана шпиков на случай, если бы они потом вздумали искать «усатого оратора в картузе». Придя к брокеровским воротам, мы увидели там нескольких знакомых рабочих с заводов Бромлея и Гоппера. Перед самым выступлением я изменил свою внешность: надел картуз и приклеил усы.

Как только рабочие стали выходить из ворот, их остановила парторганизатор Поля. Я быстро вскочил на тумбу и обратился к толпе: «Товарищи!» Что я говорил в первые минуты, не помню, но, всмотревшись в лица, заметил, что меня слушают — значит, подготовка пошла впрок, массой, как нас учили, я овладел. Тут уж я окончательно успокоился, собрался с мыслями, изложил все, как намечал. Заключительными моими призывами, вызвавшими взрыв аплодисментов, были: «Долой царское самодержавие!», «Да здравствует демократическая республика!».

После выступления я снял усы и картуз, а потом, взяв под руки Степана и Полю, отправился с ними на Пятницкую. Заранее выделенные товарищи проводили нас до конки.

Итак, первое публичное выступление, хотя и стоило

мне больших волнений, прошло благополучно. На очередном занятии кружка, когда это выступление разбиралось, Скворцов сказал, что выступал Федор неплохо, но зря надрывал голос и срывался на крик — говорить нужно спокойно, не горячась.

Так начал я вести агитацию в рабочих массах. Выступал впоследствии не только на летучках, но и на больших рабочих митингах — в Московском университете, в Охотном ряду, у памятника Пушкину, на фабрике Цинделя и т. д. В театре «Аквариум» я выступал по порядку тридцать шестым оратором. После этого на заводе меня даже стали звать в шутку «тридцать шестым». Много раз приходилось выступать на массовках и в подмосковных лесах.

Вспоминая о работе, проводившейся заводской партийной организацией после II съезда РСДРП, хочется рассказать о деятельности большевиков среди крестьян. Многие московские рабочие были связаны с деревней и в праздники выезжали навещать семьи. По предложению Московского Комитета рабочие, ранее жившие в одной волости или уезде и работавшие теперь в Москве, стали организовываться в группы земляков. Партийные организации заводов и МК снабжали эти землячества брошюрами и листовками для распространения в деревне. Члены землячеств должны были также вести устную агитацию среди крестьян.

На заводе у нас были организованы можайское, бронницкое, подольское и другие землячества. Бронницкое землячество возглавлял слесарь Степан Кулешов. В нем состояло восемь человек — три человека с нашего завода, остальные — с других предприятий.

Начали мы свою работу в деревне с поездки на пасхальные дни. Нужные материалы получили от МК заблаговременно. Особенно нас радовало, что для распространения и читки среди крестьян нам дали несколько экземпляров брошюры В. И. Ленина «К деревенской бедноте».

В пасхальную ночь мы, четыре велинских земляка, показались в церкви, но вскоре незаметно вышли и отправились клеить листовки. Две приклеили тут же на воротах церковного сарая, одну — на пожарном сарае в Кривцах, потом разукрасили листовками стены и стол-

бы в деревнях Велино, Тимонино, Бритово и Хлуденево. Управившись, снова зашли в церковь и все четверо стали истово креститься и подпевать хору. На рассвете расходившиеся по домам люди увидели наши прокламации.

Как у нас, так и в соседних деревнях, где были расклеены листовки, поднялся переполох, прискакали урядник, становой пристав со стражниками и стали срывать листовки. Но было уже поздно — листовки свое дело сделали, и всю пасху разговор шел только о них. Народ говорил, что листовки правильные, что крестьянам и в самом деле живется невыносимо трудно, что дальше мириться с этим нельзя.

Вскоре после пасхи в Бронницком уезде должен был состояться крестный ход. Мы решили заранее расклеить листовки на телеграфных столбах по всему пути крестного хода. В деревне почти до самого рассвета происходили ночные гулянья молодежи, и наше отсутствие на гулянье вызвало бы пересуды, а потом все бы поняли, что листовки клеили мы. Поэтому пришлось пойти на хитрость: мы прикинулись подвыпившими. И наш уход был оправдан: по существовавшей тогда в деревне хорошей традиции с подвыпившими парнями девушки не танцевали, и в игры их тоже не принимали. Делать нам на гулянье, следовательно, было нечего.

Мы ушли и направились расклеивать листовки вдоль шоссе на Бронницы. Двое работали по одной стороне дороги, двое — по другой. Клеили через два столба на третий. Листовок хватило на 8 верст. Закончив работу, мы, маскировки ради, с песнями прошли несколько раз по деревне. Днем, когда крестный ход двинулся по шоссе, листовки читали тысячи людей. Большую работу мы задали приставу со стражниками, которым пришлось усердно скрести столбы, чтобы очистить их от прокламаций.

В дальнейшем наше землячество удалось расширить, мы связались с другими деревнями уезда и с партийной группой Раменской фабрики.

В годы столыпинской реакции землячества фактически прекратили свою деятельность, но после победы Февральской революции они вновь были восстановлены и сыграли немаловажную роль в борьбе большевиков за

крестьянские массы. Многие активные работники зем­лячеств были строителями Советской власти на местах — в уездах и волостях. Опыт массово-политической работы в деревне, накопленный землячествами в первый период их существования, был использован при проведении Октябрьской социалистической революции.

В декабре 1904 г. партийный организатор на нашем заводе В. С. Удалов сообщил, что меня решили назна­чить казначеем по сбору членских взносов и средств на нужды партии. Особенно бережно он посоветовал мне хранить чековую книжку. Чековая книжка по формату была немногим меньше нынешнего партийного или проф­союзного билета и состояла из корешков с талончиками. На книжке, в центре ее, стояла печать с надписью: «За­москворецкий районный комитет РСДРП. Москва». При уплате взноса корешки оставались в книжке для отчета перед районным казначеем, а талончики отдавались чле­нам партии, которые были обязаны тут же их уничто­жить.

Первое время я хранил чековую книжку в сапоге под стелькой. Мой сосед по комнате Степан не раз говорил мне, что я небрежно храню книжку и при первом же обыске засыплюсь. Правда, этого, самого худшего, не произошло — при обыске весной 1905 г. у меня ничего не нашли, но я понял, что только недогадливость шпиков опасла меня от ареста, а нашу организацию от провала. После этого случая я стал относиться к хранению пар­тийных документов более серьезно. В дополнение к каз­начейским документам мне была передана партийная библиотека.

В период глубокого подполья руководящие кадры партии назначались партийными центрами. Но, как я помню, и в условиях подполья, когда представлялась возможность, в партийных организациях осуществлялись выборные начала, предусмотренные Уставом. Так, в фев­рале или марте 1905 г. в помещении Пречистенских ра­бочих курсов¹ конспиративно, под видом учебных заня-

¹ Пречистенские рабочие курсы — вечерние общеобразовательные курсы для взрослых. Открыты в 1897 г. Среди слушателей курсов было сильно влияние большевиков. В 1917 г. Пречистенские рабо­чие курсы были преобразованы в Рабочие социалистические курсы, на основе которых в 1919 г. был создан вечерний рабочий факультет.

тий, состоялось первое собрание большевиков нашего завода, на которое пришло около 20 человек. Избрали председателя и секретаря собрания. Ф. П. Демидов сообщил, что нам нужно избрать заводской партийный комитет, библиотекаря и казначея. Кто-то из присутствующих бросил реплику: «Зачем выбирать, у нас уже есть и организатор, и библиотекарь, и казначей». В. С. Удалов разъяснил, что эти лица были назначены, а по Уставу партии эти обязанности должны выполняться wybranными товарищами.

В результате голосования был избран первый заводской партийный комитет в составе трех человек: Удалов, Демидов, фамилию третьего товарища забыл. Казначеем избрали меня, библиотекарем — И. Миронова. Тот факт, что выбирали казначея и библиотекаря ячееки, подчеркивал важность и ответственность этих обязанностей в условиях подполья.

В обязанности казначея, как и прежде, входили все финансовые дела: сбор денег на партийную газету, на покупку книг для партийной библиотеки, помощь бастующим и арестованным товарищам, сбор членских взносов.

В круг обязанностей библиотекаря входило приобретение политических брошюр и книг, выходявших в легальных издательствах «Молот», «Колокол», получение нелегальной литературы и распространение ее среди рабочих. Последнее требовало большой конспирации. Например, для распространения листовок надо было раньше всех прийти на завод, незаметно расклеить их в соответствующих местах, а также разнести по рабочим местам: подсунуть в тиски, в станок или в инструментальный ящик, чтобы рабочие быстро увидели и прочли листовку.

Несколько слов о библиотеке. В ней насчитывалось около 150 книг. Никакого помещения у библиотеки, конечно, не было: хранить книги приходилось в инструментальных ящиках, под полом, в проемах стен и в других местах. Выдача книг для чтения тоже требовала большой осторожности, так как в случае провала библиотекарю была гарантирована тюрьма или ссылка.

Наш заводской партийный комитет был политическим руководителем рабочих. Рабочие живо откликались на

его призывы к борьбе за свержение царизма, за победу пролетарской революции.

Через 14 лет после II съезда большевистская партия, идейно закалив рабочий класс, подняла его на победоносную Великую Октябрьскую социалистическую революцию, на завоевание диктатуры пролетариата. Революция победила. Первая Программа Российской социал-демократической рабочей партии была выполнена.

Публикуется впервые.



КОЛЕСНИКОВА
Надежда Николаевна
(1882—1964)

Член КПСС с 1904 г., участница декабрьского вооруженного восстания в Москве. В марте 1906 г. была арестована. До 1916 г. вела нелегальную партийную работу в Баку. В 1916 г. была вновь арестована. После Февральской революции — секретарь Московского окружного комитета РСДРП(б). С августа 1917 г. — на руководящей работе в Астрахани, Баку, Ярославле, Москве. С 1933 по 1957 г. — на научной работе в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и в Центральном музее В. И. Ленина. С 1957 г. — персональный пенсионер.



МОИ ШАГИ В РЕВОЛЮЦИЮ

Начало борьбы

Мой отец был мелкий конторский служащий на текстильной фабрике Даниловской мануфактуры. Здесь, на фабричном дворе, и прошло мое детство; здесь я рано познакомилась с несправедливостью в жизни. Из разговоров с детьми фабричных рабочих я поняла, что мне живется лучше, чем им: я учусь в школе, у меня есть интересные книги; они в школу не ходят, потому что на них оставляют маленьких ребят на целый день, кроме того, у многих из них нет обуви и теплой одежды. С большим волнением слушали они меня, когда я читала им книжки, рассказывала о школе.

Видела я и их матерей-ткачих, когда те гурьбой после свистка выходили из цехов фабрики. У ворот их уже ждали старухи и ребята с младенцами на руках, которых женщины поспешно разбирали и на ходу начинали кормить грудью, а за их юбки цеплялись ребята двух-трех лет. Иногда работницы, уволенные с фабрики из-за беременности, приходили к матери и просили какой-нибудь домашней работы, чтобы заработать 15—20 копеек на хлеб.

И здесь же на фабрике я видела особняки, стоявшие в глубине садов с цветниками и фонтанами. В этих особняках жило фабричное начальство. Сторожа не позволяли нам, ребятам, приближаться даже к заборам этих садов.

Никто не мог мне тогда объяснить, почему существует такая несправедливость в жизни: роскошь и богатство — у одних, нищета, голод и рабский труд — у других.

Позднее большое влияние на формирование моего мировоззрения оказала классическая русская литерату-

ра. С чувством большой благодарности вспоминаю я нашего преподавателя А. С. Хаханова, который некоторым из нас давал книги, запрещенные к чтению в гимназии. Так познакомилась я с сочинениями Белинского, Добролюбова, Чернышевского. Я была увлечена их идеями, но современную общественно-политическую жизнь знала мало и осмыслить ее не могла.

Мое политическое просвещение началось, когда я поступила на Московские педагогические курсы и вошла в студенческую среду. Здесь я услышала о существовании политических партий, кое-что узнала об их программах, но разбиралась во всем этом плохо. Нужен был какой-то толчок извне, чтобы я могла осмыслить то, что так смутно бродило во мне. В этом отношении большую помощь оказали мне лекции по русской истории, которые начал читать у нас на курсах приват-доцент Московского университета Михаил Николаевич Покровский.

Первая лекция М. Н. Покровского на тему «Материалистическое понимание истории» прямо-таки потрясла меня. Я поняла, что та история, которую мы изучали, была ложью, обманом, что прославление царей, министров, полководцев — это не история.

Михаил Николаевич помогал нам в подготовке рефератов, снабжал книгами, указывал литературу, которую можно было достать в Румянцевской библиотеке.

В 1902 г. я узнала, что в России есть социал-демократы, стремящиеся создать партию, которая возглавила бы борьбу рабочего класса с существующим строем, основанным на угнетении и эксплуатации народа.

Мне удавалось доставать и читать нелегальную марксистскую газету «Искра», а также некоторые издания других направлений. Номера «Искры» я перечитывала по нескольку раз и решила, что именно эта газета говорит правду. Вскоре прочла книгу В. И. Ленина «Что делать?», а в начале 1904 г. узнала о состоявшемся II съезде РСДРП, о расколе партии на большевиков и меньшевиков и стала решительно на сторону большевиков. Я старалась установить связь с большевиками, но это оказалось для меня делом трудным.

В то время я была уже учительницей в одной из городских начальных школ на Пресне; там же при школе

я жила. Школа помещалась рядом с Прохоровской мануфактурой, и моими учениками были преимущественно дети рабочих и служащих этой фабрики.

Некоторые из учителей нашей и соседних школ являлись членами Московского педагогического общества, существовавшего при Московском университете. Здесь я близко познакомилась с учителями, которые подобно мне интересовались общественной жизнью. Мы часто беседовали, спорили, главным образом о путях борьбы с существующим строем. Я стремилась сблизиться с прогрессивно настроенными учителями.

Преподаватель Торговой школы Ананьин ввел меня в кружок учителей, занимавшихся самообразованием путем чтения политической литературы. Узнав, что Ананьин состоит в социал-демократической партии, я стала просить его помочь и мне вступить в партию. Вскоре он устроил мне встречу с товарищем, который назвал себя Василием и сказал, что он является представителем МК и должен прежде познакомиться со мной. Он подробно расспрашивал, что я читаю, что знаю о партии, а затем сказал, что, вероятно, меня используют на пропагандистской работе, и дал две темы, по которым я должна была подготовить тезисы для занятий в кружке рабочих. Помню, что одна из тем была сформулирована так: «Классовая структура современного общества и классовая борьба в нем»; вторая — «Кто может быть членом партии».

Через некоторое время учитель Чернышев, поддерживавший связь с Московским Комитетом, сообщил, что меня приняли в партию и зачислили в группу пропагандистов при Московском Комитете. Мне было поручено вести занятия в кружке рабочих. В кружок входило 25—30 рабочих с различных предприятий Лефортовского района. По предложению МК в основу занятий было положено изучение «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса и Программы партии, принятой на II съезде РСДРП.

Первые мои занятия прошли сухо, хотя я и хорошо готовилась к ним. Я стеснялась моих слушателей; боясь показаться назойливой, опасалась задавать вопросы об их работе и жизни. И занятия были оторванными от жизни.

Своими переживаниями я поделилась со старостой

кружка Анисимом Ивановичем и сказала ему, что мне с детства знакома тяжелая жизнь рабочих и их семей.

— Эх, — воскликнул Анисим Иванович, — да у вас есть великолепный материал из жизни, который вы можете использовать на занятиях.

Мы условились, что на следующем занятии я буду говорить о вопросах, связанных с бытом рабочих, — о жилищах, о неграмотности, о женском и детском труде и т. д.

— Не беспокойтесь, рабочие ваши рассказы дополнят, — сказал в конце беседы Анисим Иванович.

Действительно, на следующем занятии нам оказалось мало двух часов, и мы решили продолжить обсуждение поставленных вопросов. Мне показалось, что после этого занятия рабочие стали относиться ко мне теплее.

Первые скудные сведения о событиях 9 января 1905 г. в Петербурге мы получили из легальных буржуазных газет. Затем появились листовки Центрального и Московского комитетов партии большевиков, рассказавшие о Кровавом воскресенье и задачах, которые встают перед партией и рабочим классом в связи с этим.

Трудно передать, какое негодование и ненависть к царскому строю испытывал каждый из нас, когда перед глазами вставала ужасная картина расстрела безоружных рабочих, стариков, женщин, детей. В Москве забастовали почти все предприятия. Забастовки проходили бурно. Лозунг «Долой царя!», требования политических свобод, амнистии для политических заключенных — вот что звучало на собраниях и на демонстрациях бастующих рабочих. В течение января занятия в кружках не проводились. Затем мы получили от МК указание строить занятия на современном материале. Когда мой кружок собрался в первый раз после перерыва, я прочла товарищам статью В. И. Ленина «Начало революции в России».

Статья произвела громадное впечатление. В ней говорилось о том, что рабочие наблюдали сами в своей среде: исчезновение веры в царя, озлобление против существующих порядков, сознание, что только борьбой можно добиться улучшения своего тяжелого положения. Ленинский лозунг вооруженного восстания не только не пугал рабочих, а, наоборот, находил в их среде всемер-

ную поддержку. «Если с нами заговорили пулями, то и мы должны отвечать пулями», — заявляли они.

Занятия кружка стали проходить живее, интереснее. Особенно запомнились мне занятия на тему «Почему Россия терпит поражение в русско-японской войне». Рабочие рассказывали о письмах, которые они получали от родных и знакомых с фронта. Эти рассказы являлись живой иллюстрацией к ленинским положениям о том, что война приближает крушение всей политической системы России, что война вскрывает несостоятельность царизма.

Осенью 1905 г. представитель Московского Комитета ознакомил нашу группу социал-демократов учителей с решениями III съезда партии и предупредил, что в ближайшие месяцы надо ожидать больших событий. Нам дали № 9 газеты «Вперед»¹ и сказали, чтобы мы внимательно прочли и обсудили статью В. И. Ленина «Новые задачи и новые силы» и подумали, какие выводы нужно сделать нам, учителям, из этой статьи.

Мы обсудили статью и пришли к убеждению, что она имеет непосредственное отношение к нам: Ленин ставит вопрос о том, что в связи с колоссальным ростом революционного движения надо вербовать новые силы для охвата своим влиянием этого движения. Мы сделали вывод, что силы эти надо черпать и из рабочей среды, и из среды городской демократической интеллигенции, какой являются учителя.

В МК РСДРП наше решение одобрили и сказали, что нам дается партийное поручение — помимо пропагандистской работы в рабочих кружках развернуть политическую работу среди учителей, применяя различные формы: создание кружков, созыв собраний отдельных групп учителей, индивидуальную агитацию. Нам указали, что задача эта нелегкая, так как часть учителей аполитична, другие находятся под влиянием либеральной буржуазии и об общественной жизни судят по либеральной печати, что многие учителя сочувствуют эсерам. Речь шла не о вовлечении учителей в партию, а о том, чтобы вызвать у них сочувствие к революционному движению и желание помогать ему.

¹ «Вперед» — нелегальная большевистская газета, выходившая в Женеве. Организатором и руководителем газеты был В. И. Ленин. Он писал: «Направление газеты «Вперед» есть *направление старой «Искры»*».

В соответствии с указаниями Московского Комитета мы повели работу с учителями, главным образом с молодыми. К октябрю нам удалось объединить большую группу революционно настроенных учителей. Мы проводили собрания, на которых выступали с докладами, устраивали дискуссии. Местом наших сборов по большей части была школа, находившаяся возле Курского вокзала. Мы стали эту школу называть нашим штабом. На наших собраниях по поручению МК несколько раз выступал с докладами Михаил Николаевич Покровский.

В то же время мне хотелось принимать участие и в общей революционной борьбе, которая с каждым днем все шире разворачивалась в Москве. Я старалась как можно чаще посещать рабочие митинги, проходившие в различных местах города. Были такие центры, куда собирались рабочие со всех районов, например театр «Аквариум» и Московский университет. В сентябре МК РСДРП выпустил листовку, в которой призывал учащуюся молодежь включиться в активную открытую борьбу против самодержавия, превратить университет в один из очагов революции, а его аудитории использовать для политического просвещения трудящихся. Листовка звала молодежь учиться действовать у авангарда русской революции — российского пролетариата и воспринимать революционную тактику у его передового отряда — Российской социал-демократической рабочей партии.

Прежде, до событий 1905 г., мне не раз приходилось бывать в помещении Московского университета. Запомнились тихие, полутемные коридоры, по которым проходили небольшие группы студентов или мелькали одинокие фигуры профессоров и преподавателей. Двери аудиторий всегда были плотно закрыты.

Теперь жизнь была здесь ключом: каждый вечер сюда приходили тысячи рабочих с разных концов Москвы, одновременно в двух-трех аудиториях проходили митинги, в коридорах то там, то здесь возникали горячие дискуссии. Я вливалась все, что говорилось на митингах, и с удовлетворением отмечала, что большевистские ораторы имеют наибольший успех.

Так продолжалось до начала октября, когда постановлением правительства университет был закрыт.

Начавшаяся еще в сентябре забастовка типографских рабочих с каждым днем расширялась, все больше предприятий присоединялось к ней.

Нас, учителей, волновал вопрос: когда же к стачке сможем присоединиться и мы? В Московском Комитете нам сказали, что все рабочие и служащие городских предприятий должны забастовать организованно, что идет необходимая подготовка к этому. 10 октября состоялась общегородская конференция большевиков, единодушно решившая объявить всеобщую политическую стачку. К бастующим присоединились новые предприятия, остановился городской транспорт, не действовал водопровод, с наступлением вечера улицы погружались в темноту.

Вскоре после начала забастовки я, молодой член партии, получила наглядный урок, какой оборот принимает дело, когда лицом к лицу сталкиваются представители рабочего класса и капиталистов.

От одной учительницы я узнала, что городская управа созывает совещание с представителями профессиональных союзов и политических партий. Мы решили послушать, что будет говориться на совещании. Это не составило особого труда, так как у входа в думу не спрашивали ни пропусков, ни мандатов.

Председательствовал городской голова князь Голицын, слышавший либералом. Открывая совещание, он сказал, что целью его является обсуждение не политических вопросов, а положения, в котором оказалось население Москвы в связи с забастовкой рабочих и служащих городских предприятий. Были произнесены слова о том, что страдают женщины, дети, вообще люди, далекие от политики. И вот городская управа созвала это совещание, чтобы найти выход из создавшегося положения.

Представители организаций потребовали перерыва для выработки своих предложений. Перерыв продолжался около двух часов. Когда совещание возобновилось, представители профессиональных союзов и партии социал-демократов стали оглашать свои декларации. Основным смыслом этих деклараций был таков: теперешняя городская дума и ее исполнительный орган — городская управа должны сложить свои полномочия, так как они представляют не народ, а фабрикантов, заводчиков,

домовладельцев и купцов. Немедленно должен быть избран организационный комитет из представителей организаций трудящихся, который временно возьмет в свои руки городское хозяйство и подготовит выборы в новую думу на основе всеобщего и равного избирательного права, путем прямого и тайного голосования.

По мере того как зачитывались эти декларации, нарастало раздражение членов президиума. Злобно, с пеной у рта они заявляли, что это совещание создано не для того, чтобы какие-то безответственные, никому не известные люди предъявляли свои требования им, избранникам Москвы.

Голицын стоял растерянный. В это время в зал быстрыми шагами вошел высокий полный человек. Весь его вид показывал, что он очень взволнован. В зале послышался шепот: «Каблуков, профессор Каблуков».

Подойдя к президиуму, Каблуков попросил слова для внесочередного заявления.

— Господа! Казаки, жандармы и полиция окружили университет, — взволнованно сказал он. — Студентам было предложено выйти из здания, они отказались, забаррикадировали все входы и готовятся дать отпор осаждающим. Господа, там прольется кровь наших детей, нашей молодежи. Я пришел сюда просить помощи, чтобы предотвратить это несчастье.

В зале несколько минут стояло молчание. Голицын, переговорив с членами президиума, объявил, что продолжение совещания переносится на следующий день на 10 часов утра. Но на другой день с раннего утра дума была оцеплена большим нарядом полиции и к ней никого не подпускали. Через день был опубликован так называемый манифест 17 октября, в котором царь обещал народу различные свободы.

18 октября Михаил Николаевич Покровский сделал нам доклад, в котором сказал, как большевики расценивают царский манифест и какие задачи партия ставит перед собой. История показывает, говорил Михаил Николаевич, что никогда нигде господствующие классы не уступали своего господства без ожесточенной борьбы. Свободы не даются, они завоевываются. Революция продолжается. Она неизбежно примет еще более острые формы борьбы. К этому мы все должны готовиться. У всех на глазах монархисты организуются. Черносотен-

ные организации — «Союз Михаила архангела», «Союз русского народа» — покажут себя в недалеком будущем.

Затем Михаил Николаевич сказал, что мы не должны ослаблять внимания к политическим событиям и обязаны держать постоянную связь с Московским Комитетом.

Собрание окончилось, и мы собирались расходиться. Вдруг во входную дверь раздался сильный стук. У некоторых из нас мелькнула мысль «полиция», кто-то спросил:

— Кто там?

— Товарищи, откройте скорей! — ответил взволнованный голос.

Когда дверь открыли, вошел один из наших товарищей. Он был бледен и даже не мог сразу заговорить.

— Случилось ужасное несчастье, — наконец произнес он, — черносотенцы убили товарища Баумана.

Мы, москвичи, хорошо знали замечательного большевика Николая Баумана, и это известие потрясло нас.

Михаил Николаевич сказал:

— Вот наглядный пример, чего стоят обещанные царем свободы! Видите, оценка нашей партией царского манифеста быстро подтвердилась.

— Но ведь партия, народ должны немедленно ответить на убийство Баумана, — заговорили мы.

— Конечно, партия ответит. Но сейчас я не могу вам сказать, когда и в какой форме это будет сделано. Держите связь с МК, — посоветовал Михаил Николаевич.

На другой день мы узнали, что похороны Баумана состоятся 20 октября, что МК организует демонстрацию, которая пойдет от Технического училища, где находится гроб с телом Н. Э. Баумана, к Ваганьковскому кладбищу. Сообщен был маршрут.

Я попала в колонну, которая шла посреди других, так что мне не было видно ни начала шествия, ни конца. Полиции на улицах не было, на тротуарах в глубоком молчании стояли толпы народа, из некоторых окон и с балконов свешивались самодельные красные флаги с черными лентами.

Впереди каждой колонны шел уполномоченный МК с красной повязкой через плечо. С нашей колонной шел Иван Иванович Скворцов-Степанов.

Уже смеркалось, когда подошли к Кудринской площади. Здесь мы остановились. Стояли довольно долго и беспокоились, что не попадем на митинг на кладбище.

Наконец подошли связные и объявили, что митинг уже начался, что вход на кладбище закрыт, так как кладбище больше не может вместить людей.

Мы продолжали стоять, надеясь на то, что по окончании митинга те, кто был на кладбище, выйдут, а мы сможем войти и поклониться могиле Н. Э. Баумана. Между тем совсем стемнело. Вновь подошедшие связные передали указание МК: расходиться по домам, идти разными улицами небольшими группами или в одиночку.

На другой день я узнала, что часть демонстрантов, возвращавшихся большими группами через центр, стала жертвой жестокой кровавой расправы: из двора университета на них выскочили казаки, жандармы и полиция, били нагайками, прикладами, топтали лошадьми. Многих загнали в Манеж и здесь избивали до потери сознания.

Так осуществлялись «свободы», обещанные царем.

Восстание на Пресне

Атмосфера в Москве в течение ноября была напряженной. Началась Всероссийская стачка почтово-телеграфных служащих. На происходившем железнодорожном съезде явно господствовали революционные настроения. Из уст в уста передавались слухи о волнениях в Ростовском полку и в других частях московского гарнизона.

Нам, служащим, разрешено было городской управой объединяться в корпорации. Ясного представления о том, чем должны заниматься эти корпорации, каковы их права, никто не имел.

Был создан совет уполномоченных, избранных от всех корпораций рабочих и служащих городской управы. Большинство совета составляли рабочие.

Подшел декабрь. 6 декабря мы собрались в своей школе. Наши связные принесли сообщение о том, что в соответствии с постановлением МК РСДРП Московский

Совет решил объявить с 7 декабря всеобщую стачку, с тем чтобы в ходе борьбы перевести ее в вооруженное восстание. Другой связной сообщил нам, что собрание уполномоченных всех корпораций рабочих и служащих городских предприятий и учреждений вынесло постановление о присоединении к забастовке.

Вечером собралась вся наша группа революционно настроенных учителей. Собрание длилось недолго; приняли декларацию, в которой говорилось, что мы, учителя, присоединяемся к восставшим рабочим и согласно указанию МК будем всеми мерами способствовать тому, чтобы школьные здания были использованы для нужд восставшего народа.

Декларация была для меня директивой, и я осталась в школе, где работала и жила. Я надеялась, что здесь, в рабочем районе, рядом с Прохоровской мануфактурой, применение моим силам найдется. Но когда стало слышно, что в других районах построены баррикады, идет уже вооруженная борьба, я начала беспокоиться, что события пройдут мимо и я не исполню своего партийного долга.

Все учителя, жившие с семьями в школе, уехали. Не было видно никого и из обслуживающего персонала. Только во дворе я встречала дворника Михайлу. Мне было известно, что почти все дворники Москвы находятся на службе у охраны и обязаны давать сведения о жильцах, на которых им указывают. Но Михайла не возбуждал у меня подозрений. Он вернулся с русско-японского фронта больной туберкулезом; меня всегда поражало страдальческое выражение его больших кротких глаз. И, как оказалось потом, я не ошиблась: когда его вызвали к следователю для показаний о том, что происходило в школе Серебрякова-Копейкина, и обо мне в частности, он заявил, что лежал больной и ничего не видел. Зато школьный сторож — здоровенный верзила с бегающими глазами и наглой усмешкой — казался мне определенно шликом.

Дня через два, выйдя на улицу, я увидела картину, которую не могла забыть всю жизнь.

На улице было много народу, царил праздничный оживление, слышались шутки, песни. Народ строил баррикады: из ворот выкатывали телеги, тачки, несли мебель — столы, комоды, железные кровати, решетки, ящи-

ки, здесь же валили телеграфные и телефонные столбы, опутывали все проволокой. Строительство баррикад, которое я наблюдала на Пресне, подтверждало слова Ленина, что революция — праздник трудящихся.

Я прошла до Большой Пресни; на всех перекрестках и вдоль Пресненской улицы были построены баррикады. Прошла в сторону Горбатого моста — и здесь везде уже были возведены баррикады. Радостная, возбужденная, я вернулась домой.

Но потом мной овладело раздумье: что же я буду делать — стрелять не умею, да у меня и нет никакого оружия, следовательно, я не могу бороться на баррикадах.

Тоскливо чувствовала я себя, размышляя о том, что не выполняю своего партийного долга — ничем не помогаю вооруженному восстанию.

В дверь комнаты постучали, а затем вошли трое рабочих. Они сказали, что штаб, руководящий восстанием, берет это здание в свои руки.

— А вы как хотите, оставайтесь здесь или уходите, сказал один из них.

— Я член социал-демократической партии и осталась здесь, чтобы участвовать в восстании, но до сих пор ничего не сделала и сейчас не знаю, с кем могу связаться, чтобы получить партийное поручение, — волнуясь, объяснила я.

— Отлично. Сейчас доложу комитету и сообщу вам его решение.

Я предупредила его, что здание не отапливается, а он сказал, что это будет улажено, и действительно истопник был прислан очень скоро и начал налаживать отопление.

Вскоре возвратился и товарищ, говоривший со мной. Он передал, что комитет назначает меня комендантом здания, я буду получать задания или через него, Иванова, или по особым запискам от комитета. Первое задание — наладить питание дружинников. Я должна следить за тем, чтобы в столовую не пробрался никто чужой. Люди будут проходить по специальным талонам. И он передал мне образец талона. Это был маленький квадратик бумаги, на котором стояла печать комитета и подпись. Пока мы с ним разговаривали, принесли про-

дукты, пришли две работницы, которые и начали хозяйничать в кухне.

Через два часа пришла обедать первая смена дружинников. Так начала функционировать столовая для боевой дружины. Работала она до конца восстания.

Какие оживленные, бодрые были дружинники в первые дни! Они рассказывали о том, как разоружали городских, сколько и какого оружия удалось взять, как они защищали ту или другую баррикаду. Среди дружинников была одна девушка, работница с Прохоровской фабрики — Козырева. Впоследствии мы вместе сидели в Бутырской тюрьме, и нас вместе судили.

Запомнился мне еще один дружинник — солдат, вернувшийся с фронта. Он привез с собой винтовку, с которой сражался теперь на баррикадах. Про него рассказывали, что он стрелял без промаха и метко сражал казаков. У него было добродушное, веселое лицо, и он всегда смущался, когда товарищи рассказывали о его подвигах.

Хорошо помню и тех работниц «Прохоровки», которые помогали мне. Их было шесть человек, они работали в три смены. По вечерам, ожидая последнюю смену дружинников, мы беседовали на кухне.

Я узнала, что работницы эти беспартийные, сочувствие их революции родилось как под влиянием тех речей, которые слышали они на собраниях, так и в связи с тем, что их мужья и сыновья участвовали в забастовках и восстании. О партиях они знали по названиям, знали также агитаторов, и некоторые им полюбились за то, что хорошо говорили о тяжелой жизни работниц. Много рассказывали они мне о Наташе, которая часто с ними беседовала. «Уж такая хорошая, такая хорошая», — говорили они. На мой вопрос — партийная ли она, они сказали, что она эсерка. На другой день они сообщили, что рассказывали обо мне Наташе и Наташа спросила, не перейду ли я к эсерам, на что они ответили — вряд ли. Я одобрила их ответ, а затем осторожно повела беседы о том, за что и как борются социал-демократы.

Скоро до нас стали доходить слухи, что в других районах Москвы баррикады разгромлены, что рабочие вынуждены сложить оружие. Но Пресня держалась, здесь шли упорные бои.

Узнали мы о том, что в Москву для подавления восстания прислан из Петербурга Семеновский полк. А на другой день дружинники рассказали, что отряд семеновцев появился на Пресне; когда он приблизился к одной из баррикад, дружинники его обстреляли, и отряд отступил.

Из рассказов дружинников было ясно, что солдаты и казаки, привыкшие встречать врага лицом к лицу, терялись, когда на них сыпались пули невидимого за баррикадами противника, и поворачивали обратно. Но дружинники не преследовали убежавшего врага, бои носили оборонительный характер. Враг был многочислен и хорошо вооружен, уничтожить его было трудно, и он пользовался своими преимуществами.

Чувствовалось, что с каждым днем напряжение нарастает. Запомнилась мне одна из последних ночей восстания. Мы покормили вечернюю смену дружинников. Было уже 2 часа ночи, когда пришел медицинский отряд. Врач предъявил мне распоряжение штаба — устроить отряд на ночевку.

— Мы работали почти двое суток без перерыва, — сказал врач, — боюсь, что можем заснуть так крепко, что не услышим стрельбы. Разбудите, пожалуйста, нас, если начнется стрельба.

Я сказала, чтобы не беспокоились, что спать не буду и разбужу их, как только услышу стрельбу.

Чтобы самой не задремать, ходила по коридору и прислушивалась. Часа два было тихо. Потом послышались выстрелы, но это были не такие выстрелы, которые мы слышали до сих пор. Стреляла артиллерия.

Я постучала товарищам.

— Слышим, собираемся, — раздалось из-за двери. Отряд быстро собрался и ушел.

Рано утром пришел товарищ Иванов и сообщил, что малая кухня, в которой на «Прохоровке» помещался комитет, разгромлена снарядами и штаб перейдет сюда. Необходимо выделить комнату.

Я приготовила комнату.

Скоро пришли, не помню точно, четыре или пять человек. Товарищи сообщили мне пароль и отзыв, по которым я должна была указывать помещение комитета тем, кто будет приходить.

Позднее, когда я познакомилась с З. Я. Литвиным-

Седым, я вспомнила, что он был среди этих товарищей. Кто были остальные, не знаю.

Ночью началось окружение Пресни. В последующие два дня восстание на Пресне было разгромлено.

В последний день утром меня позвали в комитет. Когда я вошла в комнату, товарищи стояли одетые. Они сказали мне:

— Вы знаете, что восстание разгромлено. Наши дружинники держались стойко, но силы были слишком неравные. По постановлению МК восстание прекращено. Мы уходим. Вы тоже, конечно, уйдете, но сначала вы должны выполнить наше поручение. Распоряжение генерал-губернатора Дубасова — громить артиллерией дома, откуда будет вестись стрельба. Мы не можем допустить разгрома школьного здания. Поэтому вы должны задержаться здесь и следить, чтобы никто отсюда не стрелял, не прятал в здании оружие. Вы уйдете тогда, когда будете уверены, что этого не случится.

Я заперла главный вход и стала дежурить у черного хода, из которого шла лестница на чердак. Как раз здесь и была сделана попытка спрятать оружие. Вошли студент в форме Технического училища и рабочий; в руках студента была винтовка. Я преградила им дорогу и сообщила распоряжение штаба.

— Но вы же понимаете, что семеновцы расстреляют меня на месте, если я попадусь им с винтовкой, — взволнованно говорил студент.

Я твердо сказала, что мы обязаны выполнять распоряжение руководителей восстания.

Рабочий поддержал меня и сказал:

— Пойдем, зароем винтовку где-нибудь в снегу.

Я им объяснила, что позади школы есть пустырь, заваленный снегом, там можно закопать винтовку, но только подальше от здания школы. Они ушли. Я дежурила еще часа два, потом заперла черный ход, еще раз обошла ту часть помещения, которая использовалась во время восстания, и ушла никем не замеченная.

Я пошла к матери в Замоскворечье. Путь мой лежал через Горбатый мост. На улицах было непривычно пусто и тихо. Баррикады были разрушены. Подойдя к Горбату мосту, увидела еще дымившиеся развалины фабрики Шмита.

Со стороны Пресни мост охранялся семеновцами, с противоположной стороны — солдатами московского гарнизона. Каждого проходящего обыскивали. Семеновцы обыскивали женщин нагло, отпускали циничные шутки. Также обыскали и меня.

Когда я приблизилась к другому концу моста, услышала позади ужасный крик и, обернувшись, увидела, что семеновцы бьют рабочего прикладами. Я невольно остановилась, но один из солдат потянул меня за рукав и сказал: «Проходите скорей». Я перешла мост, свернула направо и пошла по набережной.

Со стороны реки слышались ружейные залпы, и я вспомнила рассказы дружинников, что семеновцы выводят рабочих группами по 10—20 человек на лед и здесь расстреливают.

По окончании забастовки школы не приступили к занятиям, так как были рождественские каникулы. Я жила у матери. Никто из родных ни о чем меня не расспрашивал. Меня мучил вопрос: что будет с теми, кто поднял оружие против царизма, а сейчас, может быть, находится в руках карателей?

О себе я должна сказать, что во мне тогда было много наивности, недомыслия по поводу того, что ожидает лично меня. Я еще не имела дела с полицией, с охранкой, у меня не было обысков, меня не арестовывали. Я много читала о тех преследованиях, которым подвергались революционеры. Но ведь они долго и активно боролись, вели за собой рабочих. А я сделала так мало для революции, вероятно, об этом ни полиция, ни жандармы не узнают. Ни разу у меня не мелькнула мысль, что мне могут угрожать преследования, что, может быть, надо скрыться. Я дожидалась конца каникул, чтобы вернуться в школу и приступить к работе. Дня за три до этого пошла в школу, взглянуть, что там делается. Мать заявила, что она пойдет со мной, так как боится, что меня арестуют или даже убьют. Пришлось согласиться.

Уходя из школы, я заперла свою комнату и взяла с собой ключ. Теперь я увидела, что дверь открыта; стены, окна и занавеси изрешечены пулями. Дверца платяного шкафа разрезана штыком, и платье, которое ближе висело к двери, порезано.

Я хотела разузнать, как произошел разгром моей комнаты, и разыскала дворника. Он рассказал. Когда улицы очистили от баррикад, к школе подошел отряд семеновцев во главе с офицером. Солдаты были выстроены перед главным фасадом и первый залп дали в подвальный этаж, ранив зятя школьной кухарки. Кухарка выбежала из дома, упала в ноги офицеру, умоляла его не стрелять в невинных людей, говорила, что виновата во всем учительница, которая водила сюда дружинников, а сейчас заперлась в своей комнате. По приказанию офицера она показала мои окна. Солдаты дали несколько залпов, потом вбежали в здание школы и учинили разгром моей комнаты.

Я попросила дворника позаботиться, чтобы к началу занятий в комнате вставили стекла, и ушла вместе с матерью домой.

Это происшествие заставило меня задуматься о своем положении: становилось ясно, что моя деятельность получает огласку. Но посоветоваться о том, что мне делать, было не с кем.

Скрыться — это значит перейти на нелегальное положение. Ну, а дальше? Я молодой член партии, еще не проверена достаточно на работе, никто из руководителей партии меня не знает, еще не заслужила права стать профессиональной революционеркой, а просто скрыться и выжидать я не хотела.

В то же время у меня еще теплилась надежда, что все обойдется, что выстрелы в мою комнату — дело случая, никто на меня не донесет. Я решила вернуться на работу и в день начала занятий пришла в школу.

Лица ребят были сумрачны, иногда я ловила на себе их испуганные взгляды. Но что особенно поразило меня — это поведение учителей по отношению ко мне: они не только не отвечали на мои приветствия, но отворачивались, когда мы встречались в коридоре. Значит, хотя их и не было в школе во время восстания, они все знали и осуждали меня. Как же я буду здесь работать среди враждебно относящихся ко мне людей?

Не помню, как прошел первый учебный день.

Я сидела в своей комнате растерянная, грустная. Но вот блеснул луч сочувствия. Ко мне пришла знакомая учительница. Мы с ней хорошо знали друг друга и друг

другу симпатизировали. Ее звали Надежда Поликарповна Ширяева. Она была беспартийная, сочувствовала большевикам, ей доверяли: она прятала запрещенную литературу, у нее иногда ночевали нелегальные товарищи.

— Зачем вы здесь? — был ее первый вопрос, когда она вошла в комнату.

Я поделилась с ней моими мыслями: таких, как я, участников восстания, были тысячи, сделала я очень, очень мало, ведь нельзя же всех переарестовать и засадить в тюрьмы, да и куда мне деваться? Ни одного города, кроме Москвы, я не знаю, нигде у меня нет не только родных, но и знакомых.

— Но поймите, ваше участие в вооруженном восстании получило широкую огласку. Вам надо уехать хотя бы на время, а там посмотрим, как дело обернется.

Она посоветовала мне взять отпуск и поехать в Петербург. Я согласилась.

На другой день, заготовив прошение о двухмесячном отпуске, я отправилась в городскую управу. Членом управы, ведавшим делом народного образования, был Пузыревский. Увидев меня, он стал кричать:

— Как вы смели в школьное здание допустить дружинников? Как вы смели распоряжаться? Вы с ума сошли! Знаете ли вы, что Николаю Ивановичу¹ пришлось ехать к генерал-губернатору, просить, чтобы школу не расстреливали артиллерией. Нам пришлось исправлять отопление, это стоило 2 тысячи рублей.

Я молча слушала эту грозную речь.

Пузыревский кончил, и я почувствовала, что он в замешательстве, не знает, что со мной делать; с одной стороны, я как будто государственная преступница, с другой — нахожусь на свободе, и мне не предъявлено властями никаких обвинений.

Я воспользовалась этим и заявила, что по состоянию здоровья прошу дать мне двухмесячный отпуск. Мне показалось, что он обрадовался такому обороту дела. Я подала ему заготовленное прошение, и он наложил резолюцию, разрешающую отпуск.

¹ Н. И. Гучков. Был в то время городским головой.

На другой день рано утром пришла назначенная на мое место учительница, и я передала ей класс. Горько было мне расставаться с учениками.

Я уехала в Петербург, сняла комнату и прописалась по своему паспорту. Это было ошибкой, так как вскоре я была арестована и препровождена в Москву. Затем последовали тюрьма, следствие, суд, в конце которого я скрылась, а затем перешла на нелегальное положение.

Публикуется впервые.



КИСЕЛЕВ
Ефим Александрович

Член КПСС с 1904 г. Активный участник декабрьского вооруженного восстания в Москве в 1905 г., депутат Московского Совета. Делегат V (Лондонского) съезда РСДРП. В 1908—1914 гг. вел партийную работу в Новгородской губернии, на Урале и в Петербурге. В 1914 г. был призван в армию. На австрийском фронте в 1915 г. был взят в плен. В 1918 г. вернулся на родину. До 1954 г. находился на руководящей партийной, хозяйственной и профсоюзной работе. С 1954 г.— персональный пенсионер.

A handwritten signature in black ink, consisting of a stylized, cursive script that appears to be the name 'Efim Kiselev'.

В БОРЬБЕ ЗА СВОБОДУ

Революция началась

Весть о кровавом злодеянии царизма — расстреле мирной манифестации петербургских рабочих у Зимнего дворца 9 января 1905 г. — всколыхнула всю рабочую Россию, вызвала всенародный гнев и возмущение. Революционное брожение масс стало перерастать в открытую борьбу за свержение царского самодержавия.

Московский Комитет РСДРП выпускал в это время много листовок, в которых разъяснял рабочим смысл происходящих в стране событий, звал их на борьбу с кровавым царизмом.

Партийная организация машиностроительного завода Вартце, на котором я тогда работал литейщиком, широко распространяла эти листовки среди рабочих.

Весной многие активные члены заводской партийной организации, в том числе и члены заводского комитета, были уволены с завода, и руководство организацией было возложено на меня.

Агитационно-массовую работу мы проводили тогда главным образом в лесу, в Сокольниках. Рабочие приходили охотно, им было приятно после работы в душных и смрадных помещениях погулять в парке.

Помню, перед днем 1 Мая представитель МК принес пачку первомайских прокламаций. В них говорилось, что 1 Мая — праздник рабочих, праздник борцов за социализм. МК РСДРП призывал московских рабочих бросить в этот день работу и продемонстрировать свою солидарность с пролетариями всего мира. Прокламации мы распространили не только на заводе, но и разбросали на кругу «Старого гулянья» в Сокольниках, где собралось несколько тысяч человек.

В тот же день недалеко от «Гулянья», около Алексеевской водокачки, проходила межрайонная массовка; здесь по поручению районного комитета партии я и В. Старостин вывесили красные флаги. Ораторы произносили горячие речи. Настроение у всех было боевое и радостное. Под конец массовки патрули сообщили, что со стороны села Алексеевского едут рысью казаки, и тогда все быстро перешли линию железной дороги и разошлись по лесу. Это была первая большая массовка, на которой я присутствовал.

В мае из Сокольнического района выделились в самостоятельный район все железные дороги. К нам Московский Комитет прислал организатором В. М. Савкова (Тимофея). В это время районный комитет еще не избирался; в него вошли: организатор района В. Савков, В. Старостин с фабрики Динга, Жаров с фабрики «Богатырь» и я.

Во второй половине мая в Сокольниках состоялось городское собрание партийного актива, на котором был сделан доклад о III съезде партии. Кто делал доклад, не помню, но после собрания мы у себя в районе подробно обсуждали резолюции съезда об открытом политическом выступлении РСДРП, о вооруженном восстании, об отношении к либералам и другие. А когда в июле получили нелегальную книгу Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции», изучали ее в кружке.

Ленинская работа явилась для нас путеводной звездой. В ней разъяснялась суть разногласий между большевиками и меньшевиками по вопросам тактики в революции, меньшевики разоблачались как оппортунисты-хвостисты.

Революционное настроение рабочих весной и летом 1905 г. поднималось с невероятной быстротой. Большое влияние в этом отношении оказали всеобщая стачка в Иваново-Вознесенске и восстание матросов на броненосце «Князь Потемкин-Таврический».

После того как стало известно о расстреле царскими войсками собрания ивановских рабочих, в Богородском лесу, за Сокольниками, состоялась Московская партийная конференция, на которой было решено через два дня объявить всеобщую забастовку.

Московский Комитет выпустил прокламацию с призывом поддержать борьбу ивановских текстильщиков. Но в назначенный день в Москве забастовали только отдельные предприятия. Хотя всеобщая забастовка и сорвалась, но проведенная в связи с ее подготовкой массовая политическая работа сыграла свою роль.

Летом мы удачно провели массовку на «Старом гулянье» в Сокольниках. После речи оратора мы запели «Марсельезу», ее подхватили все присутствующие, а когда наш патруль сообщил, что приближается полиция, быстро разошлись. Но вскоре вновь расположились группой недалеко от «Гулянья», поставили несколько бутылок пива и пригласили песенников, которые по трое-четверо ходили по Сокольникам и за 15—20 копеек исполняли народные песни. Когда собралось много слушателей, мы бросили вверх пачку прокламаций, которые разлетелись веером, прокричали хором «Долой самодержавие! Да здравствует демократическая республика!» и запели песню «Смело, товарищи, в ногу...»

Первого октября на Верхне-Красносельской улице в квартире члена литературно-лекторской группы МК РСДРП С. И. Мицкевича собрался наш районный комитет. На заседание были приглашены представители некоторых фабрик: кондитерской Абрикосова, чаеразвешочной Высоцкого и др. Обсуждался вопрос, как предприятия подготовлены к забастовке. Выяснилось, что горючего материала для стачек много, но самостоятельно кончить работу могут лишь завод Вартце и фабрика «Богатырь». Решили повести усиленную агитацию на этих предприятиях, чтобы через два дня начать там забастовки и с их помощью втянуть в забастовку другие фабрики района.

На нашем заводе предварительно были выставлены требования к администрации и властям: немедленный созыв Учредительного собрания на основе всеобщего и равного избирательного права, введение 8-часового рабочего дня и сокращенного дня в субботу, повышение сдельной оплаты и другие — всего 21 требование. Против пункта о созыве Учредительного собрания вначале возражали некоторые пожилые рабочие, которые хотели ограничиться только экономическими требованиями, но после проведенной нами разъяснительной работы согласились и они.

Было решено начать забастовку 4 октября. Поздно ночью вернулся я к себе домой, но спать не хотелось. Оставят ли завтра работу старики литейщики и чернорабочие? А что делать, если старики не прекратят работу?

В день объявления забастовки рабочие явились на завод и разошлись по мастерским. Тогда я, Матюшин и Денисов собрали человек 30—35 молодежи и с криком «Бросай работу!» пошли к старикам. Мы вышли из литейной. Модельщики и обрубщики, увидев нас, направились в сборочную механического цеха. Когда собрались все, я поднялся на ящик. Сильно волновался — ведь это мое первое выступление и первая забастовка на заводе. Но скоро мой голос окреп, я говорил о том, как тяжело живется рабочим, как нас эксплуатируют, как самодержавный царь расстреливает рабочих за то, что они хотят улучшить свою жизнь, и как этот царь-батюшка посылал миллионы рабочих и крестьян на войну с Японией ради своих интересов.

— Никто нам не поможет, если мы сами не заявим о своих требованиях и не будем отстаивать их, — говорил я. — По примеру печатников мы должны настаивать на полном удовлетворении наших требований.

Потом я зачитал выработанные нами требования и проголосовал: будем объявлять забастовку или нет? Поднялась масса рук, лишь некоторые старички совсем не голосовали, ни за, ни против.

После этого мы вызвали директора, и я вручил ему наши требования. Когда он прочитал их, то заявил, что требование о созыве Учредительного собрания является политическим и администрации завода не касается. Я объяснил ему, что мы требуем Учредительного собрания вместо самодержавного правительства и настаиваем, чтобы он передал это требование властям. Об экономических требованиях мы просили сообщить заводладельцу и предупредить, что если он не удовлетворит их, то к работе не приступим. Когда стало известно, что администрация отказалась удовлетворить наши требования, мы пошли снимать с работы другие фабрики.

На третий день директор, видя наше упорство, согласился вести с нами переговоры и предложил выбрать для переговоров депутатов. После долгих споров администрация согласилась удовлетворить большинство на-

ших экономических требований и уплатить рабочим за период забастовки 50% жалованья.

Так закончилась первая забастовка рабочих завода Вартце.

После окончания переговоров настроение рабочих поднялось; мы вышли с завода колоннами с красным флагом, прошли с революционными песнями всю Верхне-Красносельскую улицу, мимо предприятий Попова, Абрикосова, Дмитриевой и Эггольма, рабочие которых, увидев нашу демонстрацию, приветливо махали из окон и ворот. Весть о нашей победе разнеслась по всему району. Наш завод стали называть боевым. Значительно возрос и авторитет заводской партийной организации.

В сентябре — октябре забастовки проходили на многих предприятиях Москвы, и Московский Комитет выпустил прокламацию к рабочим, в которой говорилось, что происходящие забастовки — первый шаг к борьбе за свободу.

Всеобщая политическая стачка

10 октября в Инженерном училище на Бахметьевской улице состоялась общегородская Московская партийная конференция. Присутствовало несколько сот человек. Это была первая такая многолюдная конференция. В ней участвовали руководители Московской организации большевиков В. Л. Шанцер (Марат), М. И. Васильев-Южин, И. Ф. Дубровинский (Иннокентий), М. Н. Лядов (Мандельштам), ответственные организаторы районов.

С докладом о всеобщей стачке выступил председатель МК Шанцер. Затем заслушали сообщения представителей от фабрик и заводов о настроении рабочих. Большинство представителей от крупных заводов говорили, что настроение рабочих очень хорошее, а другие сообщали, что их рабочие бастуют, добиваясь удовлетворения экономических требований. Когда дошла очередь до нашего района, то я сказал, что у нас на заводе Вартце забастовка только что прошла и большинство наших требований удовлетворено, настроение среди рабочих хорошее и по призыву Московского Комитета партии мы лег-

ко можем остановить свое предприятие и примем активное участие в организации забастовок на других фабриках. Конференция решила на следующий день провести по всем предприятиям митинги и собрания с призывом об объявлении всеобщей политической забастовки и начать ее под лозунгами: «Долой самодержавие!», «Да здравствует демократическая республика!»

На следующий день в обед агитатор Кузьмич принес нам прокламацию, в которой Московский Комитет призывал всех рабочих присоединиться к всеобщей стачке и предлагал выбирать депутатов для руководства стачкой, создать Совет рабочих депутатов для руководства борьбой против самодержавия. Вечером, после работы, мы собрались в механическом цехе. Я выступил с краткой речью и от имени большевиков призвал к всеобщей политической забастовке. «Мы, — сказал я, — со всем рабочим классом должны добиться свержения самодержавия и созыва Учредительного собрания. Да здравствует Всероссийская всеобщая забастовка!» Все дружно проголосовали за забастовку. Меня избрали депутатом в районный Совет от завода.

Вечером того же дня в народной школе на Сокольническом шоссе собрался районный комитет с представителями заводов и фабрик. По сообщениям товарищей установили, что начать самостоятельно забастовку на следующий день в районе могут: завод Вартце, Богородская резиновая мануфактура, завод Эггольма, чаеразвесочная фабрика Высоцкого, фабрика Динга и столярная Мишина.

Утром 12 октября, не приступая к работе, с пением «Марсельезы» мы вышли за ворота. Подойдя к чаеразвесочной фабрике Полова, стали требовать, чтобы открыли ворота. Часть рабочих фабрики присоединилась к нам, и мы пошли к фабрике Абрикосова. Здесь, соединившись с рабочими предприятий Динга и Эггольма, мы пошли в депо Николаевской железной дороги. Как только мы вошли туда, по всей линии многоголосно загудели паровозные гудки. Оказывается, рабочие Казанской и Ярославской железных дорог уже пришли останавливать движение на Николаевской дороге. 13 октября движение и на этой дороге прекратилось.

14 октября забастовка приняла всеобщий характер. Бастовали приказчики магазинов, служащие аптек. При-

остановилось движение конок, трамваев, прекратилась подача газа и электричества. На улицах всюду толпилось много народа, проходили летучие митинги. Члены нашей заводской партийной организации первыми выступали перед рабочими, сама масса выдвигала ораторов и вождей забастовки. Нигде не было видно ни солдат, ни полиции. Иногда на Верхне-Красносельской улице раздавались пронзительный свист и крики. Это группа рабочих кричала: «Фараоны», и улюлюкала, завидя городских, старавшихся незаметно скрыться в ближайшем полицейском участке. По вечерам рабочие толпами шли в здания учебных заведений, где в переполненных залах происходили митинги и собрания.

Правительство принимало все меры к тому, чтобы подавить революционное движение. Однако забастовка, охватившая всю страну, показала силу и мощь пролетарского движения, заставила насмерть перепуганного царя издать 17 октября манифест о даровании «свобод» народу.

В противоположность меньшевикам и эсерам, которые с удовлетворением приняли манифест и возвещали на митингах, что самодержавному произволу пришел конец, большевистские руководители Московской организации Шанцер, Васильев-Южин и другие в своих горячих, зажигательных речах и статьях разъясняли рабочим, что самодержавие не перестало существовать, что оно пошло только на некоторые вынужденные временные уступки.

Правы оказались большевики. Уже на другой день после опубликования манифеста черносотенцы стали организовывать погромы и убийства. В черносотенной газете «Московские ведомости» появилось воззвание, призывающее всех «благочестивых» граждан собираться в церквях и после молебнов записываться в «дружины порядка».

Первой жертвой черносотенцев пал большевик Н. Э. Бауман, убитый во время демонстрации 18 октября, направлявшейся по призыву МК РСДРП к Таганской тюрьме для освобождения арестованных. Похороны Баумана вылились в могучую демонстрацию протеста против царского самодержавия.

В последующие дни октября на улицах начали появляться группы вооруженных черносотенцев. Готовясь к

борьбе с ними, мы активизировали работу по вооружению заводской дружины: достали для дружинников три браунинга и маузер, ковали на заводе холодное оружие, начали проводить занятия по стрельбе в цель. Все это нам вскоре пригодилось. В один из воскресных дней в конце октября в Инженерном училище на Бахметьевской улице был организован многолюдный митинг, на охрану которого в помощь студенческой дружине была вызвана и наша, заводская. Во время митинга на улице появилась большая толпа черносотенцев, среди которых, как выяснилось позже, было много переодетых городских. Мы предупредили черносотенцев, но они продолжали приближаться к училищу, и тогда дружинники были вынуждены применить оружие, причем вначале дали холостые выстрелы, а когда это не подействовало, пришлось дать несколько залпов по черносотенцам, и только после этого они разбежались, побросав своих раненых.

Политическая стачка перерастает в восстание

Депутаты, выбранные от предприятий во время октябрьской стачки, организовались в районный Совет рабочих депутатов и собирались на совещания еженедельно. Такие совещания происходили в помещении народной школы на Сокольническом шоссе и в чайной, находившейся на краю села Богородского по Черкизовскому шоссе. Депутатами от фабрики Динга были Старостин и Фетисов, от завода Эггольма — Волков, от фабрики Абрикосова — Володин и Шумаков, от чаеразвесочной Высоцкого — Петрухин и Федоров, от фабрики «Богатырь» — Жаров, Чирихин, от фабрики Мишина — Кудрявцев, от завода Вартце — я и другие.

Обыкновенно на этих заседаниях вначале заслушивали информацию ответственного организатора района Веры Дмитриевны (Ф. А. Шнеерсон) о текущих политических событиях. Затем слушали доклады представителей предприятий о настроениях рабочих.

Обсуждали и такие вопросы: как вести успешную борьбу с пьянством, дебошничеством, с хищением на предприятиях инструментов и материалов. Особенно

много внимания уделяли руководству стачками, которые проходили на отдельных предприятиях. В ноябре проходила экономическая забастовка на заводе Эггольма и обойной фабрике Дмитриевой. Проведение забастовок осложнилось тем, что хозяева бакалейных магазинов на Красносельской улице отказались отпускать в кредит товары бастовавшим рабочим, хотя прежде они постоянно кредитовали рабочих до получки.

Районный Совет обсудил положение и направил меня и В. Старостина к хозяевам магазинов, чтобы от имени районного Совета рабочих депутатов предложить им продолжать отпуск продуктов в кредит до окончания забастовки. Когда мы пришли в магазин к Жданову и сказали, что явились от имени районного Совета, он сначала ответил, что никаких депутатов знать не хочет. Тогда мы заявили, что он морит рабочих и их семьи голодом и срывает забастовку и, если в дальнейшем откажется кредитовать рабочих, то районный Совет применит к нему революционные меры: объявит его магазин под бойкотом. С нескрываемым беспокойством и злобой хозяин спросил: «А что это такое бойкот?» Мы объяснили, что поставим около магазина патрули, которые будут вести агитацию среди покупателей, чтобы те не покупали в его магазине, а если это не поможет, примем и другие меры. После долгих споров он согласился кредитовать по-старому. С бакалейщиком Соловьевым произошел разговор в таком же духе, и он тоже согласился кредитовать рабочих. Но с самым богатым бакалейщиком Ефимовым наши переговоры ни к чему не привели, и его магазин был объявлен под бойкотом, о чем рабочих уведомили через депутатов. Около магазина выставили патруль, который не допускал покупателей. Через два дня после объявления бойкота хозяин согласился отпускать рабочим товары в кредит.

В результате таких действий и сборов денежных средств для помощи бастующим рабочим стачки на предприятиях были выиграны.

В ходе революционной борьбы в Москве образовался Совет рабочих депутатов. В Совет выбирали одного депутата от 400—500 рабочих. На предприятиях, где было более 400 рабочих, выборы были прямые, а там, где было менее 400 человек, — двухстепенные: сначала

избирали уполномоченных — одного от 50 человек, а уполномоченные нескольких таких заводов уже выбирали депутатов. На нашем заводе работало меньше 400 человек. Наши уполномоченные совместно с уполномоченным завода Эггольма на совместном заседании выбрали депутатом в Московский Совет меня.

Первое заседание Московского Совета состоялось 22 ноября 1905 г. в зале студии Станиславского (угол Мерзляковского переулка и Поварской улицы). Присутствовало около 180 депутатов. На этом заседании было принято воззвание к трудящимся Москвы, в котором говорилось, что предстоит жестокая схватка с царским правительством и капиталистами. «Будем же бодро и деятельно готовиться к решительному бою», — призывало воззвание. На заседании было также решено издавать газету «Известия Московского Совета рабочих депутатов» и был избран Исполнительный комитет, в состав которого вошли и руководители московских большевиков — Васильев-Южин и Шанцер. От каждого района в Исполнительный комитет ввели по два депутата от рабочих. От Сокольнического района — Жарова и меня.

27 ноября в помещении Музея содействия труду на Рождественке состоялось второе заседание Совета. Был обсужден вопрос о порядке выборов депутатов в Совет, о помощи бастующим рабочим и другие важные вопросы, а также выделен делегат для поездки в Поволжье с целью помощи в организации Советов рабочих депутатов.

Третье заседание Московского Совета состоялось 4 декабря. На этом заседании обсуждали вопрос о подготовке всеобщей политической стачки и вооруженного восстания. (Накануне Московский Комитет РСДРП выпустил воззвание, призывающее готовиться к решительному бою с самодержавием.)

Большинство депутатов Совета высказывалось за проведение всеобщей политической стачки и вооруженного восстания. Было решено поставить вопрос на обсуждение рабочих всех фабрик и заводов и на следующем заседании Совета принять решение.

Пятого декабря утром мы провели на заводе общее собрание, на которое пришел наш агитатор Кузьмич и сделал доклад об арестах членов Петербургского Со-

та, о волнении в войсках. Настроение было возбужденное, требовали объявить забастовку.

Вечером 5 декабря в реальном училище Фидлера на Чистых прудах собралась Общественная конференция большевиков, на которой присутствовали представители рабочих, агитаторы и организаторы районов и представитель ЦК большевиков.

Народу в зале было очень много. Представители от рабочих имели красные билеты и решающий голос, районные работники — белые билеты и совещательный голос. В порядке дня стоял только один вопрос: о всеобщей забастовке. Один за другим выступали представители фабрик и заводов и рассказывали о настроениях, о количестве вооруженных дружинников и большей частью заканчивали речь сообщением, что рабочие требуют объявления стачки. Потом заслушали доклад военного организатора, который заявил, что революционное настроение среди московского гарнизона значительно окрепло, но сказать с уверенностью, что войска примкнут к восстанию рабочих, он не может.

Горячими сторонниками стачки-восстания были представитель ЦК партии И. А. Саммер и М. И. Васильев-Южин. Их речи, полные революционного гнева, сводились к одному: нельзя терять ни минуты; самодержавное правительство оправилось и перешло в наступление на революцию; рабочий класс Москвы стачкой-восстанием должен начать решительную борьбу с самодержавием.

После этих речей революционный энтузиазм большинства присутствовавших достиг предела. Но против стачки-восстания выступили Р. С. Землячка, в то время секретарь Московского Комитета, и Л. Н. Кудрявцев (Евгений) — ответственный организатор боевых дружин. Евгений говорил о том, что дружинников мало, что они не имеют опыта и плохо вооружены. Эти единичные возражения потонули в море революционных голосов, и конференция решила объявить всеобщую политическую забастовку с 12 часов дня 7 декабря, с тем чтобы перевести ее в вооруженное восстание.

Шестого декабря состоялось четвертое заседание Московского Совета. Стоял один вопрос: о всеобщей политической забастовке. Председательствовал на заседании рабочий из мастерской Московско-Брестской железной

дороги Гришин. Заседание началось докладами депутатов с фабрик и заводов. Все — не только большевики, но и эсеры и меньшевики — заявили, что рабочие требуют забастовки и рвутся в бой. Правда, эсеров и меньшевиков в Московском Совете, как я помню, были единицы. Эсеровские депутаты были избраны от Прохоровской мануфактуры, фабрики Мамонтова, а меньшевистские депутаты — от табачной фабрики «Дукат». У большевиков на этих предприятиях связей не было. В конце заседания с докладом выступил вернувшийся из поездки в другие губернии Васильев, который рассказал об организации Советов в Сормове, Нижнем Новгороде и других городах, о революционном настроении рабочих Поволжья. Депутаты единогласно приняли резолюцию, в которой говорилось, что Московский Совет рабочих депутатов объявляет всеобщую политическую забастовку в Москве с 12 часов дня 7 декабря и будет стремиться перевести ее в вооруженное восстание. Поздно вечером этого же дня мы созвали заседание районного Совета, на котором ответственный организатор района Ф. А. Шнеерсон сделала подробный доклад о решении партийной конференции и решении Московского Совета начать всеобщую стачку-восстание. Эти решения были единогласно одобрены. Мы выработали организационные мероприятия по проведению их в жизнь.

На следующий день ровно в 12 часов раздался оглушительный рев паровозных гудков, возвестивший начало решительной схватки революционных пролетарских сил с ненавистным самодержавием. Когда все рабочие нашего завода собрались в механическом цехе, я в короткой речи рассказал о решении Московской конференции большевиков и Московского Совета. Закончил словами: «Да здравствует всеобщая политическая стачка! Да здравствует последний и решительный бой с самодержавием!» Раздались аплодисменты, выражавшие согласие на призыв к стачке. Тут же подняли красный флаг и с пением «Марсельезы» отправились снимать работавшие еще фабрики. Вечером на заседании Сокольнического районного Совета установили, что несколько мелких фабрик в районе еще не забастовали, а все основные предприятия остановились. Продолжала работать и Николаевская железная дорога.

Подводя итоги первому дню забастовки, районный Совет решил: 1) принять все меры и снять с работы утром 8 декабря фабрики, которые еще не присоединились к всеобщей забастовке; 2) каждое утро устраивать общие заводские собрания для выяснения настроений рабочих; 3) разрешить открывать чайные без продажи крепких напитков при условии свободного проведения в них собраний рабочих.

Вечером 7 декабря собралась вся районная боевая дружина. Создали десятки и пятки, выставили посты для охраны штаб-квартиры, но этим и ограничились. У дружины не было никакого плана действий.

На другой день, 8 декабря, провели собрание на заводе. Некоторые рабочие пришли раньше и отковали уже кто штык, кто кинжал, кто пику. После собрания вышли с песнями за ворота. Проходя мимо фабрики Абрикосова, мы узнали, что фабрика уже не работает, однако ночью туда прислали отряд драгун. Драгуны вели себя пока мирно, даже собрание рабочих не разгоняли. Пошли дальше по Красносельской улице и увидели, что отряд драгун занял также Алексеевский девичий монастырь и выставил патрули не только у ворот, но и на колокольне, откуда можно вести наблюдение за Красносельской улицей. Рядом все еще работала Николаевская железная дорога, там часто раздавались свистки маневровых паровозов. Это нас тревожило. Рабочие возбужденно говорили: «Вот мы митингуем, а самодержавные сатрапы готовятся».

Вечером пошел на Покровку, где должен был засесть Исполком Московского Совета, и узнал, что 7-го арестованы Шанцер, Васильев-Южин и другие работники Московской организации большевиков.

Это было тяжелым ударом — потерять руководителей в самый разгар стачки. Заседание открылось с запозданием, и вначале все как-то не клеилось. Представителем от Московского Комитета был И. Дубровинский. Подвели итоги первого дня всеобщей забастовки и установили, что она началась дружно. Дали указание районным Советам, чтобы они приняли все меры и остановили еще работающие предприятия. Условились ежедневно устраивать собрания рабочих. Но что должны делать боевые дружины, в чем должны заключаться их решительные действия — таких указаний не выработали.

В боевом отношении районы были предоставлены самим себе. Вечером мы по своей инициативе разработали план и пошли разоружать постовых городских. Оказалось, многие из них уже попрятались, и нам удалось обезоружить только четырех городских и трех ночных сторожей; у других ночных сторожей все вооружение заключалось в свистках. В результате этого похода вооружение нашей дружины пополнилось только семью револьверами. Беспокоила и мозолила нам глаза работавшая Николаевская железная дорога, которая свистками паровозов напоминала, что она нам изменяет и предает нас. Мы решили послать трех человек на разведку, выяснить, как охраняется дорога, с какой стороны лучше к ней подойти, чтобы нарушить движение.

Разведка сообщила, что до самого Крестовского моста дорога усиленно охраняется войсками, но дальше охрана стоит реже. Как только стемнело, я, Волков с завода Эггольма и несколько дружинников, запасшись ключами для отвертки болтов и ломиками, стали пробираться цепочкой по два человека по линии Ярославской железной дороги к Пятницкому кладбищу. Мы прошли кладбище, миновали Крестовский мост и подошли к станции Петровско-Разумовское. Погода была плохая, шел снег. Утопая в сугробах, с трудом дошли до намеченного места. Расставив патрули, мы, девять человек, спустились в небольшую выемку к полотну дороги, где пролегал главный путь, соединявший Москву с Петербургом, и приступили к разборке рельсов. Прошло несколько минут. Только мы отвинтили в одном конце болты скрепления и вытащили несколько костылей, как со стороны станции раздался залп. Мы ответили беспорядочной стрельбой. Выстрелы со стороны врага участились, и мы, чувствуя значительный его перевес, ползком, прижимаясь к земле, отступили. Только под утро вернулись в свой район, имея одного раненого.

Эта попытка остановить Николаевскую дорогу убедила нас, что если бы в первый день стачки направить туда силы с предприятий, где организации были крепче, то дорогу можно было бы остановить.

Московский Комитет и Железнодорожный райком знали, что на Николаевской дороге организация очень слаба и что там лишь в последние дни октябрьской стачки, да и то с большим трудом, удалось с посторонней

помощью остановить движение. Но это не было учтено в декабре.

В эти же дни приходили к нам в штаб двое военных: один вольноопределяющийся, а второй — младший унтер-офицер. Они заявили, что солдаты-саперы, которые стоят в Сокольнических казармах, могут присоединиться к рабочим, но самостоятельно они из казарм не выйдут, а необходимо, чтобы пришли рабочие и помогли им. После обсуждения мы собрали рабочих и с пеннем революционных песен, с красным флагом двинулись к казармам. Однако многие участники этой демонстрации, боясь, что солдаты будут стрелять, по дороге разбежались, и к казармам подошло не так много народу. Но в это же время к казармам двигалась другая группа рабочих с фабрики «Богатырь», с которой мы и соединились. Подойдя к казармам, увидели, что у ворот и за железной оградой стоят на посту офицеры, а солдаты заперты в помещении. Так рухнула наша надежда получить хорошее оружие и добавочную боевую силу.

10 или 11 декабря вечером по темным улицам, что называется ощулью, я пробирался к Чистым прудам на заседание Исполнительного комитета Совета рабочих депутатов, которое на этот раз собиралось в частной квартире. От некоторых районов на это заседание представители не явились. Представитель от Московского Комитета большевиков сообщил о положении дел в районах, в частности о том, что во многих местах строятся баррикады, а правительственные войска начинают стрелять из пулеметов и орудий. В результате короткого обсуждения районным Советам была дана установка: если в рабочих кварталах появятся войска, то давать им огневой отпор.

Это было последнее заседание, на котором я и Жаров присутствовали от Сокольнического района. Потом разгорелась баррикадная борьба, и связь наша с Исполнительным комитетом Московского Совета прервалась. Наша районная боевая дружина не имела никаких дальнейших планов и, чтобы не быть в бездействии, присоединилась к боевой дружине Московско-Казанской железной дороги. В районе Казанки борьбой руководил представитель МК А. В. Шестаков (Никодим).

Мы построили баррикаду на мосту у Красносельской улицы и давали отпор казакам, которые пытались зайти

в тыл дружине, засевшей на Казанском вокзале. Все атаки мы отбивали успешно и потерь не имели. Но вот решено было атаковать в лоб и взять с боя Николаевский вокзал. Несколько раз мы пытались перебежать Каланчевскую площадь, но под сильным пулеметным и ружейным огнем вынуждены были отступить, потеряв несколько человек убитыми. Из нашей заводской дружины был убит Яков Михеев.

Так, обстреливая вокзальную площадь, дрались мы несколько дней, не пропускали через нее ни души. На ночь мы собирались в специально сформированный поезд, который машинист Ухтомский уводил на станцию Сортировочная или Перово.

14 декабря мы уже не смогли проехать поездом в Москву и только благодаря находчивости и мужеству машиниста Ухтомского прорвались сквозь засаду и вернулись в Перово.

Наша Сокольническая дружина с оружием пробралась через лесок к Семеновскому кладбищу. Потом мы зашли на Черкизовском шоссе в чайную, чтобы обогреться. Было уже поздно, и мы решили здесь заночевать. Выставили около дома караул и проспали спокойно.

На другой день пробрались к себе в район. Ответственного организатора нигде не нашли и на коротком совещании стали решать, что же делать дальше. Для нас стало ясно: восстание проиграно, орудийных и ружейных выстрелов не слышно, полиция и казаки осмелели и свободно ходят группами по улицам, чего не было во время восстания. Тут же мне поручили спрятать все оружие, имевшееся у дружинников.

Когда все разошлись, я вместе с Владимиром Старостинным перетаскал оружие в бакалейную лавочку Красавина, находившуюся на углу Огородной и Проезжей улиц (Красавин в то время помогал нам кое-чем). Оружие мы запрятали в картофель и в мешки с крупой. Позже все это оружие мы вернули организации в целостности и сохранности.

Наш завод приступил к работе 18 декабря. Меня усиленно разыскивала полиция, и я, переночевав несколько дней у знакомых, на некоторое время скрылся из Москвы.

В марте 1906 г. я поступил работать на завод Тильманса, в Бутырском районе.

Районная организация еще не оправилась после декабрьского восстания, некоторые активисты были арестованы, многие были уволены с заводов, и, хотя партийная работа начала несколько оживляться, связи с предприятиями еще не были восстановлены.

После IV (Объединительного) съезда РСДРП

После IV съезда, состоявшегося в апреле 1906 г., у нас в районе (в Зыковой роще) прошло первое объединенное собрание с меньшевиками, которое показало, что хотя объединение на съезде и было провозглашено, но борьба между большевиками и меньшевиками не только не прекратилась, а еще больше обострилась. На первом же районном собрании был избран районный комитет, в который вошли шесть меньшевиков и три большевика — Фролов, Ведерников (Сибиряк) и я. Избрание в районный комитет большинства меньшевиков объяснялось тем, что в нашем районе было много мелких фабрик и мастерских, где меньшевистское влияние преобладало.

Однако на первой объединенной городской конференции (в мае 1906 г.), собравшейся в Измайловском лесу, подавляющее количество делегатов были большевики. Эта конференция показала, что объединение прошло только формально, а фактически работали пофракционно. Даже на конференции меньшевики держались отдельно. Выбрали Московский Комитет из 15 человек, из них 12 — большевики.

Восьмого июля 1906 г. царь распустил I Государственную думу, которая просуществовала два с половиной месяца. Числа 16—17-го в Сокольниках собралась партийная конференция, на которой было принято решение призвать рабочих объявить всеобщую политическую стачку протеста против разгона Думы.

Тут же было вынесено решение восстановить Московский Совет рабочих депутатов, для чего по предприятиям провести выборы депутатов.

24 июля, придя утром на работу, мы собрали всех рабочих в сборочной мастерской, и я в краткой речи из-

ложил, что социал-демократическая рабочая партия призывает всех рабочих объявить стачку против произвола самодержавия, разогнавшего Государственную думу.

Рабочие единогласно решили присоединиться ко всеобщей стачке. В конце митинга меня выбрали депутатом в Московский Совет рабочих депутатов. В тот же день вечером в Сокольниках, на Лосином острове, состоялось собрание Совета рабочих депутатов. От Московского Комитета партии на этом собрании присутствовали Б. П. Позерн, А. Эссен (Бур), других не помню.

Из докладов депутатов установили, что все крупные заводы присоединились к стачке, но значительная часть мелких фабрик и предприятий продолжает работу. В нашем Бутырском районе работали трамвайный парк, стекольный завод Дютфуа, обойная фабрика Кротова, резиновая фабрика.

Через день в Богородском лесу во второй и последний раз собрался Совет рабочих депутатов, созданный в 1906 г. Депутатов явилось меньше, чем на первое заседание, и выяснилось, что стачка в Москве как всеобщая не состоялась. По предложению Московского Комитета партии стачку решили прекратить.

После стачки вновь начались аресты. Чтобы избежать ареста, я ушел с завода, а в августе поступил на небольшой завод Эппле.

В начавшейся в конце 1906 г. избирательной кампании во II Государственную думу наша районная партийная организация приняла большое участие. Тактика бойкота, проводившаяся в отношении I Государственной думы, теперь была заменена участием в выборах. Эти выборы широко использовались партийной организацией для развертывания устной и печатной агитации среди рабочих.

Спрос на нелегальную литературу в это время был большой, нелегальная типография Московского Комитета не успевала выпускать нужное количество брошюр и листовок. По указанию Московского Комитета мы, девять дружинников Бутырского района, под руководством А. С. Ведерникова захватили на шесть часов частную типографию, находившуюся на углу Долгоруковской и Садовой-Каретной улиц, и отпечатали в ней более 45 тысяч экземпляров прокламаций МК РСДРП о выборах во II Государственную думу.

Перед тем как занять типографию, Ведерников сказал нам, кто что должен делать. Как только зажглись огни, мы, вооруженные на всякий случай револьверами и тремя бомбами, подошли к типографии. Два человека вошли во двор и заняли один выход из типографии, а другие под видом заказчиков и рабочих вошли в другой — с улицы, оставив двух человек у двери, чтобы никого из типографии не выпускали. Остальные, подойдя к владельцу типографии и вынув револьверы, спокойно объявили, что он арестовывается на время, пока мы отпечатаем нужное количество прокламаций. Отвели его в маленькую комнатку, поставили дежурить двух дружинников и приказали, чтобы он не шумел, так как иначе пойдет к праотцам. После такого предупреждения хозяин стал вежливым и даже давал нам кое-какие технические указания. Когда Ведерников рассказал рабочим типографии, в чем дело, то рабочие с радостью принялись устанавливать принесенный нами готовый набор.

Отпечатанные прокламации мы упаковали и на глазах у стоявшего на улице городского погрузили на извозчика и отправили на нелегальный склад Московского Комитета. Дня через два распространили их по предприятиям района. Мы были горды тем, что благодаря продуманному плану и решительным действиям успешно провели такую смелую операцию и сделали полезное для партии дело.

V (Лондонский) съезд РСДРП

В феврале 1907 г. партийная работа в Москве оживилась, началась подготовка к V съезду РСДРП. На каждом фабричном собрании в нашем Бутырском районе горячо обсуждался порядок дня съезда, платформы большевиков и меньшевиков.

В партийной организации района в это время насчитывалось более 500 членов партии. Согласно нормам представительства надлежало избрать на съезд одного делегата.

В марте в помещении правления профсоюза металлистов (Селезневская улица, 9/18) состоялось собрание уполномоченных партийных организаций для выбора делегата на V съезд партии. Собрание проходило вече-

ром; кроме 27 избранных организациями уполномоченных в качестве гостей присутствовало много рабочих. Все пришли прямо с фабрик и заводов, от одежды пахло керосином и маслом. Для голосования были выставлены две кандидатуры — Комарова с чаеразвесочной фабрики Перлова и моя. В результате голосования я собрал 24 голоса.

Вскоре в Московском техническом училище состоялась Московская городская партийная конференция, которая утвердила всех избранных на съезд делегатов. В числе делегатов от Москвы были большевики-рабочие: от Городского района — Петр Зайцев, от Сокольнического — Ландышев (расстрелян колчаковцами в 1919 г.), от Рогожского — Мишин (Том), от Лефортовского — Кирюшин и от Бутырского — я (на съезде значился под фамилией Ефимовский). Из профессионалов были избраны И. Ф. Дубровинский, М. Н. Покровский, В. П. Ногин, А. В. Вольский. В числе делегатов от Москвы были три меньшевика: Ф. А. Липкин (Череванин), Г. И. Хундадзе (Алексей Московский) и один рабочий с фабрики «Дукат» (фамилию его не помню).

Съезд должен был состояться в Копенгагене. Нам, делегатам, предстояло ехать туда через Петербург, Финляндию и Стокгольм.

Я получил явку от секретаря МК Марка (А. Любимов), который сказал:

— Смотри, веди себя конспиративно, а то будет потерян большевистский голос.

Когда мы по приезде в Петербург пришли на явку, нас встретил довольно холодно один из членов меньшевистского ЦК. Он направил нас в бюро думской социал-демократической фракции, которое находилось на Невском проспекте. Здесь нас приняли радушно, дали на дальнейший путь по 25 рублей и направили в Финляндию на станцию Куоккала, но предупредили, что проезд от Петербурга до станции Белоостров (станция на границе с Финляндией) опасен и надо быть особенно осторожными.

В Куоккала нас встретил партийный патруль и направил на квартиру, которую приготовили нам в пустующей даче. Здесь собралась большая часть московских делегатов и часть петербургских. Вечером, когда стемнело, нас пригласили на квартиру В. И. Ленина. Мы

оказались в скромной квартире, состоящей из двух маленьких комнат. К великому нашему огорчению, Владимира Ильича дома не было, он уже уехал на съезд. Встретила нас Н. К. Крупская. Она приняла делегатов с большим радушием, накрыла по-семейному стол, расспрашивала о настроении рабочих и была очень довольна, что среди делегатов от Московской организации много рабочих.

В квартире Ильича мы провели четыре часа. На второй день с осторожностью, по одному, по два человека мы садились в поезд и через Выборг и Гельсингфорс отправились в небольшой портовый город Ганге, где нас ожидал пароход.

В Москве партийная работа отнимала у нас много сил. Мы знали, что на каждом шагу нас ждет опасность, и нужно было вести себя как можно скрытнее, чтобы не дать прицепиться шпикам. А тут в море, после пережитых волнений, вдали от сыщиков и жандармов, мы почувствовали себя легко и свободно.

На пароходе делегаты держались фракционно, а во фракциях группировались по организациям. Мы, делегаты — рабочие от Москвы, группировались вокруг Ногина.

Как только мы разместились на пароходе, начался спор между большевиками и меньшевиками, перешедший в настоящую дискуссию об отношении к непролетарским партиям.

Меня, как и других делегатов, особенно рабочих, интересовало, как живут за границей. Мы приехали в Стокгольм в праздничный день, и на пристани было много гуляющей публики. Поезд отходил вечером, и мы пошли осматривать город. Стокгольм полон зелени, улицы чистые, много бульваров, цветников, фонтанов.

Как я уже говорил, первоначально съезд был назначен в Копенгагене. Мы приехали в шведский портовый город Мальме, который отделен от Копенгагена небольшим проливом. Здесь мы узнали, что в Копенгагене съезд запрещен.

Власти Мальме предложили нам в течение трех суток покинуть город. Мы уже боялись, что съезд партии вообще будет отложен. Начались хлопоты, организаторы съезда запросили Лондон, откуда пришло сообщение о разрешении провести съезд там.

В Лондоне нам, молодым рабочим-революционерам, все было интересно. Нас поразили лондонские музеи, театры, двухэтажные автобусы, огромные, ярко освещенные витрины магазинов. Но главное, что было дорого нам, — сознание, что в этом городе долгие годы жил и работал великий основоположник научного коммунизма Карл Маркс. Здесь вместе со своим ближайшим другом и соратником по революционной борьбе Фридрихом Энгельсом он написал «Манифест Коммунистической партии» — первый программный документ научного коммунизма. Здесь, в Лондоне, Маркс создал величайшее творение революционной научной мысли — «Капитал». Здесь находилась могила этого великого человека, вождя, друга и учителя международного пролетариата. Мы также знали, что в Лондоне жили и издавали свой «Колокол» русские революционные демократы Герцен и Огарев.

В день съезда нас проводили в какое-то странное здание, где должны были проходить заседания съезда. Оказалось, что это церковь, но по своему виду ничего общего с нашей церковью она не имела: в помещении не было никаких религиозных атрибутов; для проповедника стояла кафедра, за ней — орган, а в зале расставлены скамейки для прихожан. Казалось странным, что верующие люди дали свою церковь для заседаний безбожникам. Но потом мы узнали, что члены религиозной общины, которой принадлежала церковь, были в то же время и членами рабочей партии Англии.

Перед открытием съезда было созвано заседание фракции большевиков, которое открыл В. И. Ленин. Мне было тогда 20 лет. Я знал Владимира Ильича только по литературе, и он мне казался каким-то необыкновенным и недостижимым. Как же я был удивлен, когда увидел, что Ленин выглядит очень просто, одет в недорогой костюм, какие носят квалифицированные рабочие. На съезде он был постоянно окружен нашими делегатами-большевиками, внимательно слушал каждого, кто к нему обращался, отвечал на все наши вопросы, шутил, смеялся, держался с исключительной простотой. Владимир Ильич восхищал нас своими яркими, убедительными и понятными для рабочих выступлениями.

После заседания фракции пошли занимать места. Видим, меньшевики садятся по левую сторону от пред-

седателя. Раздаются голоса: «Зачем меньшевики сядутся не на свои места?» Несутся остроты: «Наверное, они теперь одумались и хотят полеветь», «Пусть начинают леветь делом». Большевики заняли правую сторону. В центре, ближе к большевикам, сели поляки и латыши, а ближе к меньшевикам — бундовцы. Входит в зал Плеханов. Раздается гром аплодисментов со стороны меньшевиков и бундовцев, а большевики, польская делегация и большая часть латышей молчат. Входит Ленин — гром аплодисментов со стороны большевиков, поляков, латышей.

Хотя съезд был подпольный, но делегатов собралось много — 342 человека, представлявших 150 тысяч членов партии.

Съезд открыл Плеханов. В своей приветственной речи он говорил о необходимости подыскания пролетариату союзников из буржуазии и призывал при этом делегатов к дружной, объединенной работе. Президиум съезда был избран из пяти человек — В. И. Ленин, Дан (Данилов), Я. Тышка (от поляков), В. Медем (Винницкий) — от Бунда, Ф. Розинь (Азис) — от социал-демократии Латышского края.

Первое заседание ознаменовалось инцидентом. Когда в конце заседания приступили к чтению заявления, внесенного группой петербургских меньшевиков, в котором они протестовали против избрания Ленина в президиум, поднялось бурное негодование со стороны большевиков. Кончилось тем, что президиум покинул свои места, вслед за ним постепенно вышли из зала заседаний и делегаты. Так закрылось первое заседание съезда.

На второй день съезд начал работу часов в двенадцать.

Обсуждение порядка дня съезда, предложенного ЦК, вызвало страстную полемику. Большевики стремились вскрыть существо принципиальных разногласий с меньшевиками и показать социал-демократам полякам и латышам хвостистскую сущность политики меньшевиков, их желание увести съезд от обсуждения общепринципальных вопросов. После продолжительных дебатов съезд включил в порядок дня: отчет ЦК, отчет думской фракции, вопросы об отношении к буржуазным партиям, о рабочем съезде, о профессиональных союзах и партии, о

партизанских выступлениях, о Государственной думе, организационные и другие вопросы.

Обычно в начале заседания читали приветственные телеграммы и письма. Приветствовала съезд вся мировая социал-демократия. Английская рабочая партия оказала нам большое внимание и устроила в нашу честь банкет; трудящиеся Англии видели в нас борцов с самодержавием.

Каждый вопрос съезда предварительно обсуждался на фракциях, после чего принималась резолюция. Съезд проходил бурно, в ожесточенной фракционной борьбе. Дело дошло до того, что в середине съезда было созвано отдельное собрание делегатов-рабочих, на котором мы обсуждали, что нужно сделать, чтобы работа съезда пошла быстрее.

С отчетом ЦК докладчиком выступал Ю. Мартов (от меньшевиков), с содокладом А. Богданов¹ (от большевиков). Как из доклада, так и содоклада было видно, что ЦК состоял из двух фракций. IV съезд объединил партию формально. В действительности между IV и V съездами в авангарде рабочего класса выступали большевики. Они последовательно защищали интересы рабочих, вели непримиримую борьбу с самодержавием и буржуазией. Меньшевики же только на словах говорили об интересах рабочего класса, а по существу они уже превратились в соглашателей, приспособлялись к политике либеральной буржуазии, уводили рабочий класс от революционной борьбы.

Из выступлений В. И. Ленина и других большевиков по докладу о деятельности ЦК выяснилось, что меньшевистская часть ЦК проводила оппортунистическую политику; вела переговоры о блоке с кадетами для проведения выборов во II Государственную думу, поддерживала кадетский лозунг о министерстве, ответственном перед Думой.

Доклад по отчету ЦК и прения заняли три дня. После

¹ Богданов А. (Малиновский А. А.) (1873—1928) — социал-демократ, философ, социолог, экономист, по образованию врач. После II съезда партии примкнул к большевикам. На III съезде был избран в члены ЦК. Участвовал в работе V съезда РСДРП. В годы реакции отошел от большевизма, возглавлял отзовистов, был лидером группы «Вперед», выступавшей против линии партии. В философии пытался создать собственную систему «эмпириомонизм». В 1909 г. был исключен из большевистской партии.

отчета ЦК слушался отчет думской фракции. Большевики в своих выступлениях привели целый ряд фактов об оппортунистической деятельности меньшевистской части фракции, о недостойном поведении ее руководителя Цетрели.

Большевики смотрели на Думу, как на трибуну, с которой необходимо разоблачать антинародные действия царского правительства и буржуазии. Прения по отчету думской фракции продолжались четыре дня и носили бурный характер, атмосфера до того накалилась, что был случай, когда один делегат (меньшевик) упал в обморок.

Принятие резолюции о деятельности фракции было отложено, перешли к обсуждению третьего вопроса — одного из главных в повестке съезда — об отношении к буржуазным партиям. Вопрос этот стоял в центре принципиальных разногласий, разделявших тогда партию. Большевики и бундовцы, поддержанные Троцким, решительно выступили против включения в порядок дня съезда общепринципиальных вопросов партийной тактики, в том числе и вопроса об отношении к либеральной буржуазии. Большевикам, поддержанным поляками и латышами, удалось включить этот вопрос в повестку дня съезда.

Доклад и прения хорошо сохранились в моей памяти. Выступали все лидеры фракций.

На трибуне — Ленин, он первый докладчик по этому вопросу. Вдохновенная, глубокосодержательная и простая речь Владимира Ильича была необычайно убедительной. Его внимательно слушали не только большевики, а все делегаты съезда, в том числе и меньшевики. В зале стояла абсолютная тишина.

В. И. Ленин доказывал, что рабочий класс в революции должен идти своим собственным путем, а не вместе с либеральной буржуазией, как утверждали меньшевики. Либеральная буржуазия, говорил Ленин, уже стала на контрреволюционный путь, и пролетариату необходимо вести борьбу против нее, а не искать с ней союзов и соглашений, как это делают меньшевики. Наша революция происходит в такое время, разъяснял он, когда пролетариат уже начал сознать себя особым классом и объединяется в самостоятельную классовую организацию. В этих условиях буржуазия не только не будет со-

действовать развитию революционной борьбы, а, наоборот, будет всемерно противодействовать пролетариату в доведении революции до конца, будет стремиться сохранить учреждения старой царской власти, чтобы использовать их против пролетариата.

В. И. Ленин четко сформулировал тактическую задачу революционной марксистской партии в России: социалистическое классовое обособление пролетариата и борьба под его руководством как против самодержавия, так и против предательской буржуазии. В замечательных ленинских словах выражалась глубокая, страстная вера в могучие творческие революционные силы российского пролетариата.

Интересную речь на съезде произнесла Роза Люксембург, выступавшая от поляков. Являясь крупнейшим работником германской социал-демократии, она прежде всего передала съезду привет от германских социал-демократов. Она соглашалась с большевиками и критиковала лидеров меньшевиков — Плеханова и Аксельрода, называя их оппортунистами. Ее речь, интересная, с яркими примерами и сравнениями, захватила нас. Большевистская фракция, поляки и латыши, поддерживавшие на съезде большевиков, устроили ей овацию.

Выступает Плеханов. Он высок ростом, одет в сюртук, держится величественно и недоступно. Некоторые меньшевики слушают Плеханова стоя. Он остроумен, речь его плавна, говорит с большим пафосом. Но в его речи не чувствуется революционного огня. Скорее эта речь похожа на затухающий костер.

По вопросу об отношении к непролетарским партиям кроме меньшевистского делегата Мартынова выступил меньшевистский лидер Дан. Он говорил гладко, но весьма бессодержательно и произвел на слушателей неприятное, отталкивающее впечатление и своим внешним видом и отношением к окружающим. Он скорее походил на владельца галантерейного магазина, чем на революционера.

После прений за основу был принят проект большевистской резолюции.

Меньшевики и бундовцы прилагали большие усилия, чтобы изменить большевистский проект на свой лад, и вносили с этой целью многочисленные поправки. Но все их поправки были отклонены. На Лондонском съезде

партии провал меньшевистской политики по отношению к либерализму был самый полный.

Большинством голосов была принята большевистская резолюция. Принятие съездом большевистской резолюции о непролетарских партиях, писал позднее В. И. Ленин, означает решительное отклонение рабочей партией всяких отступлений от классовой борьбы, признание на деле социалистической критики буржуазных партий и самостоятельных революционных задач пролетариата в данной революции.

Очень интересовал нас присутствовавший на съезде с правом совещательного голоса пролетарский писатель Максим Горький. Мы знали, что он вышел из низов, был рабочим и написал рассказы, в которых дал яркие образы эксплуатируемых и выразил искреннюю любовь к угнетенным. С рабочими он был ласков и внимателен, но вначале мы перед ним робели. Горький на заседаниях съезда сидел всегда вместе с большевиками.

Однажды после вечернего заседания съезда делегаты-рабочие окружили Горького и стали задавать ему разные вопросы: что он сейчас пишет, как его здоровье? Он рассказал нам, что недавно вышла его книга «Мать», в которой он старался отобразить жизнь и революционную деятельность сормовских рабочих.

Некоторые рабочие уже успели прочитать эту книгу и восхищались ею. Но один петербургский делегат, кажется Томский, высказал мнение, что во второй части книги действительность воспроизведена идеализированно, приукрашена, в жизни, мол, так не бывает. Горький внимательно выслушал, немного подумал, а потом заявил, что приукрашенного и идеализированного в его повести ничего нет, а что касается красочности, то в художественной литературе жизнь и должна изображаться ярко и красочно, особенно жизнь людей труда. Сама по себе борьба рабочих за правду, их борьба с угнетателями, сказал он, прекрасна.

В конце беседы мы задали ему вопрос: скоро ли он вернется в Россию? Он сказал, что очень скучает по России, но пока чувствует себя неважно. С Горьким мы разговаривали часа полтора.

Как-то в один из воскресных дней, когда заседаний не было, группа московских делегатов пошла в Гайд-Парк, где под открытым небом, как обычно, собралось

много народу и с нескольких трибун ораторы от разных партий произносили речи. Нам, приехавшим из царской России, было странно видеть, что народ свободно слушает речи на политические темы.

Мы долго ходили по парку, устали и сели отдохнуть. В это время к нам подошли В. И. Ленин, И. Ф. Дубровинский, М. Н. Покровский. В. И. Ленин спросил: «Ну как, товарищи рабочие, скоро ли мы в России будем так же свободно митинговать?»

Завязалась непринужденная товарищеская беседа. Владимир Ильич подробно расспрашивал нас. Сколько в районе предприятий? Сколько рабочих партийцев? Сколько рабочих в районном комитете? Каково настроение? Как идет борьба с меньшевиками?

С большим вниманием и интересом слушал Ленин наши подчас не совсем складные ответы.

В конце беседы речь зашла о том, что многие попутчики революции, особенно интеллигенты, примкнувшие к ней в момент подъема, сейчас уходят из партии.

— Ну и пусть уходят. Теперь самим рабочим необходимо вести всю подпольную агитацию и пропаганду. Противники большевиков — меньшевики и эсеры будут использовать против нас все наши слабые стороны, — сказал Владимир Ильич. — Вы больше читайте, учитесь говорить таким языком, чтобы вас понимали малосознательные рабочие. Особенно хорошо готовьтесь к пропагандистской работе.

Долго длилась беседа с Лениным. Неизгладимое впечатление осталось от нее.

Знакомясь все больше с Лондоном, мы увидели здесь ужасающую нищету английского пролетариата. В кварталах Уайтчепеля встречалось много детей, закутанных в лохмотья. Масса проституток. Все это напоминало нам, москвичам, Хитров рынок.

Последним вопросом на съезде, вызвавшим горячие споры, был вопрос о «рабочем съезде»¹. От меньшевиков докладывал Аксельрод, от большевиков — Г. Д. Линдов-Лейтейзен (во время гражданской войны был комиссаром дивизии, погиб в бою с белыми). По этому вопро-

¹ Меньшевики предлагали собрать съезд представителей различных рабочих организаций и на этом съезде создать «широкую рабочую партию». На деле это означало бы ликвидацию РСДРП.

су против меньшевиков голосовали даже бундовцы, и резолюция большевиков была принята подавляющим большинством.

После трехнедельной работы, напряженных прений и борьбы вокруг принимаемых решений съезд закончился. Настроение у нас было приподнятое. Торжественно спели «Интернационал». Раздался призыв: «Да здравствует русская революция!» Призыв подхватили все делегаты.

После съезда в одном из маленьких рабочих ресторанов состоялось последнее заседание фракции большевиков. По просьбе делегатов Владимир Ильич подвел итоги работы съезда.

Главный итог состоит в том, сказал он, что съезд закончился победой большевиков над оппортунистами-меньшевиками по всем главным, принципиальным вопросам. Необходимо теперь на местах еще сильнее развернуть работу, энергичнее и непримиримее бороться за высвобождение рабочих из-под влияния меньшевиков.

Эта последняя встреча с Владимиром Ильичем Лениным в Лондоне дала нам большую зарядку для партийной работы в России. Мы торопились на родину, чтобы скорее рассказать рабочим о решениях съезда и ленинском наказе, организовать наши большевистские силы на выполнение принятых съездом решений.

Возвращаться домой пришлось тоже с большими предосторожностями, так как правительство Столыпина, узнав о состоявшемся в Лондоне партийном съезде, дало полиции распоряжение задерживать на границе возвращающихся делегатов.

В Лондон делегаты ехали вместе, а обратно ввиду возможной слежки возвращались небольшими группами, по два-три человека, разъезжаясь разными маршрутами.

Мы вернулись в Россию и вновь оказались в условиях самодержавного произвола. Но выступления Владимира Ильича, его наказы вселили в нас твердую уверенность, что царизм не вечен, что будет и на нашей улице праздник.

Печатается впервые, за исключением нескольких страниц раздела «Политическая стачка перерастает в восстание», опубликованных в книге «На баррикадах» («Московский рабочий», 1935), и раздела о V съезде РСДРП, частично опубликованного в сборнике воспоминаний «О Владимире Ильиче Ленине» (Госполитиздат, 1963).



ПАНКРАТОВ
Иван Иванович
(1886 — 1962)

Член КПСС с 1906 г. Активный участник декабрьского вооруженного восстания в Москве. За революционную работу в 1908 г. был выслан в Вологодскую губернию. Из ссылки бежал за границу. В Париже изучал марксизм, слушал лекции В. И. Ленина. Вернувшись в Россию, продолжал революционную работу. В 1910 г. вновь был арестован и выслан на вечное поселение в Сибирь. С 1917 г. — на руководящей партийной, советской и хозяйственной работе. С 1946 г. — персональный пенсионер.

ПУТЬ В ШКОЛУ ЛЕНИНА

В 1904 г. по окончании технического училища я стал работать столяром-краснодеревцем в вагонных мастерских Московско-Казанской железной дороги. В 1905 г. принимал участие в октябрьской Всероссийской политической стачке, а потом в декабрьском вооруженном восстании. В начале 1906 г. по рекомендации рабочего-большевика И. А. Шапурова вступил в Российскую социал-демократическую рабочую партию.

С конца 1907 г. наша большевистская организация начала работать в Перове, куда были переведены вагонные мастерские. Связь мы держали с Сокольническим райкомом. Наша организация объединяла в то время 20 человек, не считая сочувствующих.

Сразу после переезда партийная организация начала знакомиться с двухтысячным коллективом рабочих. Мы и раньше знали, что многие рабочие Перова тесно связаны с деревней и среди них пользуется влиянием эсеровская организация. Эсеры в свою очередь знали, что среди влившихся в мастерские москвичей преобладает влияние большевиков. И вот между нами началась борьба за массы.

Помню, дня через четыре после переезда мне пришлось быть на массовке, организованной эсерами. Докладчика эсеры пригласили из Москвы. Как это обычно у них было принято, вся речь докладчика состояла из громких, трескучих фраз. Он то возвышал голос до визга, то понижал его до шепота, громил царя-кровопийцу, а заодно... и большевиков.

— Только бомбы, с которыми выступает партия эсеров против царя и его сатрапов, способны спасти дело

революции. Только социализация земли способна довести революцию до конца. Мужик — вот центральная фигура нашей русской революции, вот кто построит социализм в России, — примерно так закончил свою речь эсеровский докладчик.

Большевики мастерских не готовились к этому митингу; я пришел на него лишь с целью познакомиться с обстановкой и силами эсеров и выступать не собирався. Но речь эсеровского красная задела меня за живое, а полученные в кружках знания придали смелость. Я стал возражать докладчику.

— Мы, большевики, не против того, чтобы в России одним или двумя царями было меньше, — начал я свою речь. — Но что изменилось от того, что народовольцы убили Александра II, а эсеры — дядю Николая II московского генерал-губернатора Сергея Романова? Вместо убитого царя появился другой, еще более кровавый царь, вместо Сергея Романова — Дубасов. А сколько развелось на Руси родственников царя, разве можно перебить их всех бомбами? Убьешь одного, а на его место является другой, не менее свирепый. Да и стоило ли жертвовать ради убийства одного мерзавца лучшими людьми русского народа, какими были Степан Халтурин, Софья Перовская, Александр Ульянов, Иван Каляев?

Тут мне пришли на память мысли, которые развивал в своих произведениях В. И. Ленин, мысли о роли пролетариата, как преобразователя общества, о роли и задачах его партии.

— Господствующим классам России не убьешь бомбой террориста-одиночки, — сказал я. — Историю творят не герои, а народ, его наиболее передовой революционный класс. Этим передовым революционным классом в России является пролетариат, который и поведет за собой крестьянство к победе социалистической революции. Но чтобы он победил, к этому надо готовиться. Для этого нужна массовая политическая организация рабочего класса, правильно выражающая его жизненные интересы. Такой политической организацией и является партия социал-демократов большевиков, только она может сплотить и организовать рабочий класс и повести его к победе.

Укрепиться в мастерских нам помогли организован-

ные в цехах большевистские группы сочувствующих. Мы начали проводить в лесу массовки, на которые приглашали представителей из Московского Комитета.

Но не одни только выступления ораторов-большевиков поднимали авторитет нашей партийной организации в рабочей массе. Мы завоевывали его делами, повседневной защитой интересов рабочих перед администрацией.

В Перовских мастерских широко практиковались обыски рабочих при уходе с работы. Это унижало достоинство людей, оскорбляло их. В наших мастерских в Москве мы добились отмены обысков еще в 1905 г. В Перове же обыски проводились по-прежнему. Администрация оправдывала их случаями хищения из мастерских ценных материалов.

Имея свой актив в цехах и бригадах, мы установили, что воровством занимается кучка пьяниц, деклассированных и опустившихся рабочих. Вопрос об обысках обсудили на одном из собраний нашей большевистской организации. Потом при помощи сочувствующего нам актива из беспартийных мы обсудили его на собрании рабочих. Рабочие поддержали предложение об отмене обысков. Правда, не обошлось и без демагогии со стороны пьянчуг. Дескать, вот нашлись рачители хозяйского добра. Тут есть нечего, отца родного похоронить копейки нет... Но мы уже знали этих пьяниц-ворюг, и разбить их доводы нам было нетрудно.

На собраниях в цехах мы разъясняли рабочим, что бороться с нищетой трудящихся, которая является результатом эксплуатации их капиталистическими хищниками, путем воровства не только невозможно, но и вредно; на конкретных примерах мы показали, что это ведет к разложению самих рабочих.

Исходя из Программы нашей партии, принятой на II съезде, мы разъясняли рабочим, что бороться с нищетой и бесправием рабочего класса — это значит бороться против самой системы капиталистической эксплуатации. Борьба с воровством, объясняли мы, является средством воспитания рабочего класса. Воровство и связанные с ним обыски позорят рабочий класс, унижают его в глазах классовых врагов.

Таким образом, вопрос об отмене обысков наша большевистская организация сумела превратить в боль-

шой политический вопрос — разъяснение Программы нашей партии и способов борьбы за ее осуществление.

Делегаты, выбранные от каждого цеха, предъявили главному мастеру единодушное требование рабочих об отмене обысков, заявляя при этом, что борьбу с ворами рабочие берут на себя. После некоторых колебаний администрация удовлетворила наше требование, и обыски были прекращены. Пойти на это администрация согласилась, очевидно, потому, что обыски в проходной не являлись эффективной мерой борьбы с воровством. Материалы из мастерских выносились главным образом через многочисленные лазейки в заборе, которые выводили на железнодорожные пути станции Перово.

Авторитет большевистской организации еще больше возрос после того, как по нашей инициативе властями были освобождены 17 рабочих, арестованных на массовой в лесу осенью 1907 г.

Вместе с эсерами, с которыми мы иногда вступали, в соглашения по общим вопросам борьбы с царизмом, мы провели собрание рабочих, на котором выбрали делегатов для вручения губернатору Джунковскому требования об освобождении наших товарищей. При выборе делегатов произошло некоторое замешательство. Идти к царскому сатрапу никому не хотелось, а многие и просто побаивались. Наши крикуны-эсеры спрятались в толпе рабочих. Тогда инициативу взяли на себя мы, большевики.

Появление в губернаторском доме пяти представителей рабочих Казанской железной дороги, активно участвовавших в революции 1905 г., вызвало удивление военных чинов, находившихся в приемной Джунковского. Мы ждали. Вот зазвенели шпоры, двери широко распахнулись, и появился высокий, красивый брюнет в генеральской форме. Начался прием. Когда очередь дошла до нас, Джунковский, окинув нас взглядом, пренебрежительно бросил:

— Что вам надо?

Я сказал, что мы делегаты от двух тысяч перовских рабочих и пришли к нему с просьбой об освобождении наших арестованных товарищей. Дело было в воскресенье, добавил я, рабочие пошли в лес погулять, ни к каким собраниям и митингам они не причастны, ни в чем не виноваты, а их арестовали.

Джунковский еще раз окинул нас взглядом и сказал:

— Если арестованные не виноваты, то виноваты вы. Я посажу вас на их место.

На этом и закончился наш разговор. Но через три дня арестованные рабочие были освобождены. Однако слежка охраны за нами после этого усилилась. Пришлось уйти глубже в подполье и изменить методы работы, отказаться от организации широких массовок и сосредоточить внимание на работе в легальных организациях, больше уделять внимания культурно-просветительной работе.

Реакция свирепствовала, были запрещены профсоюзы. Первым из нашей большевистской организации был арестован табельщик А. М. Селянничев, которого взяли на нелегальном профсоюзном собрании железнодорожников. Его осудили на два года арестантских рот. Вслед за ним был арестован Сергей Филимонов, получивший ссылку на вечное поселение в Сибирь.

Началась охота и за мной: проводили обыски на квартире, несколько раз обыскивали мой шкафчик и верстак на работе. Искали предлог для ареста и наконец нашли.

В Петровских мастерских строился новый корпус. Подрядчик обворовывал и обсчитывал строительных рабочих-сезонников. Наша организация помогла им выработать требования и предъявить их подрядчику. Мы отпечатали на гектографе прокламацию, и строители забастовали. Но среди них нашелся предатель и указал на меня и моих товарищей как на подстрекателей забастовки.

Нас арестовали и отправили в Таганскую тюрьму. Узнав об этом, рабочие Петровских мастерских заволновались. Волнения были готовы вылиться в забастовку, и тогда нас срочно освободили. Моих товарищей снова приняли на работу, а мне администрация мастерских предложила обратиться в Управление дороги.

Это был маневр. Пока я раздумывал и собирался посоветоваться с товарищами, меня снова арестовали и на первом же допросе предъявили 129-ю статью — подстрекательство рабочих против хозяев.

Начались бесконечные допросы свидетелей, очные ставки. После восьми месяцев изнурительной канители и заключения в полицейской части мне объяснили, что дело по обвинению меня по 129-й статье прекращено и

по приказу генерал-губернатора Джунковского я высылаюсь на два года в Усть-Сысольск Вологодской губернии.

Только через несколько месяцев я добрался до Вологодской пересыльной тюрьмы, где встретил шедшего по этапу Иннокентия — И. Ф. Дубровинского. С ним же я встретился снова в 1909 г., но уже в Париже на квартире В. И. Ленина.

Ленин! О нем я слышал давно. Его произведения мы изучали в кружках в Москве. Еще больше я узнал о Ленине в тюрьме и ссылке.

Я узнал, что Ленин является создателем и вождем партии пролетариата, что он ведет ожесточенную борьбу с меньшевиками, скатившимися в болото оппортунизма. Находясь в вынужденной эмиграции, он направляет работу партии в России. Встретиться с этим человеком казалось для меня несбыточной мечтой. И вдруг несбыточное сбылось!

Летом 1909 г. Московская партийная организация предложила мне бежать из ссылки и отправиться на учебу в пропагандистскую школу на остров Капри.

Увидеть и услышать опытных революционеров, а может быть, и самого Ленина! Мне было радостно и немного тревожно: как мне, простому рабочему, который кроме Москвы нигде не был, без знания языка, удастся тайно перейти границу, добраться до Италии?

Город, в котором я отбывал ссылку, маленький, находится далеко на севере. Вся жизнь ссыльного здесь на учете: периодическая явка в полицию на проверку, контроль за перепиской, за путями возможного побега. Надо было все предусмотреть и тщательно подготовить побег.

И вот в одно августовское утро началось мое опасное путешествие. С товарищами было условлено: если стражник спросит, где Панкратов, ему скажут — ушел на рыбалку. Рано утром со знакомым машинистом я пришел на пароход и в качестве подсобного рабочего доехал до первой железнодорожной станции. Поездом прибыл в Москву.

В Москве состоялась радостная встреча с большевиком-подпольщиком Василием Ивановым, старым моим другом по мастерским на Казанке. Он дал мне явку в

подпольный Московский Комитет, а там уже я получил явки в Кременце на Волыни, во Львове и в Вене.

Из Москвы мы выехали втроем по подложным документам под видом маляров якобы для окраски церкви в Кременце. Доехали благополучно и быстро нашли явку. Вечером нас на лошади привезли в какую-то деревню и поместили в овине. Здесь мы сидели долго и беспокойно ожидали предстоящего перехода границы.

После того как в полночь сторож пробил 12 ударов, в душу стали закрадываться сомнения: а вдруг предадут, ведь всякое бывало, как рассказывали товарищи в ссылке. Сомнения и тревоги наши рассеялись, когда явился проводник.

— Луна скрылась, — сказал он, — идите за мной.

Версты через две проводник остановился:

— Ну, братцы, теперь надо ползти.

Ползли мы долго. Наконец проводник, поднявшись, сказал:

— Вот теперь мы и за границей, скоро будем в австрийской деревне.

Действительно, очень скоро показалась деревня. Встретила нас хозяйка русинка, которая хотя и плохо, но понимала по-русски. Но не успели мы попить чаю, как в хату явились австрийские жандармы и повели нас на пост. Проводник куда-то исчез. «Ну, — подумали мы, — оказались в лапах жандармов!».

У нас было заранее условлено, что в таких случаях будем говорить, что мы рабочие, едем в Америку искать лучшей жизни. Во Львове есть знакомый, который и приобретет нам билеты на проезд до Америки.

Жандармы нас внимательно осмотрели, взять им было нечего, и они направили нас на станцию Броды. Здесь мы купили билеты до Львова, сели в поезд и облегченно вздохнули.

Во Львове мы очень скоро отыскивали студента, к которому у нас была явка; он накормил нас обедом, купил билеты и отправил в Вену.

Мы долго любовались городом, чистыми улицами, парками и прекрасным Дунаем, который делил Вену на две части. Заходили и на окраины города. Там, как и в нашей белокаменной Москве, жили рабочие и прочий бедный люд. Окраины резко отличались от центра города. Правда, здесь все было приглажено, даже чистенько,

но сквозь чистоту на каждом шагу проглядывала бедность. Как видно, и здесь рабочему жилось несладко.

В Вене мы пробыли недолго и поехали в Фиуме — портовый город на Адриатическом море, а оттуда через Анкону — в Неаполь, в один из главных морских портов Италии.

Неаполь поразил нас красотой и роскошью зданий в центре города и запущенностью домов и грязью на окраинах.

На пристани мы спросили моряков, как попасть на остров Капри к Горькому. Услышав фамилию Горького, моряки заулыбались и указали нам на пароход. По внимание, которое нам оказывали на пристани и пароходе, мы почувствовали, что трудящиеся Италии знают и любят нашего Горького.

От Неаполя до Капри пароход шел два часа. Погода стояла прекрасная. Скоро стал виден Везувий. Он «дышал», и из его вершины вылетали клубы дыма. Берега Капри очень высокие. На остров мы поднялись в специальном вагончике, который тащила вверх железная цепь.

Алексей Максимович жил в большом доме, в котором раньше находился монастырь. Это помещение устраивало Горького, так как позволяло размещать многочисленных посетителей, которые часто приезжали к нему.

Во дворе нас радушно встретили жена Горького — Мария Федоровна Андреева и группа рабочих, приехавших раньше нас из других городов России. Они забросали нас вопросами, на которые мы еле успевали отвечать.

В доме к нам навстречу вышел Алексей Максимович. Улыбаясь, он приветствовал нас своим нижегородским говорком:

— Ну здравствуйте, представители Москвы! Как там поживает Москва? Каково было путешествие?

— Москва, Алексей Максимович, шумит, реакция из дня в день нагнет. А ехали забавно...

И мы рассказали о наших дорожных приключениях.

— Да, да, мои друзья, кто много видит, тот много знает. А теперь приведите себя в порядок и отдохните, — сказал Горький.

Вскоре начались занятия. Лекции читали: А. А. Богданов — политическую экономию, А. В. Луначарский — историю рабочего движения, М. Н. Покровский — исто-

рию России и историю культуры, М. Н. Лядов — историю РСДРП, А. М. Горький — историю художественной литературы, Станислав Вольский — об аграрной программе большевиков и других партий, Алексинский¹ — о финансах и синдикализме.

Нравились нам лекции Максима Горького и Луначарского. Горький нас захватывал простотой изложения. Собственно говоря, это были не лекции, а яркие рассказы о великой русской литературе, о литературе других народов. О каких бы художественных произведениях Горький ни говорил, в центре его образного рассказа всегда был человек труда. На примерах литературных героев он показывал красоту души создателя всех материальных и культурных ценностей — человека, которого калечит и губит окающая жизнь капиталистического общества. Устранить этот ненавистный строй, изменить уродующий жизнь людей уклад — таков был постоянный вывод из рассказов Горького.

Луначарский поражал нас мастерством речи, обилием знаний, особенно по истории искусства. Осматривали ли мы картины в музеях или раскопки древнего города Помпеи, Луначарский отвечал на любые вопросы: кто является творцом того или иного произведения, каковы его художественная ценность и условия, при которых оно создавалось. Говорил он ярко, образно, увлекался сам и увлекал нас.

Однажды, перед осмотром неаполитанского музея, он сделал нам доклад об античной культуре, о борьбе христианства с язычеством. Позднее мы узнали, что вопросы религии были в то время большим местом Луначарского. В период после поражения революции 1905 г. он «болел» так называемым «богоискательством» и по вопросам философии отходил от марксизма.

Вначале нам было непонятно, почему среди лекторов нет Ленина. Но вскоре мы узнали, что Ленин отказался приехать на Капри. Большевистский центр во главе с Лениным считал, что каприйская школа с ее лекторами-отзовистами и богоискателями является мнимопартийной, что партийная школа должна находиться в Париже, где было бы обеспечено руководство большевистского центра.

¹ См. примечание на стр. 206.

Со свойственной ему дальновидностью Владимир Ильич распознал в организаторах школы Богданове и Алексинском фракционеров. И действительно, богдановцы вскоре пошли на создание антипартийной фракционной группы «Вперед»¹.

Сначала мы не подозревали об этих замыслах организаторов школы. Но вскоре заметили, что Богданов и в особенности Алексинский стали резко отзываться о В. И. Ленине.

Отдыхая на берегу моря в свободное от занятий время, мы часто вели споры о русской революции. Часть учеников, распропагандированная руководителями школы, утверждала, что революция продолжается, что надо издавать листовки с призывами к восстанию, организовывать боевые дружины и немедленно начинать, где можно, вооруженное восстание. Другие же, в том числе и я, считали, что такая позиция неверна. Мы прекрасно видели, что обстановка в России в корне отличалась от той, которая была в революционные годы. Партийные организации сильно ослаблены, частью разбиты, забастовки рабочих почти прекратились, крестьянское движение всюду подавлено. Мы полностью были согласны с позицией В. И. Ленина: надо перестраиваться и готовить рабочий класс, крестьянство и армию к новой революции, использовать легальные и нелегальные возможности, не отрываться от масс.

Как-то на пляж бухточки пришел Алексинский. По-видимому, предупрежденный кем-то о наших разногласиях, он сразу же напал на меня. Убежденный в своей правоте, я стал энергично отстаивать свое мнение. Разозлившись, он назвал меня «агентом большевистского центра» и начал доказывать ученикам, что я прислан на Капри «самим Лениным». После этого я все больше убеждался, что в школе затевается что-то неладное.

¹ Группа «Вперед» — антибольшевистская, антипартийная группа отзовистов, ультиматистов и богостроителей; организована по инициативе А. Богданова и Г. Алексинского в декабре 1909 г. Имела печатный орган того же названия. После Пражской партийной конференции «впередовцы» объединились с меньшевиками-ликвидаторами и троцкистами в борьбе против ее решений. Не имея опоры в рабочем движении, группа «Вперед» фактически распалась в 1913 г. Формально она прекратила свое существование после Февральской революции.

Сначала «обработка» слушателей школы Богдановым, Алексинским и другими преподавателями велась очень осторожно. Выпад Алексинского против меня показал, что они начали действовать открыто. Богданов в одной из лекций прямо заявил, что Ленин в философии отстал, не идет в ногу с новыми веяниями и что надо организовать из лекторов и учеников каприйской школы группу «Вперед».

Мы убедились, что «впередовцы» начали организационно обособляться от большевистского центра. Я решил обо всем информировать В. И. Ленина. В середине октября послал ему в Париж письмо, в котором сообщал о том, что на Капри создается фракционная группа, и просил совета, как нам действовать. Через несколько дней В. И. Ленину было послано второе письмо, на этот раз за подписью «пятерки» (кроме меня письмо подписали Н. У. Устинов, В. Е. Люшвин, А. С. Романов¹ и Н. Н. Козырев). В этом письме мы подробно описывали все методы дезорганизаторской работы «впередовцев», сообщали о нашей борьбе с ними.

В конце октября мы получили от Ленина ответ на наши письма. Владимир Ильич писал: «Вам надо, товарищи, хорошенько вдуматься в новое создавшееся положение, чтобы мы вместе с вами могли обсудить его и предпринять правильные шаги... раз пришло дело к тому, что раскол школы неизбежен, надо ясно понять значение этого раскола, ясно представить себе, какая борьба вытекает из раскола, как будут стараться богдановцы всех вас «обезвредить» (т. е. лишить возможности провести свое влияние и рассказать правду о школе)...»²

В. И. Ленин советовал нам, как лучше обставить уход из школы, указывал на необходимость завоевать на свою сторону «нейтральных» учеников, подготовить ответ русским организациям о мотивах нашего ухода из школы и т. д. Он приглашал нас приехать в Париж.

Узнав о нашей переписке с Ильичем, богдановцы стали требовать, чтобы мы отказались от написанного Ленину. Мы энергично протестовали. Тогда совет школы исключил нас из числа слушателей. К нашему коллективному письму присоединился и один из организаторов

¹ Позднее был разоблачен как провокатор.

² В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 66.

школы — рабочий Н. Е. Вилонов (Михаил). Его тоже исключили. Мы вшестером поехали в Париж к В. И. Ленину.

Нас приветливо встретили в редакции газеты «Пролетарий» на авеню д'Орлеан. Там мы увидели и Владимира Ильича. В. И. Ленин встал из-за стола и пошел к нам навстречу, протягивая руку. Как-то по-своему просто он стал расспрашивать, из каких мы мест, какую работу вели в России, о состоянии большевистских организаций. Волнение наше быстро улеглось. Минут через 30 все уже чувствовали себя так, как будто давно были знакомы с Ильичем.

Слушал он нас с большим вниманием, иногда что-то записывал. Беседа продолжалась больше трех часов.

Познакомившись с каждым из нас, Владимир Ильич наметил план занятий с нашей группой. Хотя в группе было всего пять¹ человек, нашей учебе Ленин уделял большое внимание. Занятия продолжались больше месяца. Лекции читали И. Ф. Дубровинский, Н. А. Семашко, А. И. Любимов (Марк) и другие. Владимир Ильич провел с нами ряд бесед; наиболее подробно он останавливался на двух темах — «Современный момент и наши задачи» и «Столыпинская земельная реформа». Он рассказывал нам о расстановке классовых сил в России, разъяснял, что столыпинская реформа с ее ставкой на кулацкие хутора и превращение страны в буржуазную монархию не даст тех результатов, на которые рассчитывают царизм и буржуазия. Он говорил о необходимости усилить работу среди крестьян и солдат, чтобы подготовить их к новой революции, что пролетариату в борьбе с царизмом надо нейтрализовать промежуточные группы.

Мы восхищались ленинской железной логикой, его революционным оптимизмом. Интересы революции были для него превыше всего. Когда речь заходила об оппортунистах, о фракционерах из группы «Вперед», Ленин был особенно резок и беспощаден. Он клеймил их как ревизионистов и авантюристов.

Нам посчастливилось также слышать выступления

¹ Н. Е. Вилонова, больного туберкулезом, Владимир Ильич через несколько дней после приезда отправил лечиться на курорт Давос в Швейцарии. Н. Е. Вилонов умер там в 1910 г. — *Прим. автора.*

Ленина в Париже на двух собраниях эмигрантов. Один раз это было на большом собрании, на котором кроме большевиков присутствовали кадеты, эсеры и меньшевики. Ленин выступал с докладом о кадетском сборнике «Вехи». Владимир Ильич разоблачил либералов, показал трусость и реакционность кадетов, их пресмыкательство перед царским правительством. В конце доклада Ленин говорил о Плеханове и меньшевиках, резко критиковал их заявление о том, что в 1905 г. рабочим не нужно было братья за оружие. Говорил Ленин на этом собрании очень спокойно, жесты его были сдержанны, но аргументы убедительны. Мы были в восторге от нашего Ильича.

Второй раз мы слушали Ленина на собрании большевиков и сочувствующих им. Тема доклада — «Парижская коммуна» — была любимой темой Ленина. На этот раз он говорил страстно, был весь в движении. Своей речью Владимир Ильич захватил буквально всех, и воодушевленные слушатели устроили ему бурную овацию.

В Париже мы узнали В. И. Ленина как изумительно-го пропагандиста марксизма, который глубоко и в то же время просто разъяснял законы общественного развития, учил распознавать врагов и видеть всю сложность борьбы рабочего класса за свое освобождение. Вместе с тем перед нами был страстный агитатор, звавший рабочий класс к организованности и к героической борьбе против самодержавия, за свержение капитализма, за утверждение диктатуры пролетариата. Мы увидели в нем и выдающегося теоретика, творческого марксиста-революционера.

Прослушав ленинские лекции и беседы, мы выехали на нелегальную работу в Россию.

Частично опубликовано в сборнике «Они встречались с Ильичем». «Московский рабочий», 1960. Полностью печатается впервые.



ДОРОФЕЕВ
Яков Васильевич

Член КПСС с 1907 г. Активный участник первой русской революции и Великой Октябрьской социалистической революции. После октября 1917 г. — член МК партии, секретарь Моссовета. В последующие годы — на административно-хозяйственной работе. С 1955 г. — персональный пенсионер.

A stylized, handwritten signature in black ink, consisting of several loops and a long horizontal stroke.

К НОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Шел 1907 год. Царское правительство подавило первую русскую революцию и усиленно громило революционные рабочие организации. В Москве всюду шныряли сыщики.

Несмотря на обстановку жесточайших репрессий и непрерывных преследований, партийная работа в Рогожском районе Москвы не прекращалась. С конца 1906 г. по начало 1908 г. ею руководил Виктор Алексеевич Радус-Зенькович (Егор), который в то время был членом Московского Комитета РСДРП и ответственным партийным организатором по нашему району.

Мы, рабочие, в праздничные дни обычно собирались в трактирах. Занимали стол, стоявший где-нибудь в сторонке, в углу, и старались не привлекать к себе внимания посетителей трактира. Заказывали чай с баранками на четыре-пять пар. Виктор Алексеевич в начале беседы расспрашивал нас об условиях работы у фабрикантов, о настроениях рабочих, а затем уже рассказывал о политике: о причинах поражения революции 1905 г., о значении «Коммунистического манифеста», о партийной программе-минимум и программе-максимум.

Политграмота давалась нам трудно. Работали мы по 10—11 часов, питались плохо, сильно уставали. Бывало и так — на беседу должны прийти пять-шесть человек, а приходили два-три. Беседа все равно проводилась.

В летнее время собирались чаще всего в Измайловском лесу; обычно сюда приходили 50—60 передовых рабочих с фабрик и заводов района. Нас обучали собирать и разбирать револьверы, быстро набивать землей мешки и строить из них баррикады. Учились мы и петь

революционные песни. На таких собраниях мы лучше узнавали друг друга, устанавливались товарищеские отношения.

В организации партийной работы в районе Радус-Зеньковичу помогал другой профессиональный революционер — П. И. Барсов (Иванов). Это был интеллигент, человек необыкновенно простой. Он любил заходить к рабочим на квартиры. Мы с Сергеем Цветковым занимали тогда угол в небольшом доме № 13 по Ново-Спасскому тупику. Барсов часто приходил к нам. Он хранил у нас шапирограф, на котором мы печатали листовки. Ему мы рассказывали о притеснениях, которым подвергаются рабочие со стороны фабрикантов. И Барсов писал листовки, в которых разъяснял рабочим необходимость борьбы со штрафами, призывал их дать организованный отпор фабриканту объявлением однодневной забастовки, а черносотенных мастеров, приказчиков и других хозяйских прислужников рекомендовал вывозить с фабрики на тачках за ворота.

Такие листовки мы печатали в небольшом количестве и распространяли на фабриках Катыка, Эрманса, Челевецкого, заводе Губанова. Листовки живо воспринимались рабочими и поднимали их боевое настроение.

Но однажды я совершил ошибку. Барсов предложил нам спрятать шапирограф подальше. Я зашил его в свой соломенный матрац. Когда же через несколько дней мы вынули шапирограф, то увидели, что от соломы он весь покрылся полосками и был непоправимо испорчен. Это был единственный шапирограф на весь район, и я мучился от вины перед товарищами за то, что погубил большое дело.

Летом 1907 г. сбылось мое желание — меня приняли в партию. Перед тем как пойти на собрание райкома, со мной много раз беседовал на политические темы рабочий-большевик Сергей Иванов. А затем в один из июльских воскресных дней мы с ним пересекли Андроньевскую площадь, спустились у стены монастыря под откос, заросший кустарником, высокой травой и крапивой. Из этих зарослей появился товарищ, который по паролю пропустил нас к месту собрания, где уже сидело человек 25. Многих из них я знал. Председательствовал М. А. Гвоздев, он предоставил слово Сергею Иванову, который коротко рассказал собравшимся о моей работе,

упомянув о том, что я участвовал в вооруженном восстании в 1905 г., нес патрульную службу во время масовок, выполнял другие партийные поручения.

— В тяжелую пору он партию не подведет, — сказал в заключение Иванов и рекомендовал меня в партию.

Вопросов не задавали. Председатель обвел всех присутствующих взглядом, посмотрел на меня и сказал:

— Принят единогласно.

На всю жизнь я запомнил это собрание.

В тот год летом, пока было тепло, мы, большевики с разных фабрик и заводов района, нередко собирались в овраге за Калитниками или у стены Андроньевского монастыря. Иногда собиралось нас немного, но всегда обсуждали то, что волновало каждого — вопросы подготовки к новым боям с самодержавием и буржуазией. Здесь, в кругу своих товарищей, слушая ораторов и их призывы к борьбе, мы обретали новые силы. На таких собраниях укреплялась наша вера в светлое будущее, наша решимость бороться за него.

Приближалась осень, становилось холодно, собираться под открытым небом сделалось труднее. В воскресенье 30 сентября утром мы встретились в чайной, в Хлебниковом переулке. Это было районное делегатское собрание, на котором присутствовало более 40 товарищей. Здесь были профессионалы-революционеры Радус-Зенькович, Барсов и рабочие-большевики с предприятий — от фабрики «Караван» — Ф. Мельников, от фабрики Губкина-Кузнецова — П. П. Карпухин и Захаров Степан, от завода Гужона — П. Дворецкий, с фабрики Фишера — М. А. Гвоздев, с фабрики Чепелевецкого — С. М. Иванов (Максимов) и я, с завода Носенковых — Семен Печугин, от фабрики Жукова — Иван Хренов, остальных не помню.

Мы заняли чайный зал. Другие комнаты трактира были переполнены посетителями. В помещении стоял шум и гам, но такая обстановка была нам на руку. В порядке дня был вопрос о проведении политической агитации среди солдат-новобранцев.

Председательствовал Гвоздев. Доклад делал Радус-Зенькович. Не прошло и 10 минут, как Степан Захаров, патрулировавший на улице, вбежал и, запыхавшись, сообщил нам, что приближается наряд городских. Все бросились к вешалке одеваться, но было уже поздно.

Городовые с револьверами в руках заняли все выходы из чайной.

— Руки вверх! Ни с места!

Мы рванулись к двери, но на нас посыпались удары. Мы перебежали в другие комнаты чайной, забитые посетителями, и смешались с ними.

Среди посетителей чайной было много торговцев, которые пришли сюда со своим товаром, обвешанные чулками, варежками, лентами, шапками. Не понимая, в чем дело, они, напуганные происходящим, долго и старательно держали поднятые руки.

Вскоре прибыл еще наряд городских с приставом во главе. Они готовы были нас разорвать, но разобраться, кто что здесь делал, они уже не могли. Околоточный грубо приказал всем убираться из чайной. Все бросились к выходу. Вышли и мы с Ивановым. Многие наши товарищи все же были арестованы и отведены в 1-й Рогожский участок, который находился против Шелапутинского переулка. Мы поспешили на квартиры арестованных, чтобы предупредить родных о возможности обыска.

Собрание было обнаружено, по-видимому, агентом охраны. Часть арестованных товарищей, у которых не нашли компрометирующих материалов, освободили, остальных судили. В числе осужденных были Радус-Зенькович и Барсов. Вначале их приговорили к тюремному заключению, а затем на процессе по этому делу в 1908 г. приговор пересмотрели и заменили тюрьму каторгой. Те же большевики Рогожского района, которые остались на свободе, продолжали вести работу, не страшась ни тюрьмы, ни каторги.

Осенью 1907 г. меня забрали в солдаты. Служил я в шестом форту Новогеоргиевской крепости, недалеко от Варшавы. Из армии в конце 1911 г. вернулся в деревню. Но нищета, в которой находилась наша семья, заставила меня вскоре уехать опять в Москву на заработки.

Здесь я разыскал старых товарищей, работавших на фабрике Чепелевецкого. Нанялся и я к нему. Дела на фабрике шли плохо: из-за недостатка сырья были большие простои, за работу платили мало, питались мы кое-как, продовольствие приходилось брать у лавочника по заборной книжке в кредит.

Кровь рабочего сосали все, как пауки муху. Один лавочник наживался от продажи продовольствия, другой — от продажи белья, одежды, обуви, домовладелец — от сдачи жилья, трактирщик — от торговли чаем, булками, спиртными напитками. Фабрикант недоплачивал за работу. Чиновник брал за услуги. Все они жили за счет труженика.

Я давно чувствовал свою малограмотность и поэтому по приезде в Москву поступил на вечерние воскресные курсы при заводе Тилля в Кожевниках. Большинство учителей на этих курсах было настроено прогрессивно, они охотно обучали рабочих русскому языку, математике, истории, химии, физике. Иногда уроки по физике проводил сын писателя Л. Н. Толстого — Сергей Львович. Однажды на экзамене он спросил меня, когда начинает таять снег, и я, вместо того чтобы сказать — при 0°, ответил: «Постом великим, примерно на масленице». Преподаватель и все присутствующие долго смеялись над моим ответом, а я сгорал от стыда и еще больше убеждался в необходимости учебы.

Наряду с учебой я постепенно стал втягиваться в общественно-политическую работу, посещал тайные рабочие собрания, на одном из которых рассказал о своей службе в царской армии. Было решено написать листовку для солдат о жизни рабочих, что и сделал Сергей Цветков с помощью учительницы Е. Д. Денисовой. Эта листовка двумя пакетами была отправлена в 15-ю роту, в которой я раньше служил.

Наращение революционного подъема в стране чувствовалось и в нашем районе. Мы, рабочие, все чаще стали собираться для обсуждения волновавших всех вопросов классовой борьбы, для того, чтобы узнать, что делается на других предприятиях Москвы и в других городах.

А когда в апреле 1912 г. в Москве распространилась весть о расстреле рабочих на Ленских приисках, мы решили в знак протеста остановить фабрику. И сделали это так: рабочего Вилкова поставили на главную лестницу внутри фабрики для того, чтобы под каким-нибудь предлогом задержать директора фабрики, если бы тому вздумалось проходить здесь. Иванов-Капустин занял пост в котельной, рабочему Шошину поручено было свистом дать сигнал. Все было готово, люди расставлены. На ле-

стнице раздался свист — сигнал кончать работу. Вскоре все рабочие вышли во двор фабрики. Березин в толпе запел: «Вставай, подымайся, рабочий народ». Несколько голосов подхватили эту песню, но большинство рабочих еще не знали ее. Распахнулись ворота, и все рабочие фабрики вышли в Лавров переулок.

Мы решили остановить соседнюю фабрику «Катык». Но оказалось, что ее уже остановили свои рабочие. Произошла волнующая встреча. Полетели вверх шапки, слышались возгласы «ура, ура!». Все двинулись по Воронцовской улице и на ней встретились с рабочими фабрик Эрманса и Жукова.

В это время из прилегающих переулков выбежали городовые с винтовками наперевес. Околоточные кричали: «Расходись, стрелять будем! Расходись!».

Рабочие, чувствуя свою силу, не расходились. Поднялся шум. Росло напряжение в наших рядах. Но после короткого совещания представителей от фабрик поднялся на тумбу совсем молодой рабочий с красным флагом в руке и несколько раз повторил: «Товарищи рабочие, решено разойтись по домам»¹.

В канун международного пролетарского праздника в Рогожском районе состоялась многолюдная маевка. Проходила она в ложбине, близ Окружной железной дороги. На углу Крутицких казарм стоял первый патруль. Пройдя мимо него, надо было сказать пароль «резец». После этого патруль указывал путь к месту маевки.

Когда мы с Ивановым-Капустиным подошли к ложбине, митинг уже начался. У всех было приподнятое настроение, у многих в петлицах пиджаков были красные ленты.

— Только своей организованной силой и под руководством РСДРП(б) мы сможем разбить капиталистическую машину, — спокойно прозвучал чей-то голос, и мы увидели что на камне, в середине толпы, стоял человек в сером пальто и говорил. — Товарищи, — продолжал оратор, — я выступаю от РСДРП(большевиков). Завтра, в день Первого мая, рабочие всего мира еще теснее сплотят свои ряды для борьбы против угнетателей. Мы,

¹ Позднее выяснилось, что это был рабочий с фабрики Эрманса Х. А. Колосков, который после победы пролетарской революции стал первым красным директором этой фабрики. Умер он коммунистом в 1941 г. — *Прим. автора.*

русские рабочие, тоже ведем борьбу с царским самодержавием, против эксплуататоров-капиталистов...

Свою речь оратор закончил призывом: «Объединяйтесь, товарищи, под нашим красным знаменем, под знаменем РСДРП большевиков!»

Слушая оратора, я чувствовал нашу силу и нашу сплоченность в единой большевистской семье. «Как хорошо идти в одной шеренге с братьями по партии! — думал я. — Простое слово «товарищ» звучит здесь тепло, проникновенно, строго».

Кто-то торжественно запел: «Вставай, проклятьем заклеянный, весь мир голодных и рабов», и сотни голосов подхватили слова пролетарского гимна.

Уже стало темнеть.

— Казаки, казаки! — послышалось в толпе.

Кто-то из организаторов митинга спокойно сказал:

— Расходитесь, товарищи!

В это время, точно специально для нас, еле-еле стуча буферами, по направлению к Москве тянулся товарный поезд. Мы бросились к нему и начали забираться в вагоны, помогая друг другу. Кто не успел вскочить на поезд, укрылся на месте. После мы узнали, что никто арестован не был, казаки проскакали мимо Крутицких казарм по направлению к Симоновке.

Так, несмотря ни на какие трудности, рабочие шли за партией, готовились к новым боям, к новой революции.

Публикуется впервые.



НОСКОВ
Андрей Григорьевич

Член КПСС с 1913 г. В 1913 г. секретарь Московского профсоюза булочников. За активную революционную работу в Москве неоднократно подвергался арестам. В 1914 г. был выслан из Москвы. В 1915 г. мобилизован в армию. В 1918 г. работал в Московском Совете, затем находился на руководящей профсоюзной, партийной и хозяйственной работе. В 1929—1935 гг. — член ЦИК СССР и ВЦИК РСФСР. Делегат XI съезда РКП(б) и XVI Всесоюзной партийной конференции. С 1950 г. — персональный пенсионер.

A stylized, handwritten signature in black ink, consisting of several loops and a final flourish.

В ПОДПОЛЬЕ И В ЛЕГАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

В 1911 г. я работал в булочной Титова у Покровской заставы. Напротив нашей булочной помещался трактир, постоянными посетителями которого были булочники, портные, сапожники, шапочники, рабочие механических мастерских и другие мастеровые. Трактир в царское время был для рабочих своеобразным клубом. Здесь за парой чая делились новостями, нередко устраивались полуполигальные собрания. Безработные узнавали об освободившемся месте на том или ином предприятии, помогали друг другу.

Для булочников трактир в еще большей степени, чем для других рабочих, был «родным домом». Прикованные круглые сутки к пекарне, они, урывая час-два от сна, спешили в трактир, где можно было передохнуть, узнать и обсудить новости.

В этом трактире осенью 1911 г. я познакомился с рабочим, который назвался Николаевым, слесарем с товарной станции Нижегородской железной дороги. В беседах на политические темы мы скоро нашли общий язык, и наше знакомство переросло в дружбу. Николаев стал снабжать меня газетой «Звезда», выходившей в Петербурге. Прочитав номер, я передавал его другим товарищам в нашей пекарне, а потом знакомым из соседних пекарен и булочных. Походив неделю-другую по рукам, единственный экземпляр газеты возвращался ко мне.

Каждый номер «Звезды» был для нас большим праздником. Из газеты мы узнавали о важнейших событиях в политической жизни страны, о забастовках; особенно интересовала нас хроника борьбы рабочих московских фабрик и заводов.

Вскоре Николаев связал меня с газетчиком, торговавшим в киоске на Семеновской улице, против Покровского монастыря, с тем чтобы я получал «Звезду» уже от него непосредственно.

С 22 апреля (5 мая по новому стилю) 1912 г. в Петербурге начала выходить «Правда» — ежедневная легальная газета большевиков, которую я стал получать по старому знакомству от того же газетчика. Я брал у него экземпляров пять «Правды». Один оставлял у себя, а остальные распространял в соседних булочных. Оттуда газета путешествовала дальше. До нас иногда доходили даже конфискованные номера «Правды». Их мне удавалось получать у большевиков завода «Динамо», а позднее у рабочих завода Гоппера. По соседству с этим заводом помещался профсоюз булочников. Здесь тоже можно было добыть конфискованный номер «Правды».

Часто прямо в помещении союза кто-нибудь вслух читал «Правду». Читка вызывала обсуждение, вопросы и споры. «Правда» сплавивала рабочих, просвещала их политически, будила в них классовое самосознание. Влияние большевиков на рабочие массы с выходом «Правды» стало заметно усиливаться.

Прошло много времени, и фамилии распространителей «Правды» тех дней стерлись в памяти. Помню лишь И. П. Мухина из пекарни Алексева на Семеновской улице, Андрея Огородникова из пекарни Воробьева на Таганке, Семена Плахова из пекарни Кукушкина на Рогожской улице.

«Правда» неоднократно писала о жизни и работе московских булочников. 19 февраля 1913 г. в ней была напечатана корреспонденция из Москвы — «Голос рабочих-булочников», в которой поддерживалось предложение о создании в Москве своей рабочей газеты.

Скромным корреспондентом «Правды» был и автор этих строк. Так, в 1913 г. были напечатаны мои корреспонденции об учредительном собрании союза булочни-

ков, об условиях труда в булочной Севастьянова на Земляном валу, о забастовке рабочих в булочной Филиппова и другие.

Трагическая весть о ленинском расстреле всколыхнула весь рабочий класс России. Повсюду начались стачки протеста против зверства царских властей. Рабочий Николаев, о котором шла речь выше, был на самом деле большевик Федор Перфильев — слесарь завода «Динамо», который по заданию заводской партийной организации держал связь с рабочими некоторых мастерских в районе Покровской заставы. Вместе с Перфильевым я принял участие в организации забастовки булочников Рогожского района.

Стачка состоялась 1 мая 1912 г. В ней участвовали рабочие большинства пекарен района. Бастовали также булочники на Тверской, у Спасской заставы, на Арбате, в Замоскворечье. Наша стачка проходила как протест против ленинского расстрела; она была частью общей борьбы рабочих и имела для нас, пекарей, огромное воспитательное значение.

В начале лета состоялось созванное московскими большевиками нелегальное рабочее собрание за Пресненской заставой, на «Новом гулянье», традиционном месте сходок и массовок. На собрании присутствовали металлисты, текстильщики, железнодорожники, булочники, кожевники, кондитеры, портные и рабочие других профессий, связанные тем или иным путем с революционным подпольем. С докладом выступил представитель Московского большевистского комитета товарищ Филипп, как его отрекомендовали собравшимся (позднее мне стало известно, что это был В. А. Обух).

Оратор говорил о подъеме революционного рабочего движения в России после ленинских событий, о задачах, стоящих перед рабочим классом в новых условиях борьбы, об изгнании меньшевиков-ликвидаторов Пражской партийной конференцией. Он рассказал о том, что необходимо сделать московским рабочим в предстоящую кампанию по выборам в IV Государственную думу, призвал к усилению работы в профессиональных союзах, к более широкому использованию легальных рабочих организаций для нелегальной деятельности. Докладчик рекомендовал начать восстановление тех профсоюзов, которые были разгромлены царским правительством в годы

столыпинской реакции, обещал всемерную помощь в этом деле со стороны Московского Комитета большевиков.

Собрание на «Новом гулянье» явилось дополнительным толчком к усилению партийной работы в Москве; активной повели себя профсоюзы, в которых стали главенствовать большевики. Рабочие, не имевшие в тот период своих профессиональных союзов, приступили к их организации. Созданные для этой цели инициативные группы состояли главным образом из рабочих, учившихся на Пречистенских рабочих курсах, где твердо поддерживались революционные традиции 1905 г.

Работе курсов большое внимание уделял Московский Комитет РСДРП, который через преподавателей-большевиков развернул среди рабочих, слушателей курсов, довольно широкую пропаганду идей марксизма-ленинизма. Я посещал эти курсы в 1910—1913 гг. Занятия на курсах проходили 2—3 раза в неделю, по вечерам. Классы комплектовались из рабочих различных профессий, лишь булочники составляли исключение — они имели свою отдельную группу, организованную по профессиональному признаку, и учились днем, ибо из-за почной работы на производстве не могли заниматься вечерами. Когда представлялась возможность, преподаватели с официальной темы переходили на политическую, а иногда весь класс превращался в подпольный кружок.

Темы политических бесед носили разнообразный характер, из них сохранились в памяти такие: «Что такое диктатура пролетариата», «Зачем рабочему классу нужна своя политическая партия», «Борьба классов», «Столыпинская крестьянская реформа».

На курсах я узнал об учении Карла Маркса и Фридриха Энгельса, познакомился с трудами В. И. Ленина «Что делать?», «Две тактики социал-демократии в демократической революции», с Программой и Уставом партии социал-демократов.

Запомнилась мне беседа И. В. Владиславлева о взглядах большевиков и меньшевиков на партию. Тема о большевиках и меньшевиках для всех революционно настроенных рабочих, особенно для молодежи, была злободневной, жизнь настоятельно требовала от них разобраться, к какому берегу плыть. Беседы Владиславле-

ва и других преподавателей-большевиков сделали много для завоевания беспартийных рабочих на сторону большевиков.

Нам стало известно, что руководство организацией союза булочников, как и ряда других союзов, МК большевиков возложил на активного работника партии Д. И. Курского, связь с которым инициативная группа установила через И. В. Владиславлева. Дмитрий Иванович горячо взялся за дело, оказывая организаторам союза самую разностороннюю помощь. Он разработал устав союза булочников, передал его на утверждение в городское присутствие по делам об обществах, следил за прохождением устава через многочисленные полицейские рогатки и был для учредителей союза незаменимым советчиком по всем возникавшим вопросам. А когда московский градоначальник, стремившийся не допустить утверждения устава или хотя бы затянуть это дело, вернул устав обратно, мотивируя это какими-то формальными соображениями, Д. И. Курский умело обошел и эти «волчьи ямы». Он внес формальные изменения в устав, не менявшие его существа, и снова передал на рассмотрение властей, решив взять их измором.

В марте 1913 г. устав союза булочников был утвержден. Перед его организаторами встали тогда новые задачи: требовалось получить у градоначальника разрешение на созыв учредительного собрания, определить порядок проведения собрания, найти помещение, наметить кандидатов в члены правления союза и разрешить многие другие вопросы, такие простые теперь, но сложные в тогдашних условиях. Здесь опять на помощь союзу пришел МК большевиков. По его заданию Д. И. Курский помогал нам и словом и делом в преодолении вставших препятствий.

23 апреля 1913 г. состоялось учредительное собрание пекарей Москвы, на котором было избрано правление союза булочников. Я был утвержден секретарем союза.

С момента организации союза Курский стал его юрисконсультom. Должность эта служила ширмой для связи МК с союзом. Д. И. Курский долгое время оставался нашим партийным руководителем. Все указания МК большевиков, носившие тогда, по условиям конспирации, устный характер, мы получали через него. Особое зна-

чение имела для нас связь с Курским в периоды провалов МК, когда большевистское руководство в Москве на какой-то срок обезглавливалось, а работа в союзе шла своим чередом и требовала партийных указаний.

Вслед за союзом булочников возникли союзы рабочих других профессий: в декабре 1913 г. образовался союз кондитеров, примерно в то же время был восстановлен союз металлистов, незадолго до этого закрытый полицией. Новые союзы создавались по инициативе и при содействии МК большевиков, при прямом участии Д. И. Курского, который любовно пестовал каждый вновь народившийся союз, обучал его организаторов, преимущественно молодежь, элементарной большевистской грамоте.

Он был юрисконсультom союзов металлистов, деревообделочников, портных, кожевников, сапожников и остальных союзов, стоявших на большевистских позициях.

Д. И. Курского мы, работники московских профсоюзов того времени, вспоминаем всегда добрым словом. Внешне несколько суровый, чему способствовали его «похохлачки» опущенные усы, он был человеком большой душевной красоты, умевшим сочетать простоту и чуткость в отношениях с людьми с большевистской принципиальностью и партийным трудолюбием. Для нас, молодой тогда поросли революционеров, преобладавших в профсоюзах, он являлся не только официальным представителем московского большевистского руководства, но другом и наставником во всех делах. Многие из нас вступили в РСДРП в пору царизма благодаря идейному влиянию Д. И. Курского и законно считают его своим партийным отцом.

Энергично помогала Дмитрию Ивановичу в обслуживании профессиональных союзов его друг и жена А. С. Курская, член большевистской партии с 1905 г. Она была большим умельцем по части организации наших срочных встреч с Дмитрием Ивановичем, которые вызывались обстоятельствами дела.

В конце июня или в начале июля 1913 г. Курский сообщил мне, что на днях состоится совещание большевистских профсоюзов, и просил известить об этом руководителей союза кожевников и текстильщиков, помещав-

шихся вместе с булочниками в одной квартире — Даниловская улица, дом 22, квартира 17. О дне совещания он нам сказал тогда же, а о месте и цели его мы еще не знали. Накануне совещания стало известно, что состоится оно на речке Чуре (недалеко от Даниловского кладбища) и что будет обсуждаться вопрос о практической помощи профсоюзов создаваемой в Москве рабочей газете.

На совещании присутствовали: от кожевников Яков Берданков — секретарь союза, Евгений Немов — казначей, от текстильщиков Кузьма Архипенков — казначей, Сидор Герасимов — член правления, от булочников — я, от металлистов Никифоров и Николай Ляхов. Были также представлены союзы водопроводчиков, парикмахеров, маляров.

Совещание проходило под видом гулянья, к чему в царское время обычно прибегали рабочие при проведении тайных собраний и массовок. Выставили два поста: один со стороны шоссе, идущего от Москвы в деревню Черемушки, а другой напротив Даниловского кладбища. На всякий случай выяснили, кто такие наши ближайшие соседи, расположившиеся выше нас по речке Чуре. Ими оказались рабочие-кирпичники с завода Якунчикова из Черемухек. У них шел пир горой с песнями, с пляской, часто раздавался громкий смех, как будто они нарочно решили прикрывать наше совещание. У нас негромко играла гармошка. Как только появлялся кто-нибудь, вызывавший сомнение, гармонист быстро разводил меха, и начинала звучать песня; оратор замолкал на это время. За час с лишним, пока длилось совещание, таких «антрактов» было несколько.

На совещание ожидали кого-либо из представителей редакции создаваемой газеты. Но неожиданно для всех появился представитель комитета московских большевиков Ф. А. Балашов, назвавшийся другим именем, хотя некоторые из нас знали его под настоящей фамилией.

Балашов открыл совещание, разузнав сначала о мерах предосторожности, принятых организаторами.

Речь Балашова о газете «Наш путь» — так решено было назвать газету московских рабочих — заняла примерно 20 минут; для нелегального собрания это считалось немалым временем. Ее содержание вкратце состоя-

ло из трех основных моментов. Во-первых, московская рабочая газета, по примеру «Правды», должна быть большевистской и вести непримиримую борьбу против всех идейных противников большевизма. Во-вторых, профессиональные союзы должны оказывать всемерную помощь газете, для чего необходимо усилить сбор средств на нее, содействовать присылке рабочих корреспонденций и участвовать в распространении газеты на фабриках и заводах. В-третьих, оказать газете морально-политическую поддержку и для этого прислать в редакцию приветствия по случаю ее основания, которые бы показывали, что союзы поддерживают не вообще рабочую, а именно большевистскую газету.

Кроме того, Балашов предложил каждому союзу выделить по два политически надежных беспартийных рабочих, а еще лучше члена партии в качестве подставных редакторов новой газеты. Пример использования таких редакторов показала «Правда». Фактические редакторы «Правды» — видные деятели партии — находились в подполье, подписывал же номер газеты кто-нибудь из подставных редакторов. Обязанность такого редактора состояла в том, чтобы отвечать в случае административного или судебного преследования газеты за помещенную в ней «крамолу». Подставной редактор, по существу, являлся кандидатом на отсидку в тюрьме, но сознательные рабочие шли на это, лишь бы обеспечить выход своей газеты. Такого редактора называли «зитцредактором».

Доклад Балашова не вызвал больших прений ввиду его бесспорности. Но участники совещания задавали докладчику много вопросов, стараясь узнать подробности относительно новой газеты, которую ждали все с большим нетерпением. Спрашивали, например, почему бы не установить надбавку на ежемесячные взносы с членов союза, чтобы эта надбавка поступала в фонд газеты, нужны ли в помощь редакции рабочие для выполнения различных поручений, их могли бы выделять профессиональные союзы из числа безработных, будет ли газета только московской или она будет обслуживать и другие города. Рабочие интересовались, можно ли устно сообщать в редакцию о положении на фабриках и заводах, с тем чтобы там со слов написали корреспонденцию.

Представитель от союза маляров задал вопрос: «Будет ли Ленин писать в газету», и на ответ «Надо полагать, что будет», спросил, а почему в «Правде» не бывает его статей. Присутствующие начали каждый по-своему рассказывать маляру об известных им статьях Ленина, опубликованных в «Правде» под псевдонимами. Балашов добавил, что помимо перечисленных в «Правде» напечатано много других ленинских статей и рассказал, какие.

Предложения, внесенные Балашовым, совещание хотело принять без голосования, так как в этом никто не видел необходимости и все считали, что с этим вопросом покончено. Но неожиданно взял слово представитель союза парикмахеров, который заявил о несогласии с тем, что газета должна носить большевистский характер. В целях якобы единства рабочего движения он предложил, чтобы газета не имела ни большевистского, ни меньшевистского оттенка. Такое предложение встретило дружный отпор со стороны присутствующих, и вновь начались прения, причем более горячие, чем по докладу. Когда страсти утихли, за большевистское направление газеты проголосовали все, кроме воздержавшегося парикмахера, да и он признался, что выражает свое личное мнение, а не точку зрения союза, и добавил: «Я сторонник Плеханова».

Совещание закончилось благополучно; разошлись в разные стороны по одному, по два человека. Мне и Берданкову поручили проводить Балашова. Эту обязанность возложили на нас, как на людей хорошо знающих Замоскворечье с его проходными дворами и закоулками, которые могли пригодиться в случае встречи с полицией.

Внешне Балашов выглядел неказисто, давно не бритое лицо было покрыто рыжеватой щетиной, обносившиеся разномастные пиджак и брюки не придавали ему солидности. Возможно, такой наряд вызывался соображениями конспирации, но вероятнее всего Балашов находился тогда в тяжелом материальном положении. Делал его слишком приметным больной глаз. Добрался он с нашей помощью до нужного ему места в полном благополучии, о чем на второй день сообщил нам по телефону, назвав условленный пароль.

Не прошло и двух месяцев после совещания на Чуре, как начала выходить легальная газета московских рабочих «Наш путь», созданию которой активно помогали профсоюзы.

С согласия Д. И. Курского профессиональные союзы по некоторым вопросам обслуживал также присяжный поверенный В. И. Яхонтов. Изредка он бывал у нас на Даниловской улице, где помещались три союза, при необходимости мы заглядывали к нему на квартиру.

В половине августа 1913 г. я и кожевник Евгений Немов зашли к В. И. Яхонтову на дом, чтобы пригласить его прочитать лекцию для текстильщиков, булочников и кожевников о социальном страховании рабочих по закону 1912 г., назначенную на ближайшее время в Учительском доме на Малой Ордынке.

После разговора о лекции В. И. Яхонтов неожиданно спросил, согласимся ли мы, если организация доверит нам, выполнить одно ответственное партийное задание, связанное с риском. Мы согласились. Тогда Яхонтов сказал, что конкретное задание мы получим от другого человека. Затем назвал день и место явки, приметы человека, с которым надлежит встретиться, и передал пароль.

В условленный день и час, что-то близко к вечеру, Немов и я пришли на Гоголевский бульвар и на последней скамейке справа, если идти от Арбатских ворот, увидели сидевшего мастерового, очень схожего с тем, которого так подробно обрисовал нам Яхонтов.

Он был лет пятидесяти, маленького роста, с седеющей бородкой, в замасленном пиджаке и в такой же кепке, но главное, к чему нам следовало пристально приглядеться, — это очки: они с одной стороны держались на металлической дужке, с другой висели на веревочке. На наш пароль: «Не вы ли будете дядя Ефрем из Владимира?», мы услышали известный нам отзыв и, обменявшись еще двумя-тремя фразами, сразу стали своими людьми.

Убедившись, что мы именно те парни, которых он ждал, дядя Ефрем, не теряя времени, ввел нас в курс предстоящего дела. Оно состояло в том, чтобы совершить несколько поездок с грузом из Москвы на одну из ближайших железнодорожных станций; груз небольшой по объему, но тяжелый по весу. Поездки должны совер-

шаться с промежутками через день-два, а вся операция занять не больше двух недель.

От нашего вполне естественного желания узнать, что это за таинственный груз, дядя Ефрем отделался шуткой: «Много будете знать, скоро состаритесь». Он предложил перед выполнением задания провести тренировку и назначил ее на второй день в лесу вблизи станции Лосиноостровская. Чемоданы, чтобы придать им необходимую тяжесть, наполнили землей.

— Ну, а если вы «завалитесь», попадете в лапы охранки, тогда, — учил нас дядя Ефрем, — держитесь одной версии, отвечайте: чемоданы получены от двух неизвестных. Эти неизвестные якобы встретили вас на вокзале и попросили отвезти на станцию Голицыно два чемодана и ждать их приезда со следующим поездом, за что заплатили по 5 рублей каждому. Деньги соблазнили вас.

Этот нехитрый урок мы выучили и были готовы держать экзамен.

Спустя два или три дня после тренировки мы с Немовым явились, как было указано, в трактир Коркунова на 2-й Тверской-Ямской улице. В этом трактире в апреле 1913 г. булочники проводили совещание инициативной группы в связи с организацией профессионального союза. В трактире за чаепитием нас дождался дядя Ефрем с двумя самодельными чемоданами, уже наполненными «начинкой». Поодаль за столом примостились мы, но засиживаться долго не пришлось, через какие-нибудь 30 минут последовала команда, поданная глазами, и мы не спеша поднялись, взяли каждый по чемодану и отправились по Тверской улице на Александровский вокзал.

На вокзал пришли незадолго до отхода пригородного поезда, взяли билеты до Можайска и сели в один из задних вагонов. Когда поезд тронулся, в вагон неторопливо вошел дядя Ефрем, посидел немного в сторонке от нас и, удостоверившись, что все идет хорошо, скоро вышел. На станции Голицыно, когда поезд остановился, в толпе пассажиров мы увидели нашего провожатого и пошли за ним.

Был уже вечер, на улице хоть глаз коли. Хлестал дождь. Возле вагона на минутку остановились, чтобы

разглядеть юркую фигуру дяди Ефрема, затем обогнули вокзал, чтобы не идти через зал для пассажиров, и, выйдя на избитое колдобинами шоссе, зашагали в сторону деревни Большие Вязёмы (название ее узнали позже). Впереди шел дядя Ефрем, мы сзади, под ногами чавкала грязь, дороги не видно, руки оттягивала тяжелая ноша. Здесь уже было невозможно соблюдать приемы, усвоенные во время тренировки, да впотьмах и не к чему было. Я свой чемодан поднял на плечо, стало легче, сказалась профессиональная привычка таскать на плече мешки с мукой.

Так прошли версты полторы, пока не свернули направо в какую-то низину, поросшую кустарником. По взмаху руки остановились и тут же увидели берег реки. На берегу очень близко замаячили две тени, мы тоже остановились. Дядя Ефрем ушел вперед один, но скоро вернулся, предложил нам поставить чемоданы на траву, где поменьше грязи, а самим уходить обратно на станцию и ждать его прихода.

Поздно вечером, с очередным поездом все трое поехали в Москву. На площадке вагона дядя Ефрем шепнул, что следующая поездка в Голицыно состоится послезавтра, действовать во всем так же, как сегодня.

Всего было совершено пять поездок. Во всех поездках неразлучно находился с нами дядя Ефрем. В Москве он замыкал ряды, а при выходе из вагона и по дороге в поле шел впереди. Выдержкой и хладнокровием дядя Ефрем удивлял нас, хотя казалось, в чем только душа у него держится: был он тщедушный, малосильный. Но организатором и конспиратором проявил себя с самой лучшей стороны.

Для меня и Немова оставалось загадкой: какой же груз мы перевозили? Правда, иногда мы высказывали предположение, что перевозим типографский шрифт, так как чемоданы были маленькие, но очень тяжелые, как будто свинцом налитые. Нам также не было известно, каким образом попадали чемоданы с грузом в трактир Коркунова на Тверской улице и в чьи руки мы передавали их в Голицыно. Словно читая наши мысли, дядя Ефрем при последнем расставании, как будто разговаривая сам с собой, сказал:

— В том-то и дело, ребята, что вы не знаете, кто приносил мне чемоданы в трактир, а они не знают, кто брал чемоданы в трактире и перевозил в Голицыно, в Голицыне люди не видели вас, а вы не видели их. Вот вам конспирация на практике, учитесь — в жизни пригодится.

Спустя много лет я узнал, что мы действительно перевозили шрифт для подпольной типографии московских большевиков.

Публикуется впервые.



ШИРОКОВ
Андрей Максимович

Член КПСС с 1917 г. В 1910—1914 гг. — член правления профсоюза деревообделочников Москвы. За революционную деятельность три раза подвергался аресту. В 1917 г. член исполкома Подольского Совета рабочих и солдатских депутатов и член ревкома. Участник октябрьских боев в Москве. В годы гражданской войны находился на политработе в Красной Армии. В последующие годы — на руководящей партийной и хозяйственной работе. С 1953 г. — персональный пенсионер.

A stylized, handwritten signature in black ink, consisting of several loops and a final flourish.

НАША РАБОЧАЯ ГАЗЕТА

Важнейшим событием в жизни нашей партии и рабочего класса России в годы нового революционного подъема явилось издание легальной большевистской газеты «Правда».

С первых же своих номеров она стала пользоваться большим уважением и любовью в рабочей среде. Рабочие активно поддерживали свою газету материально, писали в нее корреспонденции, помогали распространять на фабриках и заводах.

Царские власти притесняли и преследовали рабочую газету, всячески препятствовали ее распространению. На предприятия Москвы «Правда» попадала с большим трудом.

В то время я работал столяром на мебельной фабрике Левиссона и был членом правления профсоюза деревообделочников Москвы. Правлением профсоюза мне было поручено распространение «Правды» среди деревообделочников. Газету я доставал в киоске у Никитских ворот, где у нас был свой человек. Газет было мало, и мы их читали коллективно на фабрике и на квартирах рабочих, где они жили артелями по 8—10 человек.

В первые дни августа я принес сразу два номера «Правды», в которых было напечатано начало статьи «Итоги полугодовой работы». В этой статье, подписанной псевдонимом «Статистик», сообщалось о сборе рабочими средств на рабочую печать и отмечалось, что на распространение рабочей газеты в Москве должно быть обращено самое усиленное внимание. «В Москве и ее районе, — писал автор статьи, — сосредоточена преобладающая масса фабрично-заводских рабочих России...

Московскому району суждено поэтому стоять *на первом* месте по числу читателей и друзей рабочей газеты, по числу сознательных представителей рабочей демократии. Москва должна будет, конечно, обзавестись *своей* ежедневной рабочей газетой.

Пока же Петербург должен помочь ей».

На одном из совещаний от председателя правления нашего профсоюза А. Х. Митрофанова мы узнали, что заинтересовавшая нас статья написана В. И. Лениным и предложение об издании в Москве своей рабочей газеты является для нас директивой партии.

— Сбор денег на газету среди рабочих, — сказал он, — должны взять на себя профсоюзы.

Массовый сбор денег на газету, как я помню, развернулся в первые месяцы 1913 г. Я проводил сбор среди рабочих-столяров и отделочников. В обойном, лакировочном и сборочном цехах нашей фабрики эту работу вели В. Самойлов и П. Букатов. В присутствии двух-трех рабочих я подсчитывал деньги, а затем сдавал их в профсоюз. На страницах «Правды» мы не раз читали отчеты о средствах, поступивших на издание московской рабочей газеты, и были очень довольны, когда нам, рабочим фабрики Левиссона, удавалось собрать денег больше, чем на других фабриках. В правлении нашего союза стало известно, что к концу лета 1913 г. уже поступило около 5 тысяч рублей. В сборе средств на издание газеты в Москве активное участие приняли и рабочие Петербурга.

В это же примерно время А. Х. Митрофанов созвал правление союза и сообщил, что Московский Комитет партии совместно с представителями большевистских фракций профсоюзов создал редакцию будущей рабочей газеты, для которой уже найдено помещение в Косом переулке. Но помещение редакции, добавил он, нуждается в ремонте и оборудовании. Заготовку материалов для ремонта сделает редакция, сказал он, а задача нашего союза — выделить столяров для поделки мебели и оборудования.

Эту работу выполняли столяры с разных мебельных фабрик. Работали бесплатно, вечерами и в праздничные дни. Мы обратили внимание на то, что помещение редакции имело очень скромный вид. Руководитель редакции Николай Николаевич Яковлев объяснил нам, что и та-

кое помещение удалось снять с трудом, так как домо-владельцы, очевидно, по указанию полиции, не желали сдавать помещение для рабочей газеты.

Из беседы с Яковлевым еще задолго до выхода газеты мы уже знали, что называться она будет «Наш путь» и что выходить будет с июля. Поэтому нас очень торопили с оборудованием. Пришлось пригласить еще нескольких столяров. Работа была закончена к назначенному сроку.

25 августа 1913 г. в Москве вышел в свет первый номер газеты «Наш путь». «Правда» тепло приветствовала своего московского собрата. «Наш путь», — писала «Правда», — это та именно газета, которой так жадно желали наши московские товарищи! Эта та газета, которую своими собственными руками создал московский пролетариат...»

Рабочие Москвы и московского промышленного района выход своей газеты встретили с большим энтузиазмом. Потокom шли в «Наш путь» приветствия от рабочих с фабрик и заводов, от профессиональных союзов и других организаций трудящихся. «Наконец-то дождались мы своей родной газеты! — говорилось в одном приветствии. — Неудержимо хочется поделиться с ней, как с матерью любимой, своими переживаниями... Да будет приветом тебе, — писали далее рабочие, — наша повесть о своем положении!»

В письмах-приветствиях рабочие давали газете наказ, каким путем ей идти, чтобы лучше выполнить свои задачи. Уже имелся прекрасный образец рабочей газеты — петербургская ленинская «Правда». Иной, чем «Правда», московские рабочие свою газету и не мыслили.

Горячо приветствовал выход «Нашего пути» и Ленин. Владимир Ильич активно сотрудничал в московской газете, посылал в нее статью за статьей. За короткое время — с конца августа по середину сентября — в «Нашем пути» было опубликовано десять ленинских статей: «Российская буржуазия и российский реформизм», «Роль условий и классов в освободительном движении», «Принципиальные вопросы политики», «Язык цифр» и др.

В этих статьях В. И. Ленин разоблачал реформизм либеральной буржуазии и разъяснял, что без классовой борьбы с эксплуататорами трудящиеся не смогут ничего добиться. Буржуазно-националистическому лозунгу «на-

циональной культуры» Ленин противопоставлял большевистскую программу по национальному вопросу и решительно выступал за интернациональное единство и полное слияние рабочих всех национальностей во всех пролетарских организациях.

Особенно заломнилась мне ленинская статья «Язык цифр». На основании обширного статистического материала В. И. Ленин показал, что в результате классовых битв пролетариата в годы первой русской революции заработки фабрично-заводских рабочих в Московской губернии, как и во всей России, повысились, а штрафованные рабочих фабрикантами снизились втрое. «...Жертвы, принесенные рабочими в стачках 1905 г., — писал В. И. Ленин, — окупилась серьезным улучшением экономического положения рабочих».

Вместе с тем Владимир Ильич разъяснял, что от стачек 1905 г. больше выиграли рабочие крупных предприятий, так как на крупных предприятиях сплоченность и организованность рабочих была большей, поэтому стачки они проводили успешнее. И далее в статье следовал вывод, что рабочие мелких фабрик и мастерских должны догнать своих товарищей, а для этого они должны усерднее объединяться в профсоюзы, кооперативы, просветительные общества, теснее спланиваться вокруг своей рабочей газеты.

Так, через «Наш путь» к московским рабочим доходило живое слово Ильича. Оно просвещало, организовывало, звало на борьбу. Ленинское указание о необходимости лучшей организации рабочих мелких предприятий подсказывало нам, как следует вести работу дальше, помогало спланивать московский пролетариат для общего натиска на царизм и буржуазию.

В газете сотрудничали большевики — депутаты IV Государственной думы, пролетарский поэт Д. Бедный, М. С. Ольминский, И. И. Скворцов-Степанов и другие видные партийные литераторы.

Газета освещала условия труда на фабриках и заводах, быт рабочих, ход забастовочной борьбы, которая в те дни была в Москве непрерывной и на отдельных заводах длительной. Детально разъясняла своим читателям вопросы страхования, выступая за широкий охват рабочих страхованием, агитировала за создание в Москве крупных больничных касс. Следуя примеру «Правды»,

«Наш путь» пропагандировал марксизм, идеи и призывы большевистской партии, выступал активным организатором рабочих масс. По всем вопросам общественной жизни России газета последовательно проводила классовую пролетарскую политику.

Рабочие с жадностью читали статьи и заметки о своей жизни и быстро полюбили газету, поддерживали ее морально и материально. Подписка увеличивалась, росла сумма собираемых в помощь газете средств. Многие рабочие писали заметки, редакция их охотно печатала. Девять заметок в газету написал и я — о ходе забастовки на мебельной фабрике Мюра и Мериллиза, о стачке на фабрике Юрасова и др.

Царская цензура преследовала «Наш путь» за революционные статьи и правдивые заметки, часто штрафовала газету и не один раз угрожала закрыть ее. Из-за полицейских преследований редакция «Нашего пути» была вынуждена распространять газету нелегально, через специально подобранных для этих целей на предприятиях и в профсоюзах рабочих.

Я тайно получал все номера газеты в киосках у Никитских ворот и на Малой Дмитровке. Здесь рано утром мне давали 15—25 экземпляров газеты, я уплачивал за них положенную сумму и приносил на фабрику. Тут мне помогали продавать газету надежным рабочим жившим со мной на квартире С. Банаев и А. Токарев.

За 19 дней существования «Нашего пути» вышло 16 номеров, из них 12 были конфискованы властями. 12 сентября во время набора 17-го номера в типографию ворвались полицейские. Они разбили стереотипы набора и изъяли подготовленные к печати материалы. После этого газета была закрыта.

В связи с разгромом московской рабочей газеты «Правда труда» (под таким названием выходила в то время «Правда») опубликовала статью, в которой призывала рабочих теснее сплотиться и дружно выступить в защиту рабочей печати. «Разбиты стереотипы «Нашего пути»... — писала «Правда». — Нет больше московской газеты! С глубокой болью отзывается это чудовищное известие в сердцах миллионов пролетариев... День насильственного умерщвления московской рабочей газеты станет одним из траурных дней рабочего класса... Теснее ряды! У свежей могилы погибшего брата мы должны

собрать всю нашу пролетарскую волю и заявить: «Не убить вам вольного слова рабочих!»

Да здравствует рабочая газета!»

Московский Комитет большевиков специальной листовкой призвал рабочих провести политическую забастовку протеста против закрытия газеты московского пролетариата. «Нужно встать всем, как один, на защиту рабочего слова!» — говорилось в листовке.

На собрании в союзе мне дали десяток экземпляров этой листовки, которые мы вместе с товарищами раздали рабочим, а затем обсудили, как организовать на нашей фабрике забастовку, и написали резолюцию протеста против закрытия газеты. Московским Комитетом большевиков забастовка и демонстрация протеста против гонений на рабочую печать были назначены на 23 сентября. В этот день мы с утра раздавали и читали листовку рабочим, агитировали их за участие в общемосковской демонстрации. Молодые рабочие быстро соглашались с нами, а некоторых стариков пришлось убеждать, доказывая им необходимость всеобщего протеста.

Примерно в 10 часов утра все рабочие нашей фабрики (до 300 человек) прекратили работу и собрались во дворе на митинг. Его открыл старый революционер столяр Трофим Васильевич Михайлов, ранее работавший на фабрике Шмита, участник декабрьского вооруженного восстания 1905 г. на Пресне.

С. Ф. Банаев зачитал листовку с призывом Московского Комитета большевиков. Затем выступил я, рассказал о значении забастовки, о необходимости участия в ней всех рабочих фабрики и зачитал резолюцию, в конце которой говорилось о том, что мы решительно протестуем против запрещения издания рабочей газеты «Наш путь», что мы остановили работу и вышли на улицу и вместе с рабочими Москвы требуем свободы слова, свободы рабочей печати. Эта резолюция была принята абсолютным большинством присутствующих.

Заканчивая митинг, Т. В. Михайлов призвал всех его участников пойти на общий митинг рабочих Москвы у памятника Пушкину. Когда мы вышли со двора на Большую Дмитровку, то увидели, что путь на Страстную площадь уже закрыт полицией. Мы решили идти в обход через Петровку.

На такой переход мы затратили немало времени и только ко второй половине дня вышли на Тверскую улицу к глазной больнице и влились в поток рабочих, который двигался от Триумфальных ворот. Навстречу нам попадались рабочие, уже возвращавшиеся от Страстной площади. Они говорили, что там много пешей и конной полиции, которая не допускает на площадь. Несмотря на эти сообщения, мы продолжали идти вперед. Скоро увидели, что выход из Настасьинского переулочка на Тверскую улицу закрыт трамвайным вагоном, поставленным поперек мостовой, а на самой улице против дома редакции газеты «Русское слово» сооружена баррикада из трамвайных вагонов, проходы между которыми завалены камнями с мостовой. Когда полиция с площади открывала стрельбу по баррикаде, рабочие укрывались за вагонами, за выступами домов, во дворах и в переулках, а попытки нападения на баррикаду отражали камнями и всем, что попадало под руки. Рабочие, защищавшие баррикаду, все время менялись — одни уходили, их место занимали другие, и так до наступления темноты.

Утром я пошел в редакцию «Нашего пути» и сдал секретарю редакции В. Н. Лобовой резолюцию протеста рабочих нашей фабрики против закрытия газеты. От нее я узнал, что 23 сентября схватки рабочих с полицией были не только на Страстной площади, а и в сквере у Ильинских ворот, на площадях Замоскворечья, в Хамовниках, на Пресне, в Бутырках, Сокольниках, Лефортове, у Рогожской заставы и в Семеновской слободе. В редакции я встретил много рабочих с других предприятий, которые также принесли резолюции общих собраний с протестами против гонения на рабочую печать.

25 сентября на фабрике уже было вывешено объявление, что рабочие-столяры Т. В. Михайлов, С. Ф. Банаев и А. М. Широков уволены за «беспорядки» на фабрике.

Несмотря на кратковременность своего существования, рабочая газета «Наш путь» оказала большое влияние на сплочение московского пролетариата вокруг большевистской партии, на развитие революционной борьбы в Москве.

Публикуется впервые.



ПШЕНИЧНЫЙ
Василий Семенович

Член КПСС с 1913 г. Принимал активное участие в основании и распространении первой московской рабочей газеты «Наш путь», в связи с чем был арестован. В 1914 г. мобилизован на фронт, где попал в плен. В Россию вернулся в 1918 г. В 1919 г. служил в Красной Армии и участвовал в боях на фронтах гражданской войны. В 1920—1938 гг. — на партийной работе. С 1938 г. работал в промкооперации. С 1953 г. — персональный пенсионер.

A stylized, handwritten signature in black ink, consisting of several loops and a final vertical stroke.

„НАШ ПУТЬ“

В 1912 г. я работал столяром в мебельных мастерских при магазине «Кон» в Москве. В конце этого года я вступил в профсоюз деревообделочников. Присоединение союза утвердило меня членом культкомиссии, и я занимался организацией лекций о социальном страховании и распространением среди членов союза льготных билетов в театры. Весной 1913 г. на общем собрании профессионального союза меня избрали членом правления, а вскоре затем председателем правления.

За время своей работы в профсоюзе я хорошо познакомился с нашим активом, в особенности с товарищем А. Х. Митрофановым, которого мы уважали за принципиальность в суждениях, политическую зрелость и умение завоевать доверие рабочих; фактически он был руководителем социал-демократической большевистской группы правления союза. За революционную деятельность в 1905—1907 гг. Митрофанов около трех лет сидел в Таганской тюрьме. Весной 1913 г. по его рекомендации я вступил в члены Российской социал-демократической рабочей партии (фракция большевиков).

Однажды, в августе того же года, на заседании правления союза Митрофанов сообщил нам, что по указанию В. И. Ленина и решению Московского Комитета партии организуется издание московской рабочей газеты, которая будет называться «Наш путь». Было решено послать приветствие газете от рабочих-деревообделочников Москвы и губернии. (Я принимал участие в составлении приветствия, и черновик его был обнаружен при обыске на моей квартире после моего ареста 25 сентября). Это приветствие было напечатано в первом номере «Нашего пути» 25 августа 1913 г.

«Привет тебе, «Наш путь», — писали рабочие-деревообделочники. — Ты та газета, которая будет указывать верную дорогу к осуществлению пролетарских надежд. Ты станешь тем набатным колоколом, который будет неустанно звать в храм объединения. Мы уверены, что ты будешь таким же стойким, неустанным и последовательным борцом, как твой петербургский товарищ «Северная правда»¹. Знай, что создатель твой — гигант рабочий класс. И в трудные дни твоей борьбы он поддержит тебя».

Основной материал для газеты доставлялся рабочими корреспондентами, поэтому «Наш путь» был по-настоящему рабочей газетой и пользовался громадной популярностью. Тираж ее доходил до 17—20 тысяч.

На своих страницах газета уделяла много внимания жизни и борьбе рабочих всех профессий, в том числе и деревообделочников. Достаточно сказать, что во время многодневной стачки на мебельной фабрике «Мюр и Мерилиз» газета изо дня в день помещала сообщения о ходе этой стачки, о попытках администрации расколоть рабочих и сорвать стачку; сообщала о взносах, поступавших в помощь бастующим от рабочих других мебельных предприятий.

Заметки рабочих корреспондентов редакция подписывала псевдонимами, вроде: «Деревообделочник», «Печатник», «Швея» и т. д. Делалось это для того, чтобы не подвергать авторов преследованиям со стороны хозяев предприятий и полиции.

Газета выходила легально и должна была распространяться через газетчиков, но первые же ее номера были конфискованы. Иногда газета выходила с пустыми колонками, так как подготовленные к публикации статьи запрещались цензурой. Полицейские часто отбирали «Наш путь» у газетчиков, поэтому редакция совместно с профсоюзами организовала в Москве ряд специальных пунктов, где газету прятали надежно и где ее можно было получить для распространения на заводах. Такие пункты были необходимы еще и для того, чтобы успеть вывезти и спрятать хоть часть неразрешенных цензурой номеров до конфискации их полицией

¹ Под таким названием выходила в то время «Правда».

в типографии. Мне неизвестно, сколько было таких пунктов и где они находились, но об одном из них я знал и пользовался им. Он находился в небольшой типографии на Маросейке, в проходном дворе дома 2/15. Сюда рано утром я ходил за газетой по очереди с одним из наших рабочих — Бурулиным.

В период издания газеты я несколько раз доставлял в редакцию заметки с отчетами о собраниях членов нашего профессионального союза, о решениях правления, об организации для членов союза бесплатной юридической консультации, о положении рабочих в мебельных мастерских при магазине «Кон», о сборе средств в фонд газеты «Наш путь». Заметки эти были опубликованы в разных номерах газеты.

12 сентября газета «Наш путь» по постановлению Московской судебной палаты была закрыта. Рабочие Москвы на этот произвол царской администрации ответили забастовкой и массовой демонстрацией, которые проходили 23 сентября по призыву Московского Комитета РСДРП. Рабочие нашего союза приняли активное участие в демонстрации протеста.

25 сентября я пошел в редакцию, чтобы получить информацию о нашем выступлении и совет на будущее. На улице и около дома, где помещалась редакция, ничего подозрительного не было. Я поднялся на второй этаж, отворил дверь в редакцию, а городовой, находившийся там, закрыл ее за мной, отрезав путь к отступлению. Вслед за мной таким же образом было задержано еще несколько человек. Нас отправили в участок, где задержанных набралось человек 35, в том числе 10 девушек. Всю ночь мы пели революционные песни, а на следующий день были отправлены в Бутырскую тюрьму.

Всех обвиняемых в принадлежности к социал-демократической партии и причастных к газете «Наш путь» поместили в отдельную камеру.

После четырехмесячного заключения меня в связи с прекращением следствия выпустили.

Время пребывания в тюрьме не пропало для меня даром: я использовал его для политического самообразования. И после тюрьмы продолжал участвовать в революционном движении — вначале на заводе «Дукс», а затем на Коломенском заводе.

Публикуется впервые.



ДОДОНОВА
Анна Андреевна

Член КПСС с 1911 г. В годы нового революционного подъема работала организатором-пропагандистом в большевистском подполье и в легальных рабочих клубах. Трижды арестовывалась. В дни Октябрьской революции — депутат Моссовета, секретарь Военно-революционного комитета. С 1918 г. секретарь и заведующая культотделом Моссовета. С 1919 г. — в московском Пролеткульте. В 1932 г. перешла на научно-педагогическую работу. С 1957 г. — персональный пенсионер.

A handwritten signature in black ink, consisting of a stylized, cursive script that appears to be the name 'Анна Андреевна'.

РАБОЧИЕ КЛУБЫ

В период нового революционного подъема большевики использовали все возможности для политической работы в массах. Укрепляя подпольные организации партии, выпуская нелегальные листовки, они в то же время на основе решений Пражской партийной конференции широко развернули работу в легальных обществах и организациях трудящихся.

Для пропаганды революционных ленинских идей московские большевики использовали существовавшие тогда в Москве легальные клубы — 3-й женский клуб и Дорогомилловский рабочий клуб «Разумный отдых».

3-й женский клуб был создан в сентябре 1912 г. Его организаторами были З. П. Кржижановская, С. П. Неворова-Шестернина, Е. И. Пискунова, А. В. Померанцева, автор настоящих воспоминаний и другие. Правление клуба состояло в основном из работниц. Вся деятельность клуба проходила под руководством большевиков. Членами клуба могли быть не только женщины, но и мужчины, и последних насчитывалось больше половины. Пока полиция не раскусила существа работы клуба, жизнь в нем кипела. Шли ожесточенные споры между большевиками и меньшевиками-ликвидаторами. На мне лежала обязанность помогать нашим товарищам из рабочих готовиться к этим дискуссиям.

Члены нашего клуба принимали активное участие в сборе средств на рабочую печать. В этих целях, а также для расширения культурного кругозора рабочих мы организовали однажды платный вечер-концерт. Я отправилась к уже известному в то время актеру Художественного театра В. И. Качалову. Василию Ивановичу понравилась наша идея устройства вечера для рабочих.

Согласившись участвовать в концерте, он пригласил также выступить И. М. Москвина, О. Л. Книппер-Чехову и других актеров театра.

Хозяйственная комиссия развернула подготовку к вечеру. Расклеили афиши, сообщили о предстоящем вечере на фабрики и заводы. Билеты рабочие покупали охотно. В назначенный вечер большая аудитория Политехнического музея, арендованная нами для концерта, была переполнена. Помню, с каким неослабевающим вниманием и восхищением следила благодарная рабочая аудитория за выступлением талантливых артистов. Большую часть средств, собранных за этот концерт, мы передали в фонд газеты «Правда».

В 1913 г. 3-й женский клуб принимал активное участие в кампании за создание московской рабочей газеты «Наш путь». Правление клуба организовало сбор денег на газету, а когда она начала выходить, мы распространяли ее среди членов клуба. В одном из номеров «Нашего пути» было опубликовано приветствие газете от группы членов клуба. В приветствии была выражена уверенность, что газета будет достойным руководителем московского пролетариата в его борьбе за свое освобождение. Приветствие это подписали 74 члена клуба. Мы послали также в фонд газеты собранные деньги — 5 рублей 43 копейки.

Хотя наша московская газета выходила меньше месяца, она прочно завоевала рабочего читателя. Когда полиция закрыла газету, видя в ней опасного врага существующего строя, наш клуб принял активное участие в демонстрациях, проходивших в Москве в знак протеста против гонения на рабочую печать.

3-й женский клуб немало делал для политического воспитания и объединения его членов. Он был местом встреч и проведения нелегальных собраний, лекций, занятий политических и общеобразовательных кружков. Спектакли, самодеятельные концерты и танцы в клубе мы устраивали не только для отдыха, но и для маскировки проводимых здесь в то же самое время политических мероприятий. Полиция всячески стесняла деятельность клуба, раза три закрывала его, а в конце 1913 г. закрыла окончательно.

Найти помещение для нового клуба было очень трудно. Однако тяга рабочих членов бывшего 3-го жен-

ского клуба к объединению была столь велика, что в 1915 г. группа железнодорожников с Брянской железной дороги решила продолжать работу и создать новый рабочий клуб в помещении вечерних курсов, существовавших при Обществе трезвости Дорогомиловского района¹.

Большое содействие в основании нового клуба оказала беспартийная заведующая курсами А. М. Шарыгина. На меня было возложено руководство работой этого клуба, получившего название «Разумный отдых». Главное, о чем нужно было позаботиться, — это конспирация. Надо было замаскировать действительные цели клуба при регистрации его устава.

Не надеясь на то, что клубу будет обеспечено длительное существование, мы стремились максимально использовать время для просвещения рабочих в духе революционного марксизма, для подготовки из них хотя бы небольшой группы товарищей, которые могли бы после закрытия клуба продолжать пополнять свои политические знания и активно участвовать в революционном движении.

Полиция беспокоила нас с самого начала работы. На счастье, околоточные надзиратели попадались малограмотные, тупые и в положениях и циркулярах о клубах ничего не смыслили. Мы решили, что в этих условиях наиболее выгодно для нас взять твердый тон, перейти в наступление. При попытках притеснять нас мы грозилась жаловаться градоначальнику на нарушение устава клуба. До поры до времени это помогало.

Существовавшие по соседству с клубом вечерние курсы, работавшие по обычной учебной программе, а также Общество трезвости, где священник раз в неделю с крестом и евангелием отчитывал от пьянства, являлись для нас своеобразной ширмой. Однако местная полиция не уступала нам в изобретательности. Не имея формальных оснований для закрытия клуба, она иногда в виде «меры пресечения» вешала на двери замок, возлагая ответственность за снятие его не только на правление клуба, но и на дворника, и на владельца дома. Мы подали жалобу градоначальнику. Временно

¹ Вечерние рабочие курсы имелись во многих районах Москвы. Они организовывались Московской городской думой, носили просветительный характер.

это подействовало, но вскоре клуб закрыли окончательно. Время мы все-таки выиграли и использовали его для работы.

Мы организовали чтение лекций. Несколько раз у нас выступал историк Н. М. Лукин-Антонов с лекциями об империализме, о Парижской коммуне и на другие темы. Один из преподавателей университета Шанявского прочел курс экономической географии, познакомил товарищей с понятиями «производительные силы» и «производственные отношения», рассказал о классовой структуре общества, формах рабочих организаций, об их роли и связях между собой, о классовой борьбе и т. д. Лекции и доклады нередко заканчивались оживленными беседами и дискуссиями.

Большое внимание уделялось проведению бесед по текущему моменту. Тем всегда было более чем достаточно: второй год шла мировая империалистическая война, затрагивавшая все классы русского общества; равнодушных не было — все стремились определить свое отношение к войне, к возникшим в связи с войной военно-промышленным комитетам, антинемецким пограммам и т. д. Обо всем этом у нас в клубе шел разговор в свете тезисов В. И. Ленина о войне, написанных им летом 1914 г. в Швейцарии и присланных в Россию. Тезисы В. И. Ленина обсуждали в крупнейших партийных организациях, в том числе и в московской. В газете «Социал-демократ» — центральном органе партии в октябре 1914 г. был опубликован манифест ЦК «Война и Российская социал-демократия». Мы стремились как можно лучше разъяснить нашим слушателям основные ленинские положения: об империалистическом характере войны, о превращении войны империалистической в войну гражданскую, о поражении царского правительства в данной войне и т. д.¹

Задача эта была не из легких. Шовинистический угар туманил головы не только такой сырой аудитории. Особенно трудно было довести до сознания наших слушателей положение о превращении войны империалистической в войну гражданскую. «Ведь наших бьют», — возражали некоторые. А один из застрельщиков бесед,

¹ Я получила ленинские материалы в начале 1915 г. от П. Г. Смидовича, которого знала как члена литературной группы при Московском Комитете партии. — *Прим. автора.*

Алеша Амосов, работавший конторщиком (впоследствии возглавлял ЦК профсоюза транспортников), задавал такие вопросы: «А что, баптисты тоже революционеры? Они же отказываются участвовать в войне?», «Не быстрее ли произойдет революция, если Россия победит?», «Почему необходимо поражение?» и т. д. Требовалась кропотливая работа, чтобы, преодолевая сумятицу понятий, политическую неграмотность, закладывать основы большевистского мировоззрения, разъяснять сложную ситуацию военного времени.

Несколько вечеров посветили мы разоблачению христианского социализма, проповедовавшегося представителем «Всемирного христианского студенческого союза» В. Марцинковским в лекциях по этике, которые он читал на вечерних рабочих курсах. Христианство изображалось защитником интересов трудящихся и единственным спасительным средством от всех социальных бедствий. Развенчать это «учение» было не очень сложно, так как идеи христианского смирения не пользовались популярностью среди рабочих нашего клуба.

Много ли дал наш клуб рабочим? Все активисты, как мне известно, впоследствии в той или иной форме участвовали в революционной борьбе, пополняли свои политические знания.

После ликвидации клуба часть его членов (А. Д. Амосов, В. Н. и З. Н. Фонченко, рабочие мастерских Московско-Брянской железной дороги Ф. М. Панов, А. И. Горбунов и другие) продолжали работу в нелегальном большевистском кружке. В занятиях этого кружка принимал участие студент Московского университета П. С. Батулин — будущий комиссар Члаевской дивизии, погибший в 1919 г. геройской смертью вместе со своим легендарным нацивом.

После Февральской революции многих участников нашей группы я встретила в Московском Совете в качестве рабочих депутатов. Это были политически сформировавшиеся борцы, занявшие ответственные посты в профсоюзных и советских организациях.

С глубоким удовлетворением отмечали мы, что участие в работе клубов помогло нам найти свое место в борьбе за победу Великого Октября.



ОСТРОВИТЯНОВ

Константин Васильевич

Член КПСС с 1914 г. В годы первой мировой войны вел нелегальную партийную работу в Москве. В декабре 1916 г. был арестован. Активный участник Февральской и Октябрьской революций. В дни октябрьских боев в Москве был секретарем Замоскворецкого военно-революционного комитета. В 1918—1921 гг.—на руководящей партийной работе, с 1922 г.—на научно-исследовательской и педагогической работе. С 1939 г.—член-корреспондент Академии наук СССР, с 1953 г.—академик. В 1946—1953 гг.—директор Института экономики Академии наук, в 1953—1962 гг.—вице-президент Академии наук СССР. На XIX и XX съездах КПСС избирался кандидатом в члены ЦК КПСС. Делегат XXI и XXII съездов КПСС.

A stylized, handwritten signature in black ink, consisting of several loops and a long horizontal stroke.

В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Летит быстрокрылое время, стираются в памяти события прошлого, все меньше остается участников и очевидцев революционных дел, которые совершались большевиками в глубоком подполье в тяжелые годы первой мировой войны. Тем с большей остротой встает задача — сохранить для грядущих поколений факты и события славного прошлого нашей великой партии. Мне выпало на долю большое счастье быть участником большевистской нелегальной работы в Москве. Я позволю себе осветить события того времени так, как они сохранились в моей памяти, корректируя их историческими данными, ставшими известными после революции.

Мой путь к марксизму и в партию большевиков

Осенью 1913 г. я перевелся из Киевского коммерческого института в Московский. В то время я был беспартийным, но все в большей степени проникался идеями марксизма и сочувствовал революции. Мой путь к марксизму был сложен и своеобразен. Мне кажется, краткая историческая справка об этом представит не только чисто биографический, но и некоторый общественный интерес.

Родился я в семье священника в селе Бычки Тамбовской губернии и уезда. Среднее образование получил в тамбовском духовном училище, а затем в духовной семинарии. Общественная обстановка, в которой протекало мое воспитание и образование — духов-

ная и крестьянская среда, отсутствие всякой связи с пролетариатом, — не располагала к восприятию каких-либо революционных идей. Когда теперь я думаю о причинах, толкнувших меня на революционный путь, то должен на первый план поставить влияние первой русской революции.

Годы моего обучения в последнем классе тамбовского духовного училища и в первых классах семинарии совпали с революцией 1905—1907 гг. Революция всколыхнула до дна застойную атмосферу семинарской жизни. Революционные события произвели на меня неизгладимое впечатление. Я с большим интересом начал знакомиться с революционной нелегальной литературой. В свете новых идей мне с особой яркостью стали бросаться в глаза все недостатки семинарского обучения с его бессмысленной зубрежкой, формальной дисциплиной и мракобесием. Я стал весьма критически относиться ко всему тому, что нам пытались вдолбить в голову преподаватели, и из чувства протеста старался усваивать все то, что они объявляли ересью и предавали анафеме.

Мне навсегда врезался в память первый урок священного писания в первом классе семинарии. Вошел прилизанный благообразный старичок в мундире, с очками на носу, и начал свое слово с критики материализма.

Он сказал: «Материалисты учат, что материя и ее силы вечны. Кто с верою принимает откровение божие, тот должен отвергнуть это лжеучение».

Эта фраза породила в моей голове множество недоуменных вопросов: почему я должен на веру принимать «откровение божие», кто доказал, что оно действительно «божие», почему учение о вечности материи есть «лжеучение»? Первые сомнения в незыблемости учения церкви по мере ознакомления с богословскими предметами давали все более пышные ростки. Мое антирелигиозное настроение проявлялось в том, что я спорил с преподавателями, не крестился в церкви, активно участвовал в бойкоте богослужений и т. д. Однажды инспектор семинарии Ржавенский наблюдал за мной в течение всенощной и обедни и заметил, что я ни разу не перекрестился. Об этом было доложено ректору семинарии протоиерею Папормову. В результате мой

отец получил следующее извещение за подписью ректора: «Поведение вашего сына — воспитанника V класса Тамбовской духовной семинарии К. Островитянова во время церковной молитвы внушает семинарскому начальству серьезные опасения. По сей причине имею долг просить Вас прибыть в Тамбов в самом непродолжительном для Вас времени».

После разговора с отцом ректор наложил на меня епитимию: я должен был каждое воскресенье вечером посещать повечерия, которые проводили викарный архиерей или соборный протоиерей с соответствующими поучениями. Я в то время носил пенсне, ректор увидел в этом признак вольнодумства. В результате было вывешено распоряжение: «Ввиду гигиенических соображений воспитанникам Тамбовской духовной семинарии запрещается носить пенсне и предлагается таковые заменить очками». Хотя гонение на пенсне мотивировалось гигиеническими соображениями, но вызвано оно было моим антирелигиозным поведением. До этого семинарскому начальству не приходило в голову запрещать ношение пенсне.

В семинарии подвергали резкой критике учение Толстого и в церкви предавали его анафеме. Это побудило меня заняться изучением религиозно-философских и социальных произведений Толстого. Я с увлечением читал книги Льва Николаевича: «Так что же нам делать?», «В чем моя вера?» и другие, где он с большой страстью, убедительностью и художественной силой раскрывал пороки, противоречия и несправедливость существующего строя. Особенно большое впечатление произвели на меня выступления Толстого против войны, в которых он показывал всю нелепость узаконенного убийства человека человеком. Но усваивая толстовскую критику официальной церкви, царского самодержавия и капитализма, с его властью денег и эксплуатацией трудящихся, — то, что в наследии Толстого, по словам Ленина, принадлежало будущему, я вместе с тем некритически воспринял и отрицательные стороны его учения, его идеи непротивления злу насилием, отрицание политической борьбы и другие.

Однако семинария, толкнувшая меня в объятия Толстого, открыла передо мной и средство преодоления иллюзий и ошибок толстовского учения. После пораже-

ния революции 1905—1907 гг. семинария активно включилась в борьбу против марксизма. В старших классах был введен специальный курс «Обличение социализма», как раздел нравственного богословия (официальная церковь считала социалистические учения безнравственными). В этом курсе главный огонь был сосредоточен на учении Маркса и Энгельса.

Это вызвало у меня большой интерес к изучению марксистской литературы. Я прежде всего ознакомился с книгой Каутского «Экономическое учение К. Маркса», а затем перешел к произведениям Маркса и Энгельса.

В конце пребывания в семинарии мое мировоззрение представляло собой причудливую смесь толстовских и марксистских идей, которые я пытался примирить. Между прочим, мне об этом пришлось вспомнить, когда я, уже будучи вице-президентом Академии наук СССР, принимал австрийского профессора теологии, который носился с идеей примирить священное писание с марксизмом, католичество — с социализмом.

— В свое время, — сказал я ему, — я также пытался примирить христианство с марксизмом. Но из этого ничего не вышло, я стал марксистом.

По окончании семинарии в 1912 г. я поступил в Киевский коммерческий институт, где с увлечением отдался изучению политической экономии, чтению марксистской литературы по вопросам экономической теории, в результате чего все более укреплялся на позициях марксизма.

В Московском коммерческом институте я испытал еще более сильное влияние революционно-демократических элементов и прежде всего большевиков, чем в Киевском.

Московский коммерческий институт был детищем торгово-промышленной буржуазии. Он находился в ведении министерства торговли и промышленности и представлял собой более либеральное учреждение по сравнению с другими высшими учебными заведениями. Институт имел права высшего учебного заведения, и в то же время условия приема в него были значительно облегчены. Без всяких экзаменов принимались лица, окончившие коммерческие училища, мужские и женские гимназии, реальные училища, учительские инсти-

туты, духовные семинарии. Это привлекло в институт широкие слои демократического студенчества, в том числе и лиц, лишенных политической благонадежности.

В составе его профессуры было много представителей либеральной буржуазии, в частности, кадетской партии. Достаточно назвать такие имена, как Муромцев, Шершеневич, Новгородцев, Мануилов, Кизеветтер, Котляревский, Железнов, Булгаков, Фортунатов и другие. В институте нашли пристанище многие либеральные профессора, ушедшие из Московского университета в знак протеста против политики Кассо¹. Их охотно принимали в институте, создавали для них специальные курсы, семинары, репетитории. Находясь в оппозиции к царскому правительству, представители либеральной профессуры в своих лекциях развивали идеи буржуазной политической экономии, критиковали экономическую политику царизма, доказывали необходимость конституционной монархии, ответственного министерства и т. д. Тем самым они невольно привлекали внимание студенчества к политической борьбе.

В студенчестве имелись две крайние группы: академистов и демократов. Академисты ограничивали задачи студенчества одной учебной и отрицали политическую борьбу, хотя за этим отрицанием скрывалось сочувствие реакционным политическим течениям и активная деятельность, направленная на поддержку этих течений.

Решительную борьбу против академистов вела демократическая часть студенчества, тяготевавшая к революционному марксизму. Руководящую роль среди демократической молодежи играла группа социал-демократов большевиков.

Между этими двумя полюсами находилась основная масса студенчества, которая в своем большинстве была настроена либерально и в определенные моменты поддерживала демократическую часть студенчества.

Революционная борьба передового студенчества Московского коммерческого института началась вскоре

¹ Л. А. Кассо — министр народного просвещения в России (1910—1914 гг.), ярый реакционер и мракобес. Применял жестокие репрессии по отношению к революционному студенчеству и профессуре.

после его основания — в феврале 1907 г. Но большевистская организация студенчества, вынесшая на своих плечах всю тяжесть подпольной работы в условиях первой мировой войны, возникла в 1912 г. В нее входили С. Алавердов, А. Акопов, Я. Богомолов, И. Вартанов, Ю. Мышкин, И. Нечаев, М. Нестеров, А. Фокин, В. Чеботарев и другие товарищи.

Группа социал-демократов большевиков развернула большую политическую работу среди студентов и рабочих. Она явилась инициатором ряда студенческих политических выступлений, выпускала прокламации, организовывала сходки, вела активную работу в студенческих организациях — в столовой, в издательстве «Высшая школа» и других. Большевики выступали на семинарах и репетиторнях с изложением марксистских взглядов и критикой буржуазных теорий. Группа была связана с рабочими Замоскворечья и других районов Москвы.

Одной из первых студенческих сходок Коммерческого института, в которой мне довелось принять участие, была сходка-протест против дела Бейлиса¹, состоявшаяся осенью 1913 г. Сходка была организована в так называемом рекреационном зале, который в перерывы между лекциями заполнялся массой гуляющих студентов. Этим скоплением студентов обычно пользовалась большевистская группа для организации сходок. Из коридора второго этажа на гуляющих по залу студентов сыпался дождь листовок, затем кто-либо из большевиков произносил краткую зажигательную речь, после чего начинался митинг и принималась политическая резолюция, или же студенты разбивались на группы, и между ними развертывались острые дискуссии.

Сходки нередко перерастали в демонстрации. Студенты выходили на улицу и устраивали шествия с пением революционных песен, пока не являлась пешая и конная полиция и не наводила «порядок».

Кадетская профессура Коммерческого института пыталась объединить на почве своих либеральных идей и

¹ Дело Бейлиса — провокационный судебный процесс, организованный в 1913 г. в Киеве царским правительством против Бейлиса, ложно обвиненного в убийстве христианского мальчика. Процесс вызвал сильное общественное возмущение; в ряде городов состоялись рабочие демонстрации протеста. Бейлис был по суду оправдан.

политической платформы все студенчество. Одним из средств такого единения было празднование дня святой Валентины — дня основания Московского коммерческого института, по образу и подобию университетского Татьянина дня. В этот день служился молебен, устраивалось торжественное собрание в институте, а вечером банкет в Купеческом собрании. На банкете подвыпившие профессора и студенты обменивались возвышенными либеральными речами, подчеркивая свое идейное единство.

Группа большевиков реагировала на это выпуском прокламаций, в которых призывала студенчество к бойкоту Валентинина дня и противопоставляла единению студенчества с кадетской профессурой единение демократического студенчества с революционным пролетариатом под знаменем марксизма.

Большим событием в жизни студенчества Коммерческого института и в деятельности его большевистской группы явилась организация студенческой столовой на Малой Серпуховке в доме № 28. Вопрос об организации столовой был поднят от имени Союза землячеств, существовавших при институте. Большевистская группа на выборах правления выступала со своим списком. В состав первого правления столовой в основном были избраны члены РСДРП(б). Столовая стала одним из важных центров легальной и нелегальной работы большевиков.

В марте 1914 г. большевистская организация Коммерческого института подверглась разгрому. Были арестованы Варганов, Нечаев, Л. Сокольский, Фокин и некоторые другие члены партии. Арестам подверглись студенты и других учебных заведений. Большевики, оставшиеся на свободе — Анисимов, Чеботарев и другие, организовали в середине марта в Московском коммерческом институте студенческую сходку, на которой была принята резолюция протеста против арестов московского студенчества и решено объявить однодневную забастовку. Полиция реагировала на это новыми арестами и репрессиями, в результате которых почти вся большевистская группа Московского коммерческого института оказалась в Якиманском арестном доме. Этот арест полиция произвела на основании агентурных сведений. Формальным поводом для ареста яви-

лось участие в незаконном собрании. В июле всех арестованных освободили за недостатком улик.

Мне не пришлось лично наблюдать революционный подъем московского пролетариата, непосредственно предшествовавший первой мировой империалистической войне, так как с группой студентов, главным образом членов Тамбовского землячества, я уехал на статистические работы в Тамбовскую губернию.

Тамбовское землячество при Московском коммерческом институте организовалось осенью 1913 г. В состав правления были избраны П. Муравьев, К. Островитянов, Перекислов, М. Чиликин и другие, председателем правления был избран Н. Надежин, а ревизионной комиссией — А. Сабуров.

Правление землячества в своем большинстве принадлежало к демократической части студенчества. Землячество содействовало сплочению земляков-тамбовцев на почве революционных идей, устраивало концерты с целью изыскания средств для развертывания работы, помогало нуждающимся, имело библиотеку. Вокруг правления создавался актив, помогавший ему в работе: Кожаринов, Родионова, ведавшая библиотекой, и другие.

Землячество связалось с соответствующими организациями тамбовцев при Московском университете и Высших женских курсах. Иногда в столовке Высших женских курсов на Девичьем поле устраивались объединенные собрания тамбовских землячеств. На них часто председательствовал большевик В. Н. Подбельский. После собраний устраивались вечера революционного содержания.

Тамбовская земская управа решила провести регистрацию земельных имуществ и обратилась на кафедру статистики нашего института с просьбой провести эту работу силами студентов. Доцент института Н. Н. Авинов, тамбовский помещик, заключил с Тамбовским земством договор от имени кафедры статистики на производство этих работ. Под его руководством коллектив студентов-тамбовцев разработал необходимый статистический инструментарий, который и был утвержден управой.

Весной 1914 г. студенты, привлеченные к этой работе, разбились на группы и разъехались по уездам Там-

бовской губернии. Наша работа при правильном методологическом подходе могла дать очень интересный материал для анализа классового расслоения деревни после столыпинской реформы.

Необходимо заметить, что фундаментальный труд В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», изданный под псевдонимом Владимир Ильин, уже в царское время пользовался широкой известностью среди экономистов. Профессора самых разных направлений рекомендовали его студентам в качестве пособия при написании рефератов. При этом одни привлекали этот труд для критики, другие в целях использования богатейшего материала, мастерски обобщенного. Для студентов-марксистов это был блестящий образец классового анализа развития капиталистических отношений в промышленности и сельском хозяйстве дореволюционной России, который давал экономическое обоснование революции 1905 г. и грядущей новой революции. Для нашей работы книга Ленина была незаменимым пособием, дававшим правильный классовый ориентир в исследовании земельных отношений дореволюционной деревни. Разумеется, чтобы полностью использовать острое оружие ленинского метода, надо было быть марксистом или, во всяком случае, сочувствовать марксизму.

Я вошел в группу студентов, которая была направлена в Елатомский уезд. Город Елатьма представлял собой чудесный уголок, расположенный на высоком берегу Оки, утопающий в зелени. В нем мы оставались недолго. Для проведения первых работ мы избрали центром село Азеево и оттуда разъезжали на земских лошадях по окрестным имениям и деревням. Азеево было большим татарским селом с пятью мечетями. В селе жило много кулаков, которые занимались не только сельским хозяйством, но и торговлей, имели коммерческие связи с Ташкентом.

Большую глубоко реакционную роль в жизни села играли муллы. Их культурный уровень был крайне низок, понимание смысла своей религиозной деятельности примитивно до цинизма. «Философию» их религиозного служения очень ярко выразил мулла, в доме которого мы поселились. Он любил выпить и, когда приходил выпивши, говорил, поглаживая себя по животу:

«У меня брюхо полна бывает, а им за это от бога спасенье бывает».

Каждый день мы ездили по помещичьим и крестьянским землям, изучали изменения в земельных владениях и наносили их на планы и карты. Мы очень ярко ощущали всю остроту классовых противоречий дореволюционной деревни.

Прежде всего бросался в глаза полукрепостнический характер помещичьего землевладения, сдача земли исполу крестьянам. Большие изменения в распределении земли произошли в пользу кулачества, которое становилось все более влиятельной силой в деревне. Его благосостояние покоилось на труде бедняцко-средняцкого крестьянства. Яркие картины кулацкой эксплуатации крестьянской бедноты можно было видеть в селе Азееве.

В периоды покоса или жатвы на базарной площади рано утром собирались толпы косцов-бедняков из окрестных деревень, и азеевские кулаки зорко высматривали более сильных работников, щупали их мускулы и нанимали на работу, а слабых браковали. Эта картина напоминала покупку лошадей, которым смотрят зубы, гоняют по кругу.

Большевистская организация Коммерческого института

К нам в Азеево сведения о надвигающейся мировой войне доходили с опозданием. Тревожные известия следовали одно за другим: убийство в Сараеве наследника австрийского престола эрцгерцога Франца Фердинанда, объявление Австрией войны Сербии, мобилизация армии и флота в России и, наконец, объявление Германией войны России.

Все эти события вызывали в нашей среде бурные дискуссии. Сложившееся у меня еще ранее, сначала под влиянием Толстого, а затем знакомства с социалистической литературой и, в частности, с решениями конгрессов II Интернационала, резко отрицательное отношение к войне проявилось в том, что еще в 1912 г., во время Балканской войны, будучи студентом Киевского ком-

мерческого института, я занял интернационалистскую позицию. Поэтому, когда известия о вступлении в войну России достигли Азеева, я без колебаний выступил против поддержки этой войны как войны империалистической и разошелся во взглядах на войну с большинством товарищей — членов нашей группы. С началом войны нам было предписано срочно прекратить статистические работы, и мы разъехались по домам.

В конце августа я приехал в Москву. Общественно-политическая атмосфера в Москве и в нашем Коммерческом институте резко изменилась.

Профессура института отбросила свои либерально-оппозиционные настроения по отношению к царизму и, следуя призыву царского манифеста «забыть внутренние распри», объединилась вокруг правительства, стремясь все подчинить войне до победного конца. Империалистические вождения русской буржуазии и царского правительства прикрывались идеями обороны отечества, защиты братьев-славян.

Шовинистические настроения охватили и большую часть студенчества. Студенты Коммерческого института приняли участие в патриотических манифестациях и посылке верноподданнических телеграмм царю-самодержцу всея Руси. В стенах института зазвучали слова царского гимна.

Оборонческую позицию заняли меньшевики и эсеры. Шовинистические настроения охватили и наименее сознательную часть пролетариата.

В этой обстановке всеобщей измены и предательства верность принципам интернационализма сохранила только партия большевиков.

Начало войны ознаменовалось разгулом реакции. Массовые аресты и репрессии обрушились прежде всего на большевиков, а также на рабочие организации и печать. Руководящие органы большевистской организации в Москве были разгромлены. Однако оставшиеся на свободе группы большевиков, воспитанные в духе ленинских идей, не изменили интернациональному знамени, и в необычайно тяжелых условиях глубокого подполья их голос звучал среди рабочих масс и звал на борьбу против царского самодержавия и империалистической войны.

Большевистская организация Коммерческого институ-

та обсудила вопрос об отношении к войне. Среди членов организации как редкое исключение нашлись сторонники «оборонческой» позиции, например Нечаев, примкнувший к группе Плеханова. Подавляющее большинство выступило против поддержки империалистической политики царского правительства и заявило о необходимости продолжать непримиримую борьбу с царским самодержавием.

В октябре 1914 г. в институте была сходка в связи с вступлением в войну Турции. На сходке был поставлен вопрос о вынесении протеста против турецкого варварства в ведении войны. Представители большевистской группы, выступая, подчеркивали варварство царизма и осторожно выдвинули антивоенные лозунги. В то время шовинистические настроения были еще очень сильны. Когда один из студентов крикнул: «Долой войну!», взбешенные шовинисты бросились на него с кулаками, и он едва унес ноги, бежав через профессорскую комнату. Сходка закончилась пением революционных песен, звуки которых перемешивались со звуками монархического гимна. Я в этой сходке принял активное участие на стороне большевиков и вскоре после этого вступил в ряды большевистской партии.

В начале 1915 г. большевистская организация Коммерческого института полностью приняла тезисы Ленина о превращении империалистической войны в гражданскую. В связи с судом над большевистской фракцией Государственной думы, в феврале 1915 г., она выпустила листовку против войны.

Большевистская организация института старалась использовать всякий повод, чтобы пропагандировать среди студенчества ленинские идеи по отношению к империалистической войне. Среди профессуры Коммерческого института ярко выраженным шовинистическим характером отличались лекции профессора Вышеславцева. Студенты университета Шанявского, где он также читал лекции, в знак протеста устроили ему обструкцию. По инициативе большевиков и в нашем институте была организована сходка и принята резолюция, призывающая бойкотировать лекции Вышеславцева.

Большевистская организация Коммерческого института в годы войны продолжала вести борьбу за марксистскую теорию. Для пропаганды марксистских идей ис-

пользовались семинарские занятия и репетиторни по политической экономии, философии и праву. Особенно оживленные дискуссии велись на семинарах профессора Шапошникова по политической экономии. Сам Шапошников был сторонником очень популярной в то время среди буржуазных экономистов теории предельной полезности. Эта теория до сих пор находится на вооружении буржуазной эконометрии и даже оказывает влияние на некоторых советских математиков, занимающихся разработкой методики применения математики в экономических исследованиях и планировании. Наши усилия, молодых в то время марксистов, были направлены на борьбу с теорией предельной полезности. И нам не раз удавалось ставить в тупик не только студентов, выступавших в защиту этой теории, но и самого Шапошникова. Особенно содержательны и обоснованны были выступления Сокольского.

Наше отношение к реакционным теориям приходилось иногда выражать не только в форме научных споров, а путем демонстраций и бойкотов. Вспоминается случай с профессором Соколовым, который читал лекции и вел семинар по педагогической психологии. На семинаре был намечен реферат одного студента на тему, связанную с вопросом о женском равноправии. Студент принадлежал к числу академистов. Мы решили дать ему бой. Очень основательно проштудировали книгу Бебеля «Женщина и социализм» и пришли на семинар хорошо подготовленными.

Обычно на семинарах у Соколова бывало мало народу, а тут аудитория не вмещала присутствующих. Реферат оказался архиреакционным. Суть его примерно сводилась к тому, что мужчина создан для войны, а женщина для отдохновения война. Наша группа во время перерыва устроила летучее совещание и пришла к выводу, что невозможно вести научный спор в такой плоскости, и решила демонстративно покинуть аудиторию. Один из наших товарищей перед началом прений заявил, что сам факт заслушивания подобных рефератов на семинарах мы считаем позором для института и участвовать в его обсуждении не можем. После этого с пеннем революционной песни, кажется «Варшавянки», мы покинули аудиторию. Остались профессор Соколов, докладчик и два-три студента. Семинар был сорван.

По мере усиления хозяйственной разрухи и поражений на фронте развевался шовинистический угар. Осенью 1915 г. антивоенные настроения среди студентов Коммерческого института проявились в ряде выступлений, прошедших под влиянием большевиков и отмеченных в агентурных донесениях в охранное отделение. Так, была организована сходка по поводу ареста студентов-большевиков Коммерческого института.

15 сентября 1915 г. у нас состоялась сходка, привлечшая до 3 тысяч студентов, на которой была принята резолюция против угнетения национальностей, расстрела мирных граждан и преследования рабочих организаций.

16 сентября вновь состоялась сходка студентов в количестве 2 тысяч человек. Поводом для нее послужил следующий инцидент на Страстной площади. На площадку проходившего по Страстной трамвая на ходу вскочил солдат. На площадке стоял офицер. Солдат не попросил у него разрешения остаться в трамвае. Тогда офицер потребовал остановить трамвай и высадить солдата. Это вызвало возмущение публики, поднялся шум, собралась толпа. Кто-то из толпы задел офицера. Присутствовавший при этом городской дал свисток. Сбежались другие городские и открыли стрельбу, в результате которой был тяжело ранен студент. Раненый умер в ту же ночь. На сходке пропели вечную память и приняли резолюцию о проведении забастовки протеста против действий полиции. Но забастовку провести тогда не удалось.

Кадеты, чувствуя рост революционных настроений среди слушателей Коммерческого института, пытались создать собственную студенческую организацию в противовес организации большевиков. С этой целью на частной квартире было созвано совещание студентов и курсисток. Собралось до 200 человек. Профессор Кизеветтер сделал доклад. Он призвал к мобилизации кадетских студенческих сил. «После войны, — говорил он, — неизбежна революция, и необходимо предотвратить влияние на массы как справа, так и слева». На собрании оказалось немало студентов, не сочувствующих кадетам, и никакого решения не было принято. В течение всей войны ведущая роль в выступлениях студенчества Коммерческого института оставалась за большевиками.

Работа в отделе Земско-городского союза

В первой половине мая 1915 г. я уехал домой в Сасово на каникулы. Это лето я использовал для изучения «Капитала» Маркса. Мне удалось основательно проштудировать и законспектировать первый том «Капитала».

По возвращении осенью в Москву я поступил на работу в отдел по устройству беженцев Земско-городского союза¹. Работа в этом отделе сыграла очень большую роль в моей жизни, в моей дальнейшей партийной деятельности. Здесь я познакомился с Марией Ильиничной Ульяновой, которая работала делопроизводителем бюро по розыску грузов беженцев. Здесь служили также большевики Софья Корчевская и Михаил Иванович Хлопьянкин из Коммерческого института, студент Московского университета Девдаргани и другие активные члены РСДРП(б). Примерно в октябре к нам в отдел из Союза городов перешел Леонид Константинович Федоров. Сочувственно относились к нашей революционной деятельности сотрудники отдела В. С. Немчинов (в советское время академик) и П. Г. Муравьев.

Таким образом, у нас создалась группа большевиков, окруженная беспартийным активом. Группа находилась под идейным влиянием М. И. Ульяновой. Мария Ильинична была глубоко принципиальным большевиком, беспредельно преданным идеям Маркса — Ленина, чрезвычайно скромным человеком и прекрасным товарищем. Она снабжала нас партийной литературой, поступавшей от Ленина из-за границы: брошюрами Ленина, газетой «Социал-демократ» и другими партийными изданиями.

Мария Ильинична была очень строгим конспирато-

¹ Союз земств и Союз городов — всероссийские организации либеральных помещиков и городской буржуазии, созданные по инициативе кадетской партии в начале первой мировой войны. Их целью было оказание помощи царскому правительству в ведении империалистической войны, усиление политических позиций буржуазии и предотвращение революции. Круг деятельности союзов вначале ограничивался помощью больным и раненым воинам. После поражения царских войск в 1915 г. они занимались организацией помощи беженцам, а также мобилизацией кустарной промышленности для снабжения армии военным снаряжением, оружием. С этой целью в июле 1915 г. был создан объединенный комитет — Земгор (Земско-городской союз).

ром. Несмотря на то, что мы имели возможность видеться ежедневно на работе, редко случалось, чтобы она на работе передавала мне заграничные партийные издания или прокламации. Именно благодаря строгой конспирации она могла успешно выполнять ответственные поручения Ленина по связи с московской организацией и избежать провала. Между тем полиция усиленно охотилась за Марией Ильиничной, о многом догадывалась, но явных улик против нее собрать не могла.

По партийным делам я встречался с рабочим Комаровым, который, как потом выяснилось, был провокатором, засланным в нашу среду охранкой. Комаров всегда проявлял какой-то повышенный интерес к моим отношениям с Марией Ильиничной, настойчиво расспрашивал, какими путями приходит к нам нелегальная литература из-за границы. Назойливые расспросы Комарова казались мне подозрительными. К тому же я твердо помнил наставления Марии Ильиничны о соблюдении строжайшей конспирации. На вопросы Комарова я отвечал общими фразами. И тем не менее охранка, как видно из найденных после революции документов, была осведомлена о революционной деятельности Марии Ильиничны.

Агенты Комаров (Двадцатый) и Попок (Птицын) доносили тогда в Московское охранное отделение, что в марксистских кружках в Сокольническом районе ведет работу студент университета Константин, что этот Константин, известный также как Александров, стоит во главе студенческой социал-демократической группы, что служащая вместе с ним в Земском союзе Мария Ульянова, сестра Ленина, получала из-за границы брошюры «Война и дороговизна в России», «Социализм и война» и листовки «Товарищи социалисты, работницы всех стран». Агенты сообщали далее, что эти брошюры и листовки Мария Ильинична передавала Константину, а он распространял их.

Осведомители охранки доносили также, что в отделе по устройству беженцев создана социал-демократическая студенческая группа, «которая стремится использовать народные волнения, на какой бы почве они ни происходили, в своих партийных целях», что «эта группа налаживает типографию и уже имеет шрифт и какую-то печатную машину».

В донесениях агентов охраны не все было достоверно.

Во-первых, я был студентом не университета, а Коммерческого института; во-вторых, партийной клички «Александров» я никогда не носил. Но в остальном сведения провокаторов соответствовали действительности.

После поступления на работу в отдел по устройству беженцев мои партийные связи сильно расширились. Л. Федоров связал меня с кружком рабочих Дорогомилловского района, объединившихся вокруг клуба «Разумный отдых», созданного при Дорогомилловском обществе трезвости. При клубе была школа для взрослых, где я под видом закона божьего начал преподавать политическую экономию. Мне доверили преподавание закона божьего, так как я представил заверенную нотариусом копию свидетельства об окончании Тамбовской духовной семинарии.

В Дорогомиллове при клубе «Разумный отдых» и школе организовался партийный большевистский кружок. В него входили: Алексей Амосов, А. И. Горбунов, Софья Корчевская, Федор Панов, Л. К. Федоров, братья Фонченко — Василий Николаевич и Зосим Николаевич, пишущий эти строки и некоторые другие товарищи.

В кружке мы обсуждали актуальные вопросы текущей политики: о войне, об отношении рабочих к военно-промышленным комитетам, о дороговизне, намечали ближайшие мероприятия революционного характера: выпуск листовок, организацию массовок и т. д.

Весна и лето 1916 года

Начало 1916 г. ознаменовалось новыми арестами среди московских большевиков. Репрессии обрушились и на большевистскую организацию Коммерческого института. В ночь на 2 марта были арестованы Мышкин, Нестеров, Сокольский и другие. Оставшиеся на свободе члены нашей организации с еще большей энергией продолжали работу. В знак протеста против арестов студентов и осуждения организаторов забастовки трамвайщиков 14 марта была созвана сходка. Среди студентов

была распространена прокламация от имени нашей большевистской организации, призывавшая к однодневной забастовке протеста. В сходке приняло участие до 400 человек. Разгорелись споры между академистами и демократами. Сходка разошлась, не приняв никакого решения.

Но 16 марта вечером вновь была созвана сходка в институте. Вновь произошло столкновение между студентами академистами и демократами. Дальнейшее развитие событий было прервано вводом в здание института наряда полиции.

В ответ на ввод полиции 17 марта в 7 часов была организована новая сходка. Среди собравшихся от имени нашей группы была распространена прокламация с призывом в знак протеста объявить однодневную забастовку. По поводу этих событий начальник по охране общественной безопасности и порядка в Москве докладывал в департамент полиции 18 марта 1916 г.: «об ожидавшемся выпуске социал-демократической группой студентов листовки с призывом организовать 14-го сего марта сходку для проведения забастовки был своевременно поставлен в известность директор Коммерческого института. Социал-демократическая группа, входящая в состав «Студенческого коллектива», частично была им ликвидирована в ночь на 2 марта, за остальными же «примыкающими к этой группе лицами ведется наблюдение на предмет их связей и ликвидации в ближайшее время».

Это донесение проливает яркий свет на закулисную деятельность директора института П. И. Новгородцева. Представитель либеральной кадетской профессуры, находившейся в оппозиции к царскому режиму, воспевавший в своих лекциях идеализм Платона, идею всеобщего блага, — он не гнушался действовать в тесном контакте с полицией и охранкой и обращаться к их помощи во время студенческих волнений.

Наша дорогомилловская группа между тем продолжала все шире развешивать свою пропагандистскую деятельность.

Приближался Международный день работниц 23 февраля (8 Марта) 1916 г. Решено было в ознаменование этого дня созвать собрание учащихся дорогомилловской

школы. Е. Н. Абрамова и Н. А. Стогова подготовили доклады о значении Международного дня работниц.

На этот вечер мы отправились вместе со студенткой нашего института, моей землячкой Шурой Родниковой. Она активно участвовала в нашей подпольной работе, выполняя задания по размножению и распространению прокламаций и нелегальной литературы.

Когда мы вошли в помещение клуба «Разумный отдых», все были уже в сборе. Присутствовало человек 40. По тем временам это было большое собрание и значительное событие в нашей революционной работе.

Учитывая всю опасность организации такого собрания в помещении, находящемся под постоянным наблюдением полиции, в день, когда бдительность охраны удесятеряется, мы решили в случае появления полиции придать собранию вид обычного урока русского языка. Эту сцену должна была разыграть преподавательница русского языка Соколова. Мне было поручено ведение собрания. Начался доклад, молодая работница Н. Стогова взволнованно, краснея и запинаясь, начала говорить о значении Дня работниц. Она еще не кончила своего доклада, как наше настроенное ухо уловило тяжелые шаги, которые, по-видимому, принадлежали людям, плохо знакомым с расположением комнат клуба. Было слышно, как они тыркались по темному коридору, ища двери.

«Полиция!» — мгновенно пронеслось в наших головах. Докладчица остановилась на полуслове, а Соколова начала читать что-то из Некрасова, тщетно стараясь придать своему голосу обычную выразительность. Ученики с трудом узнавали в ней свою учительницу. Дверь раскрылась, и на пороге выросла фигура пристава, а вслед за ним ввалилась толпа городских и дворников.

— Что за собрание? — раздался грозный голос пристава, и в ответ на него среди мертвой тишины прозвучал смущенно голос нашей учительницы, что это не собрание, а урок русского языка. Пристав бегло окинул взглядом присутствующих и остановил свои очи на моей студенческой тужурке, которую я по неосторожности не передел, усмехнулся и ядовито заметил:

— Что же, и студенты берут у вас уроки русского языка?

Началась проверка. У каждого участника собрания пристав проверял документы.

Мы столпились в углу комнаты и полушепотом стали обсуждать положение. Выяснилось, что на квартире у Родниковой хранятся гектограф и отпечатанные на нем воззвания Циммервальдской конференции. Мы были уверены, что ее как студентку, не являющуюся ни учительницей, ни ученицей школы, задержат и произведут обыск на квартире... Как быть? Что предпринять? Решено было, что рабочий Федор Михайлович Панов, слесарь Брянских железнодорожных мастерских, у которого документы были в порядке, в числе первых пройдет проверку, с тем чтобы успеть съездить на квартиру Родниковой и изъять гектограф с воззваниями. С затаенным дыханием следили мы за тем, как пристав проверял документы Панова. Однако все сошло благополучно, его не задержали. Проверка затянулась до 12 часов ночи. Нас с Родниковой проверяли последними и, к нашему удивлению, не задержали.

В первом часу ночи пустынными московскими улицами мы отправились в Замоскворечье, оживленно обсуждая случившееся. Я зашел к Родниковой, чтобы узнать, как Панов изъяснял гектограф. В квартире был невообразимый переполох. Хозяйка лежала с повязанной мокрым полотенцем головой, в воздухе чувствовался запах нашатырного спирта. Сестра Родниковой, Анна Павловна, тоже студентка Коммерческого института, встретила нас как выходцев с того света. «Целы? Не арестованы?» — засыпала она нас вопросами.

Оказывается, в то время, когда мы ждали проверки, в квартире Родниковых разыгралась драма. Панов, выскочив из клуба, бросился на первый попавшийся трамвай и скоро был уже в Замоскворечье. Он забежал к студенту Коммерческого института Муравьеву, и они вдвоем отправились на квартиру Родниковой. Шел уже двенадцатый час ночи. Сестра Родниковой и ее подруга были в театре. В квартире оставалась одна престарелая хозяйка. Раздался звонок, и незнакомый мужской голос попросил Родникову. Уверения хозяйки, что никого дома нет, мало подействовали на стоявшего за дверью мужчину. Он просил, чтобы ему непременно открыли дверь. Приоткрыв дверь и увидев студенческую фуражку Муравьева, хозяйка успокоилась и пропустила его в квар-

тиру. Однако вслед за ним ввалилась внушительная фигура Панова в костюме рабочего. Оба гостя были очень взволнованы и тяжело дышали, словно только что спаслись от погони. В ответ на вторичное замечание хозяйки, что никого из Родниковых дома нет, гости попросили провести их в комнату Родниковой, чтобы оставить ей записку...

Не успели гости закрыть за собой дверь комнаты, как до слуха хозяйки донесся необычайный шум, вызванный возней, которая там началась: загремели ключи, задвигались чемоданы, упал с шумом какой-то стул. И когда испуганная хозяйка открыла дверь, то ее глазам предстала картина, заставившая ее в ужасе закричать. Муравьев срывал замок с чемодана, а Панов лихорадочно перебирал белье в гардеробе, при этом в разные стороны летели дамские чулки, рубашки и разные другие принадлежности женского туалета. Наконец, Панов с облегчением крикнул: «Нашел!» и, схватив под мышку какой-то сверток, бросился мимо теряющей сознание хозяйки к выходу. Вслед за ним бросился и Муравьев, крикнув хозяйке на прощание, чтобы она успокоилась и не поднимала шума.

История с попыткой отпраздновать Международный день работниц кончилась в общем благополучно для нашего кружка, и даже хозяйка оказалась великодушной и не отказала в комнате Родниковым.

Эта первая неудача нас не остановила, и через несколько дней мы провели доклады работниц в Замоскворечье, в Большом Кадашевском переулке, в профессиональном союзе сумочников, ремешечников и портмонетчиков.

Дорогомиловская большевистская группа не замыкалась в своем кругу, а старалась установить возможно более широкие связи с большевистскими ячейками непосредственно на предприятиях, и не только в Дорогомиловском, но и в других районах Москвы.

Через члена дорогомиловской группы Панова мы установили связь с Сокольническими трамвайными мастерскими. Седьмого марта 1916 г. был назначен суд над организаторами забастовки трамвайщиков, состоявшейся осенью 1915 г. В связи с этим мы решили выпустить листовку с призывом к трамвайщикам отметить день суда забастовкой протеста. Обсуждение проекта листовки

проходило в трактире, на площади Брянского вокзала. Вспоминается наполненная винными парами, табачным дымом и хриплыми звуками граммофона грязная комната трактира, которую мы целиком оккупировали, и наши горячие речи, произносимые полусшепотом. Конечно, место было неподходящее для таких заседаний, но, может быть, поэтому охранке едва ли могло прийти в голову искать здесь крамолу.

Листовка была утверждена группой, затем отпечатана и распространена в трамвайных мастерских через Панова, работавшего там.

Эта акция способствовала усилению нашей связи с большевистской группой Сокольнических мастерских. Возникла необходимость придать нашей связи более организованный и систематический характер. И вот в начале марта в Марьиной роще, на квартире одного из рабочих Сокольнических трамвайных мастерских состоялось заседание, в котором приняли участие: от мастерских М. Андреев, П. Сиомук и еще несколько человек (фамилий не помню), а от нашей дорогомилловской группы — Амосов, Панов, Федоров и я. Фактически оно означало установление связи не только между двумя большевистскими группами — сокольнической и дорогомилловской, но и с партийной организацией Коммерческого института, которая в свою очередь была тесно связана с большевистскими организациями всего Замоскворечья. На этом заседании был намечен план совместных мероприятий. К сожалению, от провокатора Комарова, работавшего в мастерских, охранка узнала о состоявшемся собрании.

В начале марта Л. К. Федоров был арестован. После его ареста связь большевистской группы Коммерческого института и дорогомилловского кружка с Сокольниками поддерживалась через Амосова и автора этих строк.

Быстрыми шагами приближалась весна. Все теплее светило солнце, улицы Москвы очистились от снега, и по булыжнику мостовых загревели извозчицы пролетки. С приходом весны наша агитационно-пропагандистская работа заметно оживилась. Вместе с тем возникли новые заботы и трудности. Дорогомилловская школа для рабочих была закрыта. Охранка поняла, что под благопристойным крылышком Общества трезвости скрывается революционная организация. Но наша дорогомилловская

большевистская группа не распалась, а развернула энергичную деятельность совместно с большевистскими организациями отдела по устройству беженцев Земско-городского союза, Коммерческого института, университета, Сокольнических мастерских и другими. В апреле вернулся из Владимира Федоров, куда он был выслан в административном порядке. У него не было никаких документов. Я уговорил беспартийного студента Коммерческого института Серебrenникова отдать Федорову свой студенческий вид на жительство. Под фамилией Серебrenникова Федоров прописался в селе Крылатском, где они вместе с Амосовым, тоже перешедшим на нелегальное положение, сняли избу.

Приближался день 1 Мая 1916 г., и перед нами встала задача подготовки к революционному празднику. Дорогомиловская группа решила отметить этот день выпуском первомайской листовки с призывом к забастовке. Было затрачено немало усилий на составление листовки и ее обсуждение. Все это происходило у меня в комнате. Я жил тогда с П. Муравьевым на Малой Серпуховке. Мы занимали мезонин небольшого особняка. Это была довольно большая комната, с очень низким потолком и круглой печкой, обитой железом. Прямо из прихожей к нам наверх вела деревянная лестница. С лестничной площадки был выход на чердак, что составляло большое удобство для нелегальной работы. За нашим мезонином закрепилось название «верхотурье». Хозяином квартиры, у которого мы снимали мезонин, был банковский служащий, совмещавший службу в банке с обязанностями регента церковного хора. Жили они вдвоем с женой-полькой. Кроме них в квартире была домашняя работница. Хозяева, конечно, не могли не замечать наших революционных настроений и связей, но смотрели на все сквозь пальцы.

До 1 Мая оставались считанные дни. Надо было срочно организовать размножение листовки. Раньше мы часто поручали это Родниковой, которая размножала прокламации на гектографе у себя в комнате. Но после того как она попала на заметку полиции, это стало опасно. Решено было с ее помощью организовать размножение листовки ночью в нашем «верхотурье». Однако в течение одной ночи мы не успели выполнить эту работу, и ее окончание пришлось перенести на квартиру Соколовой

во 2-й Неопалимовский переулок, близ Смоленского бульвара. Соколова, как уже было сказано, преподавала в Дорогомиловской школе русский язык. По своим убеждениям она была эсерка, но в вопросе об отношении к войне разделяла позиции большевиков и активно помогала нам в нелегальной деятельности.

Размноженная листовка была распространена главным образом среди трамвайщиков.

Наступило 1 Мая. Проснулся я ни свет ни заря. Поднимаюсь с постели, подбегаю к форточке и вслушиваюсь в утренний шум просыпающегося города. Среди этого шума жадно пытаюсь отличить звуки двигающегося трамвая. Слух не улавливает звуков движения. Вспыхивает радостная надежда: «Не вышли, бастуют!», но следующая же минута приносит полное разочарование. С нарочито, как мне кажется, резким, дразнящим шумом пробегает первый трамвай, за ним второй, третий... Наша листовка оказалась синичкой, пытавшейся зажечь море. В этот день в Москве забастовочное движение не получило широкого размаха. Бастовало примерно 6—7 тысяч рабочих.

Как ни старались мы соблюдать выработанные практикой революционного подполья правила конспирации, охранка через провокаторов бдительно следила за нами и многое узнавала о нашей работе. А мы в то время этого и не подозревали! Так, агент под кличкой Двадцатый сообщал начальнику по охране общественной безопасности и порядка в Москве довольно подробные сведения о заседаниях, проходивших в нашем «верхотурье», и о наших связях с рабочими Дорогомиловского района, с железнодорожниками Брянского вокзала, причем охранке было известно, что в нашей организации активно участвуют нелегальные Федоров и Алеша, проживающие на даче в Кунцеве. Кто скрывается под именем Алеша, охранка так и не смогла разгадать.

Возникает вопрос, почему охранка, зная о нашей нелегальной деятельности, медлила с арестом? Очевидно, она хотела раскрыть всю нашу организацию и те нити, которые связывали нас с другими организациями, а также с фабриками и заводами.

Если в зимнее время преобладающей формой пропагандистской работы были кружки, выпуск листовок и

узкие совещания партийных групп, то летом преобладающей формой пропаганды стали массовки.

Самое слово «массовка» указывает на большое количество участников собраний. Тот масштаб, которым мы привыкли мерить массы после революции, ни в какой степени не совпадает с дореволюционным. Кто теперь собрание в 30—40 человек назовет массовым, а тогда это было солидное собрание. Почти каждое воскресенье мы устраивали где-нибудь за городом массовки. Для этого надо было преодолеть тысячу препятствий и трудностей: организовать, оповестить людей, выбрать место сбора, избежать слежки полиции и т. д.

Помню массовку на Благуше. Мы устроились в густой чаще благушинского леса. Несмотря на ясный августовский день, солнечные лучи слабо проникали сквозь лохматые ветки елей. Под их прикрытием мы сидели затаив дыхание. Я вполголоса делал доклад об экономических причинах войны и Интернационале. Вдруг к нам подбежал заяц, присел на задние лапки, повел ушами, не нашел, по-видимому, ничего интересного и спокойно заковылял дальше. Мы невольно рассмеялись. Наша массовка проходила так тихо, что не могла даже напугать трусишку зайца. А ведь из большевистских подпольных ячеек и массовок выросла сила, которая освободила Россию и потрясла мир.

Однажды было решено устроить массовку с участием меньшевиков и беспартийных рабочих в Крылатском в ночь под воскресенье. Теплым летним вечером мы с М. И. Хлоплянкиным и С. Кирилловым отправились в Крылатское к Амосову и Федорову. Изба, которую снимали наши друзья, стояла от села на почтительном расстоянии и находилась на берегу Москвы-реки. В этом было ее главное и, пожалуй, единственное достоинство. Вообще же в ней отсутствовали даже элементарные удобства. Начать с того, что весь ее инвентарь исчерпывался столом, табуретом и топчаном. Но обитателей ее это обстоятельство мало трогало. Они были профессионалами-революционерами, находились на нелегальном положении, постоянно меняли свои паспорта и фамилии. Федоров, перейдя на нелегальное положение, не мог найти работы и жил, как птица небесная. Амосов служил в «Журнале для хозяек» конторщиком. Откуда-то они понатаскали кое-какой кухонной утвари. Как гостепри-

имные хозяева, они первым долгом предложили нам чай, который наспех вскипятили в посудине, похожей на железную коробку из-под монпансье.

Быстро стал съезжаться народ. Надвигались сумерки. Вскоре взошла луна, настала теплая летняя ночь. Разбившись на пары и тройки, мы отправились в лес. Забились в самую чащу. Было немножко сыровато, от реки шел пар. Нашли поляну, и началась массовка. Обсуждался вопрос об отношении к военно-промышленным комитетам¹. Большинство было против вхождения рабочих в военно-промышленные комитеты, но несколько человек высказалось за участие в работе комитетов. С ожесточением набросились мы на них: спорили страстно, долго, до тех пор, пока не побледнела луна и не появилась на горизонте первая полоска света. Коротка летняя ночь! Обратно, забыв про всякие предосторожности, шли густой толпой с пением песен. Выделялся голос Амосова. Он умел петь с увлечением и всякий мотив переделывал на свой лад. Далеко-далеко на заре разносилась наша песня. Придя в избу, мы, усталые, повалились спать кто где попало.

Летом и осенью 1916 г. мне пришлось участвовать и быть докладчиком еще на многих массовках — в Мытищах, на станции Тайнинская, на каком-то заброшенном кладбище по Курской железной дороге. Для Сокольнической организации я делал доклад о социализме. Выступал я также с докладами об Интернационале, о войне.

На массовке в Крылатском я познакомился с большевиком Оськиным, который вскоре предложил мне перейти на работу в Московский союз потребительских обществ. К тому времени работа в отделе по устройству беженцев Земско-городского союза уже не представляла для меня большого интереса. Мария Ильинична Ульянова переехала в Петроград, и я занял ее место де-

¹ Военно-промышленные комитеты были созданы в России в 1915 году крупной империалистической буржуазией для помощи царизму в ведении войны. Пытаясь подчинить рабочих своему влиянию и привить им оборонческие настроения, буржуазия решила организовать «рабочие группы» при этих комитетах и этим показать, что в России установлен «классовый мир» между буржуазией и пролетариатом. Большевики объявили бойкот военно-промышленным комитетам и успешно его провели при поддержке большинства рабочих.

лопроизводителя бюро по розыску грузов беженцев. Некоторые члены нашей партийной группы по разным причинам ушли из отдела: Федоров в связи с переходом на нелегальное положение, Девдариани был арестован, а мы с Корчевской и Хлопьянкиным с головой ушли в пропагандистскую работу на массовках. Но самое главное, работа секретаря органа надзора, предложенная мне Оськиным, представляла для меня большой интерес.

Между администрацией Союза потребительских обществ и Союзом торговых служащих был заключен коллективный договор. Для наблюдения за исполнением этого договора был создан орган надзора, куда входили два представителя от администрации — Беркенгейм и Зельгейм — и два представителя от рабочих и служащих Союза потребительских обществ — большевик Оськин и меньшевик-интернационалист Гимельрейх. В мои обязанности входило: ведение протокола, подготовка заседаний органа надзора, постановка вопросов, связанных с выполнением договора, перед администрацией или органом надзора. На заседаниях органа надзора между представителями администрации, с одной стороны, рабочих и служащих — с другой, разыгрывались очень интересные дуэли. Беркенгейм как своей внешностью, так и мировосприятием был похож на купца и не претендовал на роль первой скрипки в квартете. Иное дело Зельгейм. Это был хитрый, тонкий дипломат, который пытался при разборе конфликтов обвести вокруг пальца представителей рабочих и служащих союза. Главным оппонентом, умным и прямолинейным, был Оськин. Он старался штурмом взять оборонительные сооружения Зельгейма. Гимельрейх представлял собой культурного и образованного общественного деятеля, иногда помогавшего Оськину разобраться в хитросплетениях Зельгейма. Но, как типичный меньшевик, во время острых споров он старался найти среднюю линию. Я в меру сил и возможностей вооружал материалом Оськина и тем самым помогал ему в его трудной борьбе с сильным противником.

Согласно договору, всякий работник, приглашаемый на работу в Союз потребительских обществ, должен был получить согласие заведующего соответствующим отделом и секретаря органа надзора. Это давало мне возможность привлекать на работу большевиков и, в частности, студентов Коммерческого института. Уже до мое-

го прихода в Союзе потребительских обществ работали студенты Коммерческого института Я. Богомолов, Нестеровы — Михаил Васильевич и Анна Александровна, братья Фокины. Здесь существовала партийная группа, в которую входили Оськин, Петров, А. Сольц и другие большевики. Я вступил в ее члены.

Группа проводила партийную работу среди рабочих и служащих союза и была связана с некоторыми районными и фабрично-заводскими партийными организациями. На собраниях рабочих и служащих нашего учреждения разыгрывались нередко настоящие сражения между большевиками, с одной стороны, и меньшевиками и эсерами — с другой, причем мы находились в неравном положении с нашими противниками, так как не могли в открытую, полным голосом отстаивать свои большевистские идеи. Этим пользовались наши противники, провоцируя нас на более откровенное изложение наших взглядов и тем самым ставя под удар полиции и охраны.

В связи с переходом на новую работу я должен был покинуть уютное «верхотурье» и переехать на Переведеновку, ближе к Союзу потребительских обществ.

Студенческая столовая

Бывшие студенты Коммерческого института, принимавшие участие в революционном движении, и старые замоскворецкие рабочие-подпольщики хорошо помнят столовку на Малой Серпуховке, вспоминают о ней с самой теплой симпатией. Столовка была тогда центром революционной работы не только студентов Коммерческого института, но и рабочих Замоскворечья. Она была клубом, вокруг которого группировались революционно настроенные студенты и рабочие Замоскворечья, конспиративной квартирой, где проводились нелегальные собрания, занятия кружков, печатались прокламации и т. д. Для многих революционеров-профессионалов столовая была убежищем, где можно было жить неделями и месяцами без прописки, и, наконец, иногда она давала средства для нашей нелегальной работы. Наша столовка привлекала студентов-большевиков из других учебных

заведений. Так, частым гостем здесь, принимавшим участие в нашей революционной работе, был П. Н. Поспелов, в то время студент Петровской сельскохозяйственной академии, служивший в Московской земской управе.

Много нитей связывало нашу столовку с фабриками и заводами. Этому способствовало то обстоятельство что при утверждении устава столовой удалось внести пункт, предоставлявший правлению право принимать в члены и нестудентов. Формально этот пункт был рассчитан на прием в члены столовой купцов-благотворителей, а большевистское правление широко использовало его для приема рабочих Замоскворечья.

Многие рабочие сделались постоянными членами столовой и завсегдатаями наших диспутов, революционных вечеров, кружков. Столовка выделяла для фабрично-заводских кружков агитаторов и пропагандистов. Район ее действия выходил далеко за пределы Замоскворечья, и наших пропагандистов можно было встретить почти у всех застав, где ютилась рабочая масса. Пропагандистская работа членов нашей группы носила самый разнообразный характер: составление прокламаций, руководство кружками, выступления на массовках и даже были один-два случая открытых выступлений на заводах.

Ввиду большой роли, которую столовка играла в нашей легальной и нелегальной работе, мы чрезвычайно дорожили тем, чтобы руководство столовой сохранялось в наших руках. На собраниях членов столовой приходилось вести очень острую борьбу за избрание большевистского состава правления. Борьба развертывалась между так называемыми экономистами, которые ограничивали задачу столовой только проблемой питания, и представителями демократического студенчества, которые наряду с задачей удовлетворения нужд студентов в питании ставили перед столовой и задачу вовлечения студенчества в революционное движение вместе с рабочим классом под руководством большевиков. Поскольку в составе членов столовой было много студентов нейтральных или колеблющихся, то это нередко создавало для нас неблагоприятную ситуацию, в особенности когда большевистское правление, увлеченное политической работой, не уделяло нужного внимания качеству питания. В связи с этим сочинена была остроумная песенка. Она начиналась так:

Как в студенческой столовой
Собирался состав новый — управления.
Демократы да марксисты.
Почти сплошь социалисты — в убеждениях.
Нам не важны ши да каша,
Демократия, братья, наша — вот что важно.
Днем за днем все хуже блюда,
А студенты не верблюды — возрптали.

Экономистам иногда удавалось настроить членов столовой против кандидатов, выдвигаемых нами в состав правления, и провести своих. Однако благодаря сплоченности и организованности мы скоро снова возвращали в свои руки руководство столовой.

Вспоминается одно из особенно драматических собраний. Оно было многолюдным, пришли студенты, обычно мало интересующиеся общественными делами. Экономисты развернули резкую критику нашего правления. Условия борьбы были неравные. Они могли открыто на нас нападать и заслужить лишь одобрение присутствующего представителя полиции. Мы же не могли с открытым забралом выступать в защиту большевистской платформы. Собрание кончилось тем, что было избрано правление из экономистов, а мы в количестве 102 человек демонстративно вышли из членов столовой.

Однако торжество наших противников длилось недолго. На первом же очередном общем собрании членов столовой мы все 102 человека вновь вступили в члены столовой. Пользуясь большинством, избрали новое правление и уже в дальнейшем не выпускали руководства из своих рук. Это свидетельствовало о росте влияния нашей партийной организации в студенческих массах.

Столовая жила интенсивной политической жизнью. При ней действовала культурно-просветительная комиссия. Комиссия устраивала систематически лекции и рефераты по вопросам теории революционного марксизма, концерты и вечера, где декламировались стихи, исполнялись песни и произведения революционного содержания, производились сборы в фонд политического красного креста¹. На всех вечерах должен был присутство-

¹ Политический красный крест — общественная организация революционных социал-демократов, имевшая целью оказание помощи революционерам, томящимся в царских тюрьмах, находящимся в ссылке, а также их семьям.

вать представитель полиции — полицейский надзиратель. Но мы скоро установили с этим представителем необходимый «контакт»: давали ему взятку и отводили отдельную комнату наверху, где ставили водку с закуской. А тем временем внизу, в большом зале, проводили доклады и диспуты. В маленьких комнатах происходили нелегальные заседания, намечались очередные революционные выступления, обсуждались прокламации, занимались кружки. Продажность полиции была нередким явлением в то время, что можно, пожалуй, считать одним из симптомов распада аппарата царской монархии.

Опираясь на столовку, наша партийная организация росла численно и развертывала организационную и пропагандистскую работу. Этому способствовало то обстоятельство, что экономическое и политическое положение в стране все более обострялось. На фронте одно поражение следовало за другим, усиливались транспортный, топливный и продовольственный кризисы. Неудержимо росли инфляция и дороговизна. Громадные очереди у булочных и продовольственных магазинов стали обычным явлением. Казнокрадство, безудержная спекуляция, измена, распутинщина, изуверство и мракобесие, маразм и разложение вокруг царского трона и правительства дополняли эту и без того неприглядную картину.

Российская буржуазия проявляла растущее беспокойство в связи с таким положением в стране. Московская городская дума еще осенью 1915 г. приняла резолюцию о призывании к власти министерства, во главе которого должно было стоять лицо, пользующееся доверием страны. Резолюцию о министерстве доверия принял III съезд Всероссийского союза городов. Собравшиеся 25 октября 1916 г. для обсуждения продовольственного вопроса председатели губернских земских управ решили обсудить политическое положение в стране. Итоги этого обсуждения изложил главный уполномоченный Земского союза князь Львов в письме на имя председателя Думы Родзянко. Письмо кончалось словами: «Стоящее у власти правительство, открыто подозреваемое в зависимости от темных и враждебных России влияний, не может управлять страной и ведет ее по пути гибели и позора. Меня единогласно уполномочили довести до членов Государственной думы о создании правительства, способ-

ного объединить все народные силы и вести родину к победе».

Большую тревогу среди буржуазии и ее идеологов породили слухи о подготавливаемом Николаем II сепаратном мире с Германией.

1 ноября 1916 г. на V сессии Государственной думы произнес нашумевшую речь Миллюков, в которой он подверг критике политику царского правительства и поставил в упор вопрос: «Что это — глупость или измена?»

Однако ни венценосный монарх, ни его правительство, ни окружающая трон камарилья не отдавали себе отчета в назревающих событиях в стране.

10 января 1916 г. газета «Русское слово» опубликовала интервью министра внутренних дел члена Государственной думы Хвостова. В этом интервью он, ссылаясь на личные наблюдения, утверждал, что «в отношениях между помещиками и крестьянами не замечается никаких трещин и больших вопросов» и что крестьяне имеют деньги и тратят их на шоколад, сахар и постройки.

Если царь и правительство пребывали в блаженном неведении и спокойствии, а буржуазия искала выход из создавшегося положения по линии призыва к власти министерства доверия с участием буржуазных партий, то пролетариат, руководимый большевистской партией во главе с Лениным, готовил революцию. Большой размах получило стачечное движение. Оно все более принимало политический характер.

В этой обстановке влияние большевистских организаций в районах, на фабриках и заводах, в высших учебных заведениях быстро росло. Эта тенденция ярко проявилась и среди студенчества Коммерческого института. Прежний узкий круг большевиков сильно расширился за счет притока новых членов. Члены партии, арестованные в марте 1916 г., через несколько месяцев были освобождены и снова включились в работу. Нестерову было запрещено проживание в Москве, и он поселился под Москвой. Сокольский после пяти месяцев тюрьмы был сослан в административном порядке в Тургайскую область.

Наша столовка жила интенсивной политической жизнью и все теснее связывалась с рабочими района.

От старого состава партийной организации института, сложившегося в 1912 г., к 1916 г. остались Я. Бого-

молов, Ю. Мышкин, М. Нестеров, А. Фокин, В. Чеботарев и примкнувшие к ней в конце 1914 — начале 1915 г. В. Алферов, Петр Арутюнян, С. Ганьшин, А. Гуревич, С. Кириллов, А. Колпакова, С. Корчевская, М. Хлоплянкин и я. Эта часть парторганизации условно носила название «стариков».

В конце 1915 г. и в 1916 г. в нашу партийную организацию влилась группа так называемых молодых. В ее составе были: А. Алексеева, Е. Карманова, Л. Лисинова, Н. Семовских, Н. Солуянова, Е. Троицкая, Л. Чеснокова и, кроме того, активно участвовавшие в нашей нелегальной работе, но оформившие свое членство в партии в 1917 г.: Р. Абгаров, К. Балакина, З. Запрудская, С. Каменев, О. Наджарова, А. Нестерова, П. Муравьев, А. Родникова, А. Сабуров, А. Столяров, П. Тер-Григорьян и другие.

Вокруг этого ядра создался актив беспартийных, который поддерживал наши революционные выступления среди студенчества и служил опорой в борьбе с академистами и буржуазной профессурой.

В жизни партийной организации Коммерческого института в годы войны большую роль играл Юрий Мышкин. За ним укрепилась кличка «князь Мышкин» (так же как за Муравьевым «граф Муравьев»). Это был глубоко партийный человек, чуткий товарищ, всегда готовый прийти на помощь более молодым членам партии. Как пермяк, он говорил на «о», пересыпал свою речь словом «понимаешь» и заразительно смеялся. Ко всякому делу он относился с большой добросовестностью и активностью, будь то пение популярной в то время песенки «Ах ты, зимушка-зима» на студенческом вечере или организация типографии, связанная с преодолением больших трудностей и опасностей. Особое значение в нелегальной работе Мышкин придавал конспирации. Он разработал целую систему способов, как обнаружить шпика и избавиться от него, и учил этому молодежь.

Он был хорошим пропагандистом, вел кружки в институте для молодых членов партии и сочувствующих и часто выступал на предприятиях. Его талант агитатора-пропагандиста особенно ярко проявился после Февральской революции. Пожалуй, трудно найти в Замоскворецком районе предприятие, где бы не знали Мышкина.

В годы первой мировой войны после ареста Аكوпова Мышкин много сил и времени отдал организации печатания прокламаций и, в частности, созданию типографской базы. В 1917 г. Мышкин был делегатом VI съезда партии от Московской организации РСДРП(б).

Юрию Мышкину, как секретарю Замоскворецкого райкома РКП(б), в 1920 г. выпала честь подписать партийный билет Владимира Ильича Ленина.

Говоря о партийной организации Коммерческого института и ее активе, хочется отметить характер отношений, сложившихся между членами этого сплоченного коллектива. Это была замечательная молодежь, с воодушевлением отдающаяся революции, с жаром и страстью усваивающая идеи революционного марксизма и несущая их в массы. Юные большевики и сочувствующие им жили общим делом, которому отдавали все свои силы, способности и время. Столовка была центром этой идейной, глубоко содержательной жизни, полной разнообразных интересов. Между членами большого коллектива установились отношения сердечной дружбы и живого товарищеского общения. Большинство проводило в столовке значительную часть своего времени, а некоторые проживали в ней постоянно.

Навсегда останутся в памяти у нас, «столовцев», вечера с бесконечными спорами, душевными беседами и пением революционных и народных песен, которые исполнялись не столько с большим искусством, сколько с искренним увлечением. Эта, как сказали бы теперь, художественная самодеятельность, не могла, конечно, заменить тягу к большому искусству. Посещение Художественного и Большого театров, концертов с Шаляпиным, Собиновым, Смирновым, Неждановой, Качаловым были настоящим праздником в нашей жизни. Чтобы достать дешевые билеты, мы занимали очереди с вечера и простаивали ночи, не считаясь с зимними морозами и осенними дождями. Все эти лишения с лихвой окупались тем наслаждением, которое доставляло подлинное классическое искусство.

Невольно вспоминается один штрих из поведения зрителей на спектаклях Художественного театра — это отсутствие аплодисментов. Постепенно гаснут огни, и медленно раздвигается занавес со знаменитой чайкой. Зал замирает. Спектакль слушают, застав дыхание. Да и

можно ли то, что происходит на сцене, назвать спектаклем? Это сама жизнь, воплощенная в высокохудожественных образах. Поэтому, когда оканчивается спектакль, медленно загорается свет и задвигается занавес, в зале стоит тишина. Публика расходится медленно, тихо переговариваясь между собой, словно боясь спугнуть очарование от игры артистов и спектакля в целом. И если на сцене шел дождь, то, выходя на улицу, мы удивлялись снегу и зимнему морозу.

Иногда «столовцы» большой группой отправлялись на Воробьевы горы и отдавались отдыху и веселью на лоне природы. Увлечение революционной деятельностью не находилось в противоречии с личной жизнью. Мы влюблялись, ухаживали, ревновали, мучились сомнениями, объяснялись в любви и с трепетом ждали ответа. Но в наших отношениях не было места пошлости и грубым, низменным чувствам и стремлениям. Наоборот, было, я бы сказал, какое-то благоговейное отношение к предмету своей любви и стремление к идейной близости, общности чувств и мыслей. Общественно-революционное сливалось с личным в какой-то чудесный сплав, и во многих случаях этот сплав оказался настолько прочным, что выдержал все испытания нашего бурного времени и сохранился в целостности до наших дней. Так, на закате лет представляется нам наша молодость. А может быть, здесь сказывается действие фактора времени: «что пройдет, то будет мило?»

Среди рабочих

Главную цель нашей партийной деятельности мы видели в пропаганде большевистских идей среди рабочих масс. Это вытекало из марксистского учения об исторической миссии пролетариата как могильщика капитализма и создателя нового, коммунистического строя. В конце концов судьбы революции решались не в институтах, а на фабриках и заводах.

Работа среди студенчества имела то значение, что, втягивая представителей демократического студенчества в партию большевиков, мы увеличивали кадры пропагандистов идей революционного марксизма среди рабо-

чих. Вместе с тем было бы неправильно наши взаимоотношения с рабочими рассматривать как отношения учителей и учеников. Руководя кружками и выступая на массовках, мы не только делились с рабочими нашими познаниями в области марксистской теории, но и сами многому учились у них.

Систематические и непосредственные пропагандистские связи с рабочими у меня установились со второй половины 1915 г. До тех пор представление о рабочем классе было у меня скорее книжное, вынесенное из чтения марксистской литературы, а не из жизни. Преподавание политической экономии в дорогомилловской вечерне-воскресной школе для рабочих, руководство кружками и выступления на массовках открыли для меня рабочий класс и заставили по-иному подойти к теории революционного марксизма. Различие между студентами-пропагандистами и рабочими заключалось в том, что первые шли от теории к жизни, а вторые от жизни к теории. Каждое теоретическое положение рабочие переводили на язык живой практики и старались его осмыслить с точки зрения экономической и политической борьбы. Чтобы удовлетворить запросы моих слушателей — товарищей по революционной работе, я должен был учиться увязывать теоретические положения марксизма с практикой революционной борьбы.

Мои занятия с рабочими в дорогомилловской школе и в нелегальных кружках показали, что рабочие ждут от пропагандистов не примитивной агитки и не красивых фраз, а серьезных, убедительных и обоснованных ответов на волнующие их вопросы жизни.

Поэтому меня удивило одно место из статьи Л. Вознесенского, в общем неплохой, содержащей некоторые свежие мысли, напечатанной в № 16 журнала «Коммунист» за 1963 г. «Однажды, — пишет он в этой статье, — к преподавателю, только что прочитавшему лекцию по политической экономии, подошел один из слушателей. Еще совсем недавно он был рабочим на заводе, а теперь стал студентом университета. Обратившись к лектору, он сказал: «Товарищ профессор, после вашей лекции хочется взять дубину и с ней пойти на капитализм!» Вместо того чтобы восторгаться такой реакцией студента на лекцию по политической экономии, профессор должен был предупредить его от столь примитивного понимания

законов развития и гибели капитализма и исторической миссии пролетариата.

Была и другая существенная разница в положении нас, пропагандистов, и рабочих — членов большевистских фабрично-заводских организаций. Мы имели дело главным образом с передовыми рабочими — активистами-большевиками или сочувствующими большевизму, а они — непосредственно с широкими массами. Пропаганда идей Ленина по самым острым вопросам того времени в условиях разгула реакции, предательств и провокаций, организуемых охранкой, массовых арестов была сложной и очень трудной. Она требовала знания марксистской теории, понимания обстановки и гибкости в проведении партийной линии, умения разговаривать с массами, находчивости в спорах с оборонцами-меньшевиками и эсерами.

Положение осложнялось тем, что на заводах и фабриках в годы войны существовали небольшие партийные ячейки или даже партийцы-одиночки. Однако идеи большевизма настолько отвечали интересам масс и назревшим потребностям революционного движения, что немногочисленные ячейки обычно довольно быстро обрастали активом, помогавшим большевистской партии постепенно овладевать рабочими массами и направлять их по революционному пути.

Трудно переоценить самоотверженную работу большевиков — подпольщиков и рабочего актива на фабриках и заводах Замоскворечья в годы первой мировой войны.

На заводе Михельсона в 1914 г. в организацию социал-демократов (большевиков) входили: И. Куприянов, Е. Маргын, Н. Пчеленков, Н. Стрелков, А. Уваров, а позднее в нее вступили Н. Иванов и И. Козлов, приехавшие из Петрограда. Большевики руководили организацией экономических и политических стачек и другими революционными выступлениями рабочих.

Большой заслугой ячейки завода Михельсона и, в частности, Н. Стрелкова является установление непосредственных связей с 55-м полком, помещавшимся в Чернышевских казармах. Эти связи весьма пригодились в период октябрьских боев в Москве.

Кружком на заводе Михельсона руководила Люся Лисинова, умная, развитая, симпатичная и скромная де-

вушка, с большими черными грустными глазами, с энтузиазмом отдававшаяся делу революции. Она с жадностью усваивала марксистскую теорию и с увлечением несла приобретенные знания в массы. Ее беседы и выступления, исходящие от чистого сердца, пользовались большой популярностью среди рабочих.

Значительной была группа большевиков и сочувствующих на заводе Бромлея. Она особенно усилилась в 1915 г., когда вместе с ценными станками на завод Бромлея была эвакуирована группа рабочих из Прибалтики; среди них были большевики. Довольно скоро создался сплоченный коллектив партийцев и беспартийных активистов, оказывавший большое влияние на рабочих завода. В состав этого коллектива входили Антонников, Альбрехт, Богданович, Бурдачев, Гусев, Козычев, Попов, Строкке, Спарре, Якобсон и другие. В начале 1917 г. из ссылки прибыл Морозов, сыгравший в дальнейшем большую роль в развертывании политической работы на заводе. Большевики пользовались всяким случаем для революционной пропаганды среди рабочих. Вели беседы у станка, во время перекуров, распространяли прокламации, устраивали массовки, чаще всего в Орловой роще. В результате удавалось поднимать рабочих на политические стачки и демонстрации.

Была организована большевистская ячейка на телефонном заводе, включавшая в свой состав товарищей И. М. Орехова, П. А. Семенова, В. И. Ротшильда, К. М. Эпштейна.

На Трамвайной электрической станции была группа большевиков, в которую входили К. Витковский, А. Кулюкин, Буеров, к ним примыкали активисты И. Виноградов, Я. Комаленков, Л. Летучев, Старостин, оформившие свое членство в партии вскоре после Февральской революции.

Была подпольная группа большевиков на заводе Густава Листа. В нее входили член партии с 1906 г. А. Кардасов, А. Кулюкин, перешедший затем на Трамвайную электрическую станцию, и другие. Вокруг нее создался актив в составе А. Трофимова, Угольниковца, Н. Федорова, члена боевой дружины в 1905 г.

Существовала группа большевиков и сочувствующих в Замоскворецком трамвайном парке. В ней особо активную роль играл П. Л. Апаков. Кроме того, следует

отметить П. Максимова, З. И. Легонькую, Жукова. Под руководством большевиков и актива сочувствующих проходили частые в годы войны забастовки и революционные выступления трамвайщиков.

На станции Москва-Павелецкая Рязано-Уральской железной дороги существовал нелегальный кружок, куда входили И. Акимов — член партии с 1905 г., Ф. Воропаев, О. Кравчук, А. Лебедев, В. Орлов, Г. Янин, вступившие в ряды большевиков в самом начале 1917 г.

На фабриках «Броккар», «Эйнем» и ряде других предприятий района через отдельных революционно настроенных рабочих велась большевистская пропаганда, распространялись прокламации и нелегальная литература. Все это способствовало подъему революционного движения среди рабочих Замоскворечья.

Большую роль в революционном движении Замоскворецкого района в годы первой мировой войны играл Даниловский подрайон. В него входил ряд крупных текстильных и других предприятий, среди них особое значение имели Даниловская мануфактура, Рябовская мануфактура, Даниловская камвольно-прядильная фабрика, фабрики Флетчера, Катуара, Дементя, завод Вагау.

В подрайоне широко использовались для проведения нелегальной большевистской работы такие легальные организации, как потребительское общество «Солидарность», музыкально-драматический кружок, больничная касса, профсоюз текстильщиков. Вели эту работу социал-демократы большевики Барышников, Буколов, Хазов, Хорьков, Янкин и другие.

Магазин потребительского общества «Солидарность» использовался ими для доставки и распространения революционной литературы, в чайной Общества происходили нелегальные собрания и решались вопросы организации забастовок, выпуска прокламаций.

Музыкально-драматический кружок ставил пьесы и устраивал концерты революционно-демократического содержания для рабочих «Даниловки». Для характеристики политической направленности музыкально-драматического кружка показателен тот факт, что ряд его членов — Горбачев, Колбасов, Николаев — сразу после Февральской революции вступили в члены партии большевиков.

Застрельщиком революционных выступлений в Даниловском подрайоне была Даниловская мануфактура.

Еще в 1912 г. по инициативе членов большевистской группы Ручкина, Хорькова, Янкина и других была организована 1 Мая политическая забастовка протеста против расстрела рабочих на Ленских золотых приисках, которая вылилась в демонстрацию. Рабочие с пением «Вы жертвою пали в борьбе роковой» прошли по Даниловскому подрайону. По пути к ним присоединились рабочие предприятий Алексеева, Дементя, Флетчера, Рябовской мануфактуры.

Крупная забастовка вспыхнула на мануфактуре по инициативе большевиков в феврале 1915 г. Рабочие предъявили требования введения 8-часового рабочего дня и увеличения заработной платы на 25%. Забастовка продолжалась свыше 10 дней.

В сентябре 1915 г. рабочие Даниловской мануфактуры забастовали вновь. Они связались с текстильщиками фабрики Цинделя и других предприятий. В результате из 5 тысяч рабочих было уволено 3 тысячи и объявлен новый набор.

В марте 1916 г. на Даниловской мануфактуре прошла частичная забастовка политического характера в знак протеста против суда над московскими трамвайщиками.

Большинство фабрично-заводских партийных организаций было связано с большевистской организацией и студенческой столовкой Коммерческого института.

Партийная организация Коммерческого института, по существу, в отдельные периоды выполняла роль райкома. Характерно, что в ряде случаев при выборах в Московский комитет от Даниловского подрайона в состав МК намечался отдельный кандидат, а от Замоскворецкого района не было отдельного представителя. Считалось, что кандидат от большевистской организации Коммерческого института, представлявший пропагандистскую коллегия студентских большевистских групп Москвы, одновременно представляет и Замоскворецкий район.

Тюрьма и освобождение революцией

В годы первой мировой войны Московская партийная организация вела работу в тяжелых условиях подполья. Партийный актив и особенно руководящие кадры орга-

низации подвергались непрерывным преследованиям. Аресты следовали один за другим. Большевистские организации Москвы работали порой разобщенно, так как постоянно действующего общегородского руководящего партийного центра — МК — фактически не было.

Попытки создания Московского Комитета в 1915 и 1916 гг. предпринимались неоднократно, МК создавали, но члены нового МК арестовывались полицией на первых же его заседаниях. Охранке удалось наладить тогда такую систему слежки и провокаций, что она быстро узнавала и о новом составе МК, и о месте его заседания.

Но, несмотря на репрессии, градом сыпавшиеся на большевиков, партийная работа в Москве в годы войны не прекращалась. Роль руководящего центра выполняли или центральное бюро профессиональных союзов, находившееся в руках большевиков, или организационные комиссии, создававшиеся для выборов Московского Комитета, пока они в свою очередь не становились жертвами провокации. И, может быть, величайшая жизненная сила и идейная закалка районных и низовых организаций нашей партии ярко выразились в том, что, не имея в это время постоянного московского руководящего центра, они находили правильные пути для решения задач, вставших перед ними в тяжелейших условиях военного времени. При этом, конечно, решающее значение имели указания Центрального Комитета нашей партии, руководимого Лениным, и высылаемая им партийная литература. Партийные документы и нелегальная литература служили чрезвычайно важными политическими ориентирами в нашей многосложной и многотрудной партийной деятельности. Существенную помощь московским партийным организациям оказывало также Московское областное бюро ЦК, воссозданное ЦК РСДРП(б) в 1916 г.¹

Но как бы то ни было, отсутствие Московского Комитета все острее чувствовалось в нашей деятельности,

¹ Московское областное бюро ЦК РСДРП(б) — партийный орган, в задачи которого входило установление связей партийных центров с местными партийными организациями. Возникло накануне первой русской революции 1905—1907 гг. В 1917 г. Московское областное бюро ЦК объединяло партийные организации 13 губерний Центрально-промышленного района.

и наши усилия по созданию МК не только не ослабевали, а становились все более настойчивыми.

Работа по подготовке выборов МК проводилась в условиях строжайшей тайны. Я знал только, что от нашей партийной группы или, вернее, от студенческой пропагандистской коллегии в организационную комиссию входил Н. Семовских. Это был скромный человек, преданный большевик и хороший организатор, не смущавшийся неудачами и упорно шедший к намеченной цели.

Помню, в один из ноябрьских вечеров 1916 г., когда внизу в столовке шла вечеринка, наша партийная группа «стариков» собралась на втором этаже для выдвижения кандидата от студенческих пропагандистских групп в МК. Была предложена моя кандидатура. Собрание единодушно избрало меня своим представителем в МК.

Со сложными чувствами возвращался я из столовки к себе на Переведеновку. Страшило бремя ответственности, которое ложилось на мои плечи с этим избранием, и в то же время было радостно на душе от доверия, оказанного товарищами, и было большое желание приняться скорей за работу. Через несколько дней ко мне на работу приехал Н. Семовских и, отведя меня в сторону, передал, что выборы в МК по районам уже закончены и что надо назначить первое заседание вновь избранного МК. Условились устроить заседание у меня на квартире 1 декабря 1916 г. в 9 часов вечера.

Наконец настал этот долгожданный день, который должен был стать первым днем жизни нелегального штаба Московской большевистской организации. С утра я чувствовал себя в приподнятом настроении. На службе в союзе плохо работалось, все мысли были вокруг предстоящего заседания, которое я воспринимал, как какой-то перелом в моей жизни, очень важную грань, за которой должна начаться большая ответственная работа.

Раньше времени кончаю работу и бегу к себе. Прошу хозяйку поставить самовар, распечатаваю только что выданный в союзе пакетик какао и жду с нетерпением условленного часа. В комнате с большой лампой под красным абажуром и кипящим самоваром тепло и уютно. На столе лежат свежие газеты — «Русские ведомости» и «Русское слово», в столе — неоконченная ли-

ставка против войны, которую я составляю для МК. Но газеты так и остаются непрочитанными, а листовка недописанной. Хожу из угла в угол и жду.

Кто избран в МК и кто, следовательно, сегодня будет моими гостями? С кем придется с сегодняшнего дня работать? Семовских из-за конспирации даже мне, члену МК, не назвал ни одной фамилии.

Наконец раздается тихий звонок, приходит Семовских, веселый, возбужденный. Говорим почему-то о постороннем. Вскоре приходят еще трое: Н. И. Шевков от Городского района, И. А. Попов — от Рогожско-Симоновского и Ф. Титов — от Сокольнического. Я предлагаю им какао. Ждем еще с полчаса, но никто больше не приходит, и в 9 часов решаем открыть заседание. Открывает заседание Семовских как представитель организационной комиссии. Его миссия сводится к тому, чтобы изложить историю наших выборов, передать партийные связи и сложить свои полномочия. С увлечением и с тщетно сдерживаемой радостью он рассказывает о всех перипетиях работы по сколачиванию МК.

— Ну, на этот раз все так законспирировано, что едва ли охранка докопается. Это, наверное, будет первый за эти годы прочный МК! — торжествующе кончает он.

Едва успел он произнести эти слова, как раздался резкий, властный, нетерпеливый звонок. Мы все вздрогнули, переглянулись и поняли, что это полиция. На звонок выбежала хозяйка и открыла дверь.

— Где здесь Константин Васильевич? — скороговоркой спросил какой-то мужской голос, и вслед за тем без всякого предупреждающего стука открылась дверь, и мы увидели переднюю, забитую городскими и дворниками.

— Руки вверх! — скомандовал вошедший первым пристав.

Мы встали с поднятыми вверх руками, нас обыскали и занялись обыском моей комнаты.

— Что за собрание? — спросил пристав.

— Никакого собрания здесь нет, — ответил я. — Вот этот, — указал я на Семовских, — мой товарищ по Коммерческому институту, пришел ко мне в гости, а остальные пришли для переговоров относительно поступления

на работу в Московский союз потребительских обществ, где я служу в должности секретаря органа надзора. Так что я их даже не знаю.

— Что же, вы всех незнакомых поите чаем? — спросил меня пристав.

— Да, — ответил я. — Если желаете, могу и вас угостить.

— Нет, благодарю, — ответил мне пристав, — я у незнакомых чай не пью.

— Ну, значит, — заметил я, — у нас с вами разные понятия о гостеприимстве.

Обыск длился долго, обыскивали каждую щель. Забрали у меня запрещенную литературу, всю переписку и мою неоконченную прокламацию против войны. По окончании обыска предложили нам следовать в Сокольнический участок и предупредительно посоветовали мне захватить с собой необходимое белье и прочие вещи.

По дороге в Сокольнический участок мы успели узнать фамилии друг друга и наспех сочинили какую-то версию на тот случай, если нас разлучат и мы не успеем договориться в тюрьме. Была полночь. Улицы были пустынные и безлюдны. Попадались только одинокие прохожие и дремлющие дворники в тулупах. В Сокольническом участке царила дремотная тишина: дремал дежурный, клевали носом городовые. На столе у дежурного стоял телефон, и на розовой бумаге, покрывающей стол, было записано мое имя, отчество и адрес. Очевидно, кто-то нас выдал. Но кто?

В Сокольническом участке мы просидели до утра. Часов в 12 нам предложили пешком отправиться в Арбатский арестный дом. Мы категорически отказались, потребовав, чтобы нас отвезли на извозчиках. После некоторого препирательства нам подали пять извозчиков. На каждого посадили по одному из нас и по городовому, и кортеж двинулся гуськом через всю Москву, к Арбатской площади. Было очень холодно, мороз изрядно шипал нос, щеки, уши, забирался под пальто и неприятными мурашками пробегал по всему телу. Со смутными чувствами проезжал я по знакомым улицам Москвы, где еще так недавно носился вольной птицей и которые стали вдруг такими недоступными. Встречная публика с удивлением и интересом провожала нас глазами. Из-

возчики везли быстро, словно желая поскорее избавиться от неприятных и к тому же бесплатных седоков, и вскоре наш кортеж уже въезжал во двор Арбатского арестного дома. Арестный дом был переполнен. Свободной оказалась лишь одна камера в углу второго этажа на четырех человек, а нас было пятеро. Мы попросили, чтобы нас всех оставили в этой камере.

Просьба была удовлетворена.

Первый вопрос, который встал перед нами, — это вопрос, кто же нас предал, если в такой глубокой тайне проводились выборы в МК?

Титов подозревал Николаева. Он ссылался на факт, рассказанный ему одним товарищем. Этот товарищ попросил Николаева помочь ему достать револьвер, при помощи которого он хотел расправиться со шпиком. Николаев назначил ему явку, где он мог получить револьвер, пароль и час. Но товарищ опоздал и не поехал в тот вечер. В ту же ночь охранка произвела у него обыск в поисках револьвера.

Из сообщения Семовских вытекало, что предал нас Попок. Семовских всем избранным членам МК лично сообщил адрес, время заседания, имя и отчество хозяина квартиры «Константин Васильевич». Только И. А. Попову он передал все это через Попка, и на столе дежурного в Сокольническом участке, как мы видели, были записаны эти сведения. О наших подозрениях мы при первой возможности сообщили на волю.

Что же оказалось на самом деле? Чтобы ответить на этот вопрос, следует обратиться к предыстории создания Московского Комитета на основе материалов охранного отделения.

Из этих материалов вытекает, что два члена организационной комиссии Перлин (студент Коммерческого института) и Журавлев (рабочий Сокольнических мастерских) были арестованы и вместо них в состав комиссии были введены Н. Семовских и некто Сергей Сергеевич. Еще ранее состав организационной комиссии решено было пополнить Захаровым (слесарь с завода Дукс).

Таким образом, по данным охранного отделения, организационная комиссия по созданию МК определилась к ноябрю 1916 г. в следующем составе: Анна Иванова,

Захаров, Козловский, Николаев, Попок, Н. Семовских (под именем Володя) и не расшифрованный охранкой Сергей Сергеевич, о котором в дальнейших донесениях не упоминается.

В составе организационной комиссии, следовательно, были два провокатора (Николаев и Попок), которые о каждом заседании доносили начальнику охранного отделения.

Организационная комиссия особо интенсивную работу развернула в ноябре. Как следует из донесений Попка и Николаева начальнику охранного отделения, в течение ноября она имела пять заседаний. Основное внимание на этих заседаниях обращалось на проведение выборов в МК от районов.

Ввиду многочисленных провалов решено было отказаться от созыва общегородской конференции и провести выборы представителей в МК прямо от районов, Северной группы и студенческой коллегии пропагандистов.

На заседании 6 ноября было поручено Козловскому провести выборы по Благушинскому району и Северной группе. Володе (Семовских) и Попку — по Сокольническому и Рогожско-Симоновскому, Ивановой и Николаеву — по Городскому району. Остальные члены комиссии, видимо, активного участия в работе не принимали.

Наряду с вопросом о выборах МК организационная комиссия обсуждала на своих заседаниях вопросы: 1) о проведении однодневной забастовки протеста против осуждения матросов и локаута в Петрограде, 2) о выпуске листовок, 3) об участии во Всероссийском продовольственном съезде. По последнему вопросу было решено делегировать представителя на съезд и поручить ему выступить с заявлением об отказе участвовать в работе съезда, так как при существующих условиях он не может что-либо сделать. Все это подтверждает вывод о том, что организационная комиссия выполняла ряд функций руководящего центра в период отсутствия МК.

Во всех донесениях отмечается, что личности Володи и Козловского устанавливаются. Володя не был раскрыт до самого ареста. Итак, на вопрос, кто нас предал,

следует ответить, что было два предателя — Николаев и Попок, но о заседании МК 1 декабря 1916 г. донес Попок, который от Семовских узнал, когда и где оно состоится.

Как выяснилось впоследствии, в донесении начальнику охранного отделения от 1 декабря 1916 г. Попок сообщал: «Первое организационное собрание Московского Комитета РСДРП состоится сегодня в 9 часов вечера у некоего «Константина Васильевича», проживающего по 2-му Переведеновскому переулку, д. № 9/11, кв. 7. рядом с Московским союзом потребительских обществ».

На донесении была наложена резолюция начальника отделения полковника Мартынова: «Арестовать собрание комитета».

...В камере было холодно, грязно, неудобно. И всего четыре кровати-топчана, а нас пятеро. На ночь их сдвигали и спали впятером. Не успели мы устроиться и навести некоторый порядок в нашем новом помещении, как услышали из соседней камеры пение. Чей-то молодой голос пел: «Скрывается солнце за степью...» Голос и манера пения показались мне поразительно знакомыми. Решил проверить, постучал в дверь, подошел тюремный надзиратель. Я попросился в уборную и получил разрешение выйти. Надзиратель прохаживался по коридору. Я выждал, когда он, повернувшись ко мне спиной, пошел в другой конец коридора и быстро прильнул к глазку соседней камеры: «Георгий», — шепнул я, увидев в камере Алешу Амосова. «Какой я тебе, черт, Георгий. Я Сергей», — ответил он мне сердитым полупшепотом. На первой же прогулке я узнал, что у него были все основания на меня сердиться. Его схватили 22 ноября на улице. При нем было найдено несколько паспортов. Шпики стали в тупик: кто же он? Не было, кажется, двух мест, где бы его одинаково называли. Последнее его имя было Сергей. Охранка знала, что это его вымышленное имя, но выяснить настоящее имя и фамилию была бессильна. В конце концов решено было предать его суду как бродягу. За бродяжничество по царским законам полагалась довольно суровая кара: три года арестантских рот и ссылка в Сибирь на вечное поселение.

Вместе с ним в одной камере находился Федоров. Он был арестован днем раньше, 21 ноября, на Смолен-

ском рынке. В последнее время они оба работали в студенческой столовой Московского университета, на Моховой улице. Сначала из «Журнала для хозяек» в университетскую столовку перешел Амосов. Я часто заходил к нему по партийным делам. С утра и до позднего вечера он был занят нелегальной работой. Я ни разу не видел, чтобы он что-нибудь делал по столовой, кроме того, что обедал. Так я и не мог определить, в чем заключалась его работа в столовой. Да и знал ли это он сам? Позднее поступил на работу в столовую и Федоров — в качестве заведующего бюро труда. На прогулке я встретил Кольцова из Даниловского района. Котова из Сокольников и других.

В первый же вечер нашего тюремного заключения мы получили богатую передачу из столовки. Чего-чего тут не было: сыр, масло, котлеты, пудинг. Прямо-таки санаторное питание! Его хватило не только на нашу камеру.

На второй день нас всех на извозчиках в сопровождении городских отправили на допрос в охранное отделение (Большой Гнезниковский переулок). Допрос был короткий. Мы, конечно, ни в чем не признались. Нас сфотографировали в профиль и анфас. Я при этом быстро снял пенсне, чтобы меньше было сходства между мной и фотокарточкой.

Мы скоро перезнакомились и зажили дружной семьей. Режим был сравнительно свободный. Через одного надзирателя мы получали «Русское слово», правда, вместо 5 копеек за 50. Приступили к коллективному чтению «Финансового капитала» Гильфердинга, устраивали доклады, без конца спорили и подолгу пели.

Первое время нам не разрешали свиданий, и мы были как бы отрезаны от всего мира. Что там делается на воле? Нет ли еще провалов? Предпринимаются ли новые попытки к организации МК или руки опустились у наших товарищей?

Первая весточка с воли пришла путем, для нас совершенно неожиданным. По обыкновению к вечеру мы получили передачу из столовки и с увлечением принялись за еду. Вдруг один из нашей компании с ругательствами вытаскивает из котлеты какую-то бумажку. Это и была весточка с воли. Вскоре у нас началась система-

гическая переписка через лиц, приходивших на свидание. Мы получили довольно длинное и подробное письмо, в котором сообщалось о новых попытках организовать МК.

На рождество мне разрешили свидание с братом. Он рассказал, что отец и мать очень расстроены, считают позором для семьи мое тюремное заключение и скрывают его от знакомых. Сам Леонид не разделял этих настроений и, наоборот, гордился братом-революционером. В это время он учился в 4-м классе Тамбовской духовной семинарии и мечтал по окончании 4-го класса поступить в высшее учебное заведение. Он был способный человек, увлекался философскими вопросами. Но судьба его сложилась иначе. В 1917 г., после Октябрьской революции, он вступил в партию, работал в Замоскворецком военкомате Москвы. По первой партийной мобилизации ушел на фронт, где занимал пост заместителя комиссара второй Московской бригады, и в июне 1919 г. героически погиб под Новохоперском в боях против Деникина.

5 января 1917 г. заместитель начальника по охране общественной безопасности и порядка в Москве доносил в департамент полиции о том, что мы «как избалованные в нарушении обязательного постановления о собраниях и собраниях, изданного командующим Московского военного округа 3 ноября 1915 года... постановлением московского градоначальника от 29 декабря подвергнуты заключению в тюрьме сроком на три месяца, считая таковой со дня задержания, то есть с 1 декабря минувшего года». О нашем избрании в МК РСДРП(б) и нелегальной партийной деятельности охранка располагала исключительно агентурными сведениями. Формально она не могла привлечь нас к судебной ответственности и потому воспользовалась «Правилами о местностях, объявленных на военном положении», чтобы заключить нас в тюрьму на три месяца. Что касается вопроса о дальнейшей нашей судьбе, то он был передан на решение департамента полиции.

Вскоре нас перевели в Сокольническую тюрьму. Там нашу дружную коммуну разбили, расселив в отдельные камеры, по два человека. Меня поместили с Семовских. Условия здесь были более строгие. Соседние с нами камеры были полны уголовными преступниками.

Жизнь наша стала гораздо однообразней и скучней. Со своими встречались только во время уборки камеры, когда позволялось выходить в коридор, да еще во время прогулок. А в остальное время приходилось удовлетворяться перестукиванием. Связи с внешним миром, которые мы поддерживали путем нелегальной переписки, сразу оборвались, газет мы также не получали. Ежедневные передачи из столовки прекратились. Книг не было. Дни тянулись серые, длинные. Чтобы не потерять им счет, Семовских написал на стене нечто вроде календаря и ежедневно зачеркивал по одной цифре.

Поскольку тюрьма была набита уголовниками, режим в ней отличался грубостью и чисто солдатской дисциплиной. Тюремные надзиратели заставляли заключенных выносить параши, приносить дрова, мыть полы и выполнять другие работы.

Этому общему режиму тюремщики хотели подчинить и группу политических заключенных. Правда, для нас, студентов, сделали исключение, а с рабочими обращались как с уголовниками. Наши товарищи категорически отказались подчиняться этому режиму. Тогда им стали грозить лишением права переписки, свиданий и даже заключением в карцер. Мы, политические, заявили решительный протест и потребовали начальника тюрьмы Отрадинского. К нам явился молодой, шегольски одетый блондин, небольшого роста, с пышными, закрученными вверх усами, за которыми он, видимо, ухаживал, как кокетливые модницы за своими прическами. С ним у нас произошел крупный разговор. Начальник вел себя вежливо, а когда почувствовал, что мы, если он будет настаивать на своем требовании, не остановимся перед голодовкой, отступил. Наши товарищи были освобождены от работ, выполняемых уголовниками.

Постепенно мы приспособились к строгому режиму Сокольнической тюрьмы, и жизнь наша вошла в колею. Один из дней особенно запечатлелся в моей памяти.

Начался он как все другие дни. Прошла поверка, мы убрали камеру, напились чаю. Наступил длинный предобеденный период, который тянется с 5½ утра до 12 часов дня. Надоело без конца мерить шагами камеру, наблюдать из окна много раз виденную картину тюрем-

ного двора. Мой товарищ по камере усиленно старается вспомнить, нет ли у него знакомых с фамилией на букву «Е»: он задался целью расположить в алфавитном порядке всех своих знакомых. В коридоре отчаянно зевает скучающий надзиратель. Нет даже тоски, а какая-то противная, мутная скука. Вдруг гремят ключи, открывается дверь нашей камеры, и меня зовут на свидание. С нетерпением бегу через тюремный двор в комнату свиданий, надзиратель еле за мной поспекает. Комната для свиданий имела окна с металлическими сетками. Становлюсь к одному из окон и вижу Шуру Родникозу. После долгих хлопот ей удалось добиться у начальника тюрьмы Отрадинского разрешения на свидание со мной. Она стоит у такого же решетчатого окна с противоположной стороны, между окнами ходит часовой и настроженным ухом ловит наши разговоры. Приходится кричать, чтобы быть услышанным, а так как на свидании мы не одни, то стоит невообразимый шум. Так много хочется узнать, о стольком расспросить, что как-то теряешься. Из обрывков фраз, долетающих до меня, узнаю, что 9 января состоялась демонстрация, что в столовке был обыск, что у лавок растут хвосты, какие-то события происходят в Думе... В самый разгар беседы объявляют об окончании свидания.

О том, что происходило за стенами тюрьмы, до нас доходили лишь отрывочные сведения. Как мы узнали впоследствии, борьба за создание нового МК после нашего ареста возобновилась с новой энергией. Состав организационной комиссии претерпел небольшие изменения, но в нем остались оба провокатора — Николаев и Полок. Они по-прежнему аккуратно информировали охранное отделение о всех шагах организационной комиссии.

Как следует из донесения Николаева в охранное отделение от 14 декабря 1916 г., организационная комиссия, обсудив вопрос о причине провала Московского Комитета 1 декабря 1916 г., пришла к выводу, что «данных для обвинения кого-либо в предательстве пока не имеется». Ввиду этого было решено продолжать организационную работу по созданию нового МК и по подготовке выступления рабочих в день 9 января 1917 г.

Как могла организационная комиссия, несмотря на

наше предупреждение, вынести такое странное решение?! Мне кажется, она хотела усыпить бдительность охранки, внушить ей мысль, что провокаторы Николаев и Попок находятся вне подозрений. В то же время в своей оперативной деятельности она старалась избегать привлечения их к работе по созданию МК и организации революционных выступлений в день 9 января. И эта тактика, как показали последующие события, оправдала себя.

Между тем потребность в руководящем центре Московской партийной организации чувствовалась особенно остро в связи с быстро нарастающим революционным подъемом масс и оживлением деятельности районных и фабрично-заводских большевистских групп. Поэтому организационная комиссия, не увлекаясь особенно заседаниями, развернула большую оперативно-организационную работу и в спешном порядке создала новый МК РСДРП(б), который выпустил и распространил по заводам и фабрикам листовку с призывом к рабочим Москвы отметить день 9 января забастовками и демонстрациями. Большую устную и печатную агитацию развернули районные и местные низовые организации. И охранка, несмотря на наличие в организационной комиссии двух провокаторов, не смогла предотвратить создание Московского Комитета большевиков и революционное выступление рабочих Москвы.

В записке, посланной в департамент полиции, начальник московского охранного отделения пытался оправдать факт, что охранка проморгала создание МК, тем, что «это, собственно, не МК, а группа лиц, образованная без всяких выборов и объявившая себя Московским Комитетом РСДРП». Однако это утверждение опровергается донесениями агентов охранки, сообщающих о выборах МК. Так, Николаев 14 декабря сообщает о собрании Городского района, на котором представителем з новый МК вместо арестованного Николая (Шезкова) избран Марк, а его заместителем Овсянникова.

Хотя начальник московской охранки и старался всячески преуменьшить значение революционных выступлений в Москве в день 9 января, но все же вынужден был признать, что в этот день в Москве бастовало свыше 50 предприятий, а количество участников забастовки превысило 30 тысяч. Помимо забастовки, в Москве со-

стоялись тогда и демонстрации. Во время демонстраций был поднят красный флаг с лозунгом: «Долой войну!» Все говорило о приближающейся революционной буре.

Находясь в тюрьме, мы не знали, что нас ожидает.

После долгой проволочки мы получили наконец нужные нам книги. Я принялся за «Капитал» Маркса. В сумерки, когда читать было уже трудно, мы с Семовских вели беседы, делились воспоминаниями о прошлом, мечтали о будущем. Настоящее представлялось нам неприятным жизненным этапом, который хотелось скорее миновать. В эти дни мне невольно приходили на память слова одного из преподавателей семинарии, который любил говорить: «Мы живем в прошлом или будущем и никогда в настоящем».

О чем только мы ни говорили и куда ни уносились наши мечты! Помню, как-то фантазия наша до того разыгралась, что мы представили себе, что в день 1 Мая происходит митинг на Ходынке, выступает Ленин. Оркестры гремят «Интернационал»... Могли ли мы думать в то время, что не пройдет и нескольких месяцев, как жизнь далеко опередит нашу фантазию?

Срок трехмесячного заключения подходил к концу. Нам было известно, что дело о нас передано в департамент полиции. Ходили слухи, что предполагается в административном порядке сослать нас в Иркутскую губернию. Титову родные уже передали теплые вещи и все необходимое для ссылки. 28 февраля нам объявляют, чтобы 1 марта мы были готовы к переводу из Сокольниковской тюрьмы. Но куда и с какой целью, не сказали. Что день грядущий нам готовит: свободу или ссылку? О ссылке думать не хотелось, а в свободу не верилось. Вечером в этот день к нам в камеру зашел надзиратель и «сугубо доверительно» сообщил, что в Питере творится что-то неладное. Ходят слухи, что царь бежал, что вместо него теперь председатель Думы Родзянко. Мы не поверили этому.

Настает 1 марта 1917 г. Кончились три месяца тюремного заключения. Одеваемся, выходим в контору, нам выдают вещи и ведут в конвойную комнату. Среди конвойных смущение, говорят, что городом вести опасно. Чувствуется, что-то происходит. В сопровождении конвоя, нагруженные вещами, выходим на тюремный двор. Смотрю, навстречу мне бежит Родникова. Сегодня сре-

да — день свиданий. Конвойные не препятствуют ей близко подойти и перекинуться несколькими словами. Но когда она попыталась нам что-то сообщить, конвойные ей помешали.

Ведут нас в Сокольнический участок. Переходим трамвайную линию. Трамваев нет. «Что же все это значит?» — в сотый раз задаем себе недоуменный вопрос. Один из нашей компании отделяется и удирает. Почему же так бездеятелен и пассивен конвой? Приходим в Сокольнический участок. Там стоит невообразимая суматоха, звонят телефоны, снуют какие-то гражданские люди, растерянно бегают приставы и городовые. Наш конвой постепенно разбредается. А мы стоим и ждем. Чего? Вдруг как-то сразу, точно сговорившись, понимаем, что им не до нас. Забираем вещи и выходим на улицу. Родникова бежит за извозчиком, прощаемся с товарищами. Дорогой Родникова рассказывает о событиях в Питере, о том, что делается в Москве. Завозим вещи к знакомым студентам на Немецкую улицу. К себе домой ехать боюсь — вдруг хватятся и арестуют. Вещи устроены, решаем отправиться пешком через центр города в столовку на Малую Серпуховку.

Москва поражает своим видом: на стенах висят воззвания Временного революционного комитета¹, по улицам мчатся автомобили с вооруженными людьми, с развевающимися красными флагами. Красная, Театральная, Воскресенская площади забиты людьми, не смолкает громогласное «ура», несущееся навстречу всякой новой радостной вести о новой победе революции: Арсенал взят; такая-то часть перешла на сторону революции и т. д. То там, то здесь переливается могучей дружной волной революционная песня, и над всей радостно возбужденной толпой светит яркое весеннее солнце. Что это — сон или действительность?

Вот, наконец, и столовка. Открываю дверь и вхожу. Десятки рук поднимают меня и начинают качать. Потом кто-то высказывает предположение, что я голоден. Сразу с места срывается несколько человек, и я оказываюсь за

¹ Временный революционный комитет был создан в Москве в ночь на 28 февраля 1917 г. из представителей различных городских организаций. В связи с созданием Совета рабочих депутатов 1 марта 1917 г. комитет свое существование прекратил.

столом, и на нем, как бы по мановению жезла, появляются три первых, пять вторых и несколько третьих блюд. Но до еды ли теперь?

Смотрю, открывается дверь, входит вооруженный с ног до головы Мышкин и сжимает меня в своих медвежьих объятиях. Вслед за ним вбегают Кириллов и Фельдман. Они только что с митинга и охрипшими голосами зовут меня немедленно ехать с ними на новый митинг...

Частично опубликовано в сборнике «Красное Замокворечье». М., 1927. Полностью публикуется впервые.



НЕСТЕРОВ

Михаил Васильевич

Член КПСС с 1912 г. В 1912—1916 гг. активно работал в большевистской организации Московского коммерческого института, вел пропагандистскую работу на фабриках и заводах. В 1916 г. был арестован, после четырехмесячного тюремного заключения выслан из Москвы. Активный участник Февральской и Октябрьской революций в Москве. В 1919—1920 гг. на фронтах гражданской войны; с 1920 г. — на советской и хозяйственной работе. В годы Великой Отечественной войны — на политработе в Советской Армии. С 1944 г. по настоящее время — председатель президиума Всесоюзной торговой палаты.

КАК МЫ ШЛИ К РЕВОЛЮЦИИ

Мой путь в партию Ленина и в революцию шел через марксизм. Изучение марксизма помогло мне найти свое место в рядах борцов за новый общественный строй.

С марксистской литературой я познакомился до вступления в партию большевиков. После окончания торговой школы в Москве в 1908 г. я стал работать учеником-конторщиком на Трехгорной мануфактуре Прохорова. Через год после поступления на работу начал готовиться к сдаче экзаменов на аттестат зрелости и посещал вечерние курсы Духаниной. Здесь сблизился с товарищами, которые уже изучали марксизм. Один из них — рабочий Мытищинского завода А. Д. Корешков — доставал откуда-то центральный орган РСДРП газету «Социал-демократ» и регулярно приносил ее на курсы. Вечерами, после занятий, мы устраивали коллективные читки «Социал-демократа». Корешков разъяснял прочитанное, если нам не все было ясно. Тогда же я начал читать другую марксистскую литературу. Под влиянием прочитанного постепенно складывалось мое марксистское мировоззрение. Это было в 1910—1911 гг.

Большое влияние на формирование моих политических взглядов оказала и выходявшая тогда в Петербурге предшественница ленинской «Правды» газета «Звезда». Из нее и из «Социал-демократа» мы многое узнавали о жизни и борьбе рабочих в России, о целях этой борьбы. Тогда же началось мое сотрудничество в большевистской печати. В «Звезду» я послал свои первые корреспонденции, в которых писал об условиях жизни мелких конторских служащих, придавленных, как и ра-

бочие, гнетом капиталистической эксплуатации и бесправия. Материал я брал непосредственно из жизни Прохоровской мануфактуры и других предприятий Москвы. Свои заметки я подписывал псевдонимом «Конторщик».

Это было началом моей революционной работы, моим первым практическим шагом к партии большевиков. Позднее, когда в мае 1912 г. в Петербурге начала выходить ежедневная легальная рабочая газета «Правда», я посылал свои корреспонденции в «Правду».

В 1912 г., получив аттестат зрелости, я поступил на экономическое отделение Коммерческого института. Коммерческий институт выбрал потому, что далеко не в каждом учебном заведении мог учиться. В университет, например, я не мог пойти по двум причинам. Во-первых, охранка уже кое-что знала о моем участии в марксистских кружках, и в силу этого доступ мне в это привилегированное учебное заведение был закрыт. Во-вторых, в университете, как и в большинстве других учебных заведений, занятия были дневные, а я не мог учиться днем, так как должен был содержать мать и сестер. Учебу надо было совмещать с работой. Коммерческий институт предоставлял такую возможность.

В том же 1912 г. я вступил в партию большевиков. Прозошло это так. У меня был товарищ — земляк А. Н. Фокин, член партии с 1908 г., который являлся одним из организаторов социал-демократической большевистской группы студентов Коммерческого института. На небольшом собрании нашего землячества он рекомендовал меня в партию, сказав, что знает меня хорошо. Позднее в институте создалась группа большевиков, в которую входило до 20 членов партии из всех землячеств: Ю. Мышкин, А. Фокин, В. Чеботарев, С. Алавердов, А. Акопов, Н. Семовских, Л. Сокольский, И. Нечаев и другие. Мы проводили среди студентов института сборы средств на «Правду», устраивали вечеринки с беседами на политические темы. Я собирал членские взносы, которые шли на издание нелегальных листовок и покупку литературы. Часть средств из взносов отчислялась на заграничный орган ЦК «Социал-демократ» и на петербургскую «Правду».

Мы были инициаторами создания студенческого Об-

щества по устройству столовой, которая сыграла немалую роль в революционном движении московских рабочих. Столовую открыли на Малой Серпуховской улице, в доме № 28. Здесь же помещалось и само Общество. При выборах правления столовой около 70% мест получили студенты-большевики. Вошли в правление и мы с Чеботаревым.

Жили мы в здании столовки, наверху; здесь же была явочная квартира для нелегальных встреч, где мы принимали приезжавших к нам из Питера представителей большевистского ЦК. В студенческой столовой под видом концертов устраивались вечера-встречи с рабочими Москвы, во время которых разъяснялись лозунги революционной социал-демократии. Легально существовавшую студенческую столовую мы широко использовали для нелегальной партийной работы.

На наши вечера охранное отделение направляло околоточного надзирателя Ганзена. Кто-нибудь обычно уводил его в отдельную комнату: там было приготовлено угощение, и он не мешал нам. Иногда Ганзен даже предупреждал о готовящемся обыске в столовой.

Наша большевистская группа являлась организатором политических выступлений студентов Коммерческого института, мы печатали прокламации, участвовали в демонстрациях рабочих Москвы. Вспоминается осень 1912 г., когда нами была организована большая демонстрация в Донской монастырь на могилу Муромцева, первого председателя Государственной думы, где состоялся митинг протеста против царского правительства и пелись революционные песни. Полиция разогнала митинг. Несколько человек было арестовано.

В 1913—1914 гг. в Москве, как и всюду в стране, продолжалось нарастание революционного движения. Наша студенческая большевистская группа была тогда тесно связана с рабочими Москвы — швейниками, булочниками, печатниками, трамвайщиками, вела среди них пропагандистскую и организаторскую работу.

В 1914 г. началась первая мировая война. Царское правительство надеялось войной задушить растущее рабочее движение, отвлечь рабочих от политической борьбы. Помню, как в Москве в день объявления войны черная сотня начала громить немецкие магазины. На Сер-

пуховской площади помещалась аптека немца Феррейна. В момент, когда черносотенная толпа подошла к аптеке, чтобы ее разгромить, здесь очутился наш студент социал-демократ Юдилевич, человек огромного роста. Он встал на ступеньки аптеки и диким голосом закричал на толпу. Ему удалось остановить зачинщиков, а тем временем к аптеке подоспела большая группа студентов Коммерческого института. Собравшейся толпе было разъяснено, кому нужна война, ради чего она ведется и кому на руку подобные погромы. Вмешательство студентов спасло тогда аптеку от разгрома.

Подавляющее большинство нашей институтской большевистской организации по отношению к разразившейся империалистической войне довольно быстро и твердо встало на ленинские революционные позиции. Но и среди нас, большевиков, нашлись отдельные товарищи (Нечаев, например), которые скатились к оборончеству. Организации же меньшевиков и эсеров почти поголовно были охвачены шовинистическим угаром. Вместе с кадетами меньшевики и эсеры звали рабочих Москвы подняться «на защиту отечества», «на отпор немцу-арвару». В обстановке разжигаемого царскими властями, буржуазией и их прихвостнями националистического «патриотизма» на нашу долю выпала кропотливая повседневная работа по разъяснению трудящимся Москвы и Подмосковья ленинской интернационалистской позиции.

Когда нам представлялась возможность бывать в других городах России, мы и там несли в массы слова ленинской правды о войне. Так, в конце 1914 г. при поездке на рождественские каникулы в город Юрьев-Польский (Владимирской губернии) я получил от нашей партийной организации задание развернуть среди рабочих этого довольно развитого в промышленном отношении города интернационалистскую пропаганду на основе ленинских тезисов о войне, незадолго до того полученных нами.

Мне было поручено также организовать в Юрьеве-Польском большевистскую группу из рабочих, которая бы продолжала борьбу против шовинистического угара после моего возвращения в Москву. Эти задания были выполнены: была создана группа большевиков из рабочих местных фабрик, выпущена и распространена про-

кламация против войны. Беседы по разъяснению ленинских тезисов я провел среди рабочих нескольких предприятий города и среди мобилизованных в армию. Вернувшись в Москву, не порывал связи с созданной в Юрьеве-Польском большевистской группой: высылал ей литературу, переписывался с членами группы, информировал о положении дел в Москве.

В 1915 г. начал спадать «патриотический» угар среди населения. Наша организация, как и раньше, активно вела в это время антивоенную работу, разъясняла значение Циммервальдской социалистической конференции. Ленинский лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую находил все большую поддержку среди рабочих.

По инициативе прогрессивных профессоров Коммерческого института в 1915 г. было предпринято обследование экономического положения рабочих Москвы. Мы решили использовать обследование в пропагандистских целях, и группа студентов-большевиков взяла эту работу в свои руки.

Мне и нашей студентке Конкордии Комаровой было поручено собирать материалы о бюджетах рабочих «Трехгорной мануфактуры», где я тогда работал. С большим трудом получили у Прохорова разрешение на посещение рабочих спален и беседы с рабочими по интересовавшему нас вопросу. В течение недели мы с Комаровой ходили по рабочим спальням и беседовали с ткачами и красильщиками, расспрашивали их о жизни, выясняли настроения.

К нам был приставлен агент охранного отделения, который должен был следить за тем, чтобы наши разговоры не выходили за рамки дозволенного. Его присутствие очень стесняло и нас и рабочих. Тогда рабочие заявили, что в присутствии постороннего человека не будут отвечать на наши вопросы о бюджете, и агенту пришлось ретироваться.

После этого беседы оживились. Рабочие жаловались на дороговизну, на тяжелые условия труда, на произвол фабричной администрации, высказывали недовольство войной. Они показывали письма, полученные с фронта, рассказывали, как тяжело живет деревня, где почти не осталось мужчин. Деревенскую жизнь трехгорцы знали

хорошо, так как многие из них сами недавно были еще крестьянами, в деревне у них оставались семьи или родственники.

Мы в свою очередь рассказывали рабочим о причинах войны, о том, кто на войне наживается, какие бедствия война несет народу. Беседы как-то сами собой подводили рабочих к вопросу: что же делать, где выход из создавшегося положения? Тогда мы начинали разъяснять отношение разных классов и их политических партий к войне, говорили о Ленине, о большевиках, о необходимости покончить с войной путем свержения царизма, путем революции.

Наши беседы волновали рабочих. Мы уходили, а они продолжали начатый разговор. Вскоре в казармах-спальнях Прохоровской мануфактуры начались настоящие волнения, и встревоженная охранка запретила нам дальнейшую работу по «изучению бюджета рабочих семей».

Развертывание агитационной работы в Москве осенью 1915 г. осложнялось из-за отсутствия типографии. В августе тверская группа¹, выданная провокатором Поскребухиным, была арестована, типография ее потеряна для нас. В связи с этим осенью 1915 г. было решено создать новую нелегальную типографию в Москве. Машину «американку» уже купили, но ее трудно было вывезти. К тому же, арестовали члена Московского Комитета партии портного В. Сахарова, который должен был организовать доставку этой печатной машины. Вывести машину поручили нашей группе. За это взялись Мышкин и Акопов. Они сумели перевезти машину в помещение, где оборудовалась типография, не привлекая внимания шпиков. Но не обошлось и без казуса. На извозчике, вывозившем оборудование, они в спешке забыли станину машины. К счастью, извозчик не был доносчиком. На другой день мы нашли его на стоянке. Он доставил станину, сказав на прощание: «Господа студенты,

¹ Тверская группа — группа социал-демократов Москвы, имевшая портативную типографию, в которой печатались революционные листовки. Название получила от Тверской-Ямской улицы, где проживало основное ее ядро. Группа была основана в начале 1915 г., в нее входило более 60 большевиков (М. Лацис, Э. Берзин, Я. Грунт и другие).

в следующий раз будьте осторожней с этим делом». Типография была оборудована и работала без провала до самой революции.

В том же 1915 г. полиция арестовала большую группу рабочих Сокольнического трамвайного парка, активных участников забастовки трамвайщиков. В марте 1916 г. над ними должен был состояться суд. Московский Комитет большевиков решил организовать в день суда над трамвайщиками всеобщую стачку протеста против произвола царских властей и предстоящей расправы с забастовщиками. В новой типографии были отпечатаны листовки, призывавшие рабочих Москвы к стачке.

1 марта я получил несколько сот этих листовок для передачи рабочему, который должен был зайти ко мне за ними. В 12 часов ночи он вынес листовки из моего дома, а через два часа пришла полиция. Пристав предъявил ордер, коим было предписано арестовать меня независимо от результата обыска. В эту ночь было арестовано свыше тридцати членов Московской организации большевиков, среди них члены МК, работники профсоюзов, рабочие-активисты, студенты. Охранка арестовывала актив Московской организации по списку, который ей дал, как потом выяснилось, провокатор Поскребухин.

Так я попал в тюрьму. Для большинства арестованных царская тюрьма не была новинкой: многие и раньше были знакомы с ней. Да и мы, молодые члены партии, знали, что рано или поздно с тюрьмой нам познакомиться придется, знали, что борьба против царизма требует жертв. Знали о жертвах и шли на них сознательно. Так воспитывала партия Ленина своих борцов.

В тюрьме мы времени зря не теряли. Разными путями поддерживали связи с товарищами, оставшимися на воле, старались помочь им в работе. Мы писали листовки от имени Московского Комитета партии, давая тем самым знать, что, несмотря на проведенный полицией массовый арест, МК живет и действует. Написанные в тюрьме тексты прескламаций я передавал приходившей ко мне на свидание жене Анне Александровне Нестеровой, а она передавала их дальше. Так они доходили до нелегальной типографии, где их размножали и через систему нелегальной связи доставляли на заводы и фабрики.

В прокламациях говорилось о продолжавшейся братоубийственной войне, об измене мелкобуржуазных партий меньшевиков к эсеров делу пролетарского интернационализма, о том, как тяжело отразилась война на положении трудящихся. Прокламации призывали рабочих к сплочению под ленинским интернационалистским знаменем, к дружной борьбе против самодержавия.

В тюрьме я просидел немного. Арестовали меня по доносу провокатора, никаких компрометирующих материалов при обыске на квартире полиция не нашла, формальных улик для организации судебного процесса, следовательно, не было. Донесение провокатора огласке не подлежало и не могло быть использовано в качестве обвинительного документа. Через четыре месяца меня выпустили, запретив жительство в Москве. Пришлось поселиться в пригороде.

Выйдя из тюрьмы, я работал в Московском союзе потребительских обществ, где была сильная большевистская группа. После тюремного «отдыха» работа вновь захватила меня с головой.

В январе 1917 г. МК РСДРП(б) выпустил листовку с призывом к рабочим встретить всеобщей забастовкой годовщину Кровавого воскресенья.

«Мы призываем московских рабочих, — говорилось в листовке, — ко всеобщей забастовке в день 9 января. **Бросайте, товарищи, дружно работу, выходите на улицу, подымите голову. Защитите гибнущих на фронте, защитите себя... Покажите, что революционная сила пролетариата жива и не разорвано красное знамя рабочего класса.**

Да здравствует РСДРП!

Да здравствует демократическая республика!

Долой войну!

Долой самодержавие!»

Накануне 9 января по всей Москве проходили нелегальные собрания. Меня пригласили выступить у печатников, но случилось так, что я на это собрание не попал. Эта случайность избавила меня от вторичного ареста, так как позднее выяснилось, что среди руководителей профсоюза печатников, организовавших собрание, был провокатор Барышников, заранее известивший полицию

как о самом собрании, так и о докладчике, которого они пригласили.

На нелегальных собраниях было решено провести 9 января городскую демонстрацию и политический митинг у памятника Пушкину.

На следующий день с утра колонны демонстрантов с флагами потянулись с рабочих окраин к центру, на Страстную площадь.

В демонстрации приняло участие свыше 300 рабочих и служащих Союза потребительских обществ, организованных нашей большевистской группой. С красным флагом, с революционными песнями двинулись мы по Переведеновке к центру Москвы.

На Елоховской площади нас встретил большой наряд полиции, пытавшийся разогнать колонну. Началась свалка. Несколько демонстрантов было арестовано, но нас это не остановило. Проходными дворами, переулочками пробрались мы небольшими группами к Страстной площади, где проходил внушительный митинг, разбрасывались листовки.

События 9 января в Москве наглядно показали, что революционная сила пролетариата жива, что цело красное знамя рабочего класса. В этот день оно высоко взвилось над рядами демонстрантов и смело звало их на решительный бой с самодержавием, звало вперед к революции...

О начавшейся в Петрограде революции мы узнали 28 февраля. Нашей большевистской организации в Союзе потребительских обществ МК поручил подготовить листовку к московским рабочим с сообщением о революции, с требованием свержения самодержавия и призывом присоединиться к начавшейся в Москве всеобщей забастовке.

Листовку поручили писать мне и А. А. Знаменскому, редактору журнала «Союз потребителей». Написали мы ее от имени Московского Комитета партии большевиков. Отнесли в типографию около Покровского железнодорожного моста, где обычно печатался журнал нашего потребительского союза, и уговорили заведующего типографией не мешать рабочим размножить ее. Листовка была отпечатана в количестве 10 тысяч экземпляров и в этот же день распространена по Москве.

Помимо нашей листовки 28 февраля широко распространялись в городе прокламации Московского бюро ЦК РСДРП, призывавшие рабочих Москвы поддержать петроградское восстание и выбирать представителей в Совет рабочих депутатов.

Всеобщая политическая забастовка в Москве росла и ширилась. На следующий день — 1 марта — был создан Московский Совет рабочих депутатов. Узнав о событиях в Петрограде и Москве, выступили рабочие подмосковных промышленных центров — Подольска, Серпухова, Наро-Фоминска, Тулы. Революция охватила всю страну...

В первые месяцы революции Московский Совет, как и большинство Советов в России, оказался в руках соглашателей-меньшевиков и эсеров. Большевики были в меньшинстве. Но по мере развития революции, по мере того как массы на собственном опыте убеждались в правильности большевистских лозунгов, соотношение сил менялось в нашу пользу.

Росла и крепла большевистская организация города. В первые же дни революции МК РСДРП(б) призвал рабочих вступать в партию большевиков. Создавались районные комитеты, возникали новые партийные организации на фабриках и заводах, в воинских частях. Из тюрем, ссылок и эмиграции возвращались видные деятели революционной социал-демократии. Еще 1 марта из Бутырок были освобождены Ф. Э. Дзержинский и Я. Э. Рудзутак. Скоро приехали из ссылки Н. Н. Овсянников и Н. Н. Колесникова. В апреле в работу Московской партийной организации активно включились Г. Усневич и И. Арманд, вернувшиеся вместе с В. И. Лениным из Швейцарии. За счет пополнения окрепло и руководящее ядро Московской организации большевиков, в которое с первых дней революции входили М. С. Ольминский, И. И. Скворцов-Степанов, П. Г. Смидович, Р. С. Землячка, И. А. Пятницкий, В. П. Ногин и другие товарищи.

В середине апреля 1917 г. в здании биржи, где ныне помещается Всесоюзная торговая палата, состоялась 2-я Московская общегородская конференция большевиков. Я был тогда членом Благоше-Лефортовского райкома партии, и от нашего района меня избрали делегатом на эту конференцию. Конференция обсудила вопросы

о так называемом «займе свободы»¹, о III Интернационале, о земле. Помню, что доклад о III Интернационале делал П. Г. Смидович, а по аграрному вопросу выступал И. И. Скворцов-Степанов. Наша конференция решительно высказалась против поддержки «займа свободы», за создание III Интернационала, за передачу земли крестьянам.

Мы, москвичи, очень завидовали тогда питерцам, в рядах которых непосредственно работал вернувшийся из эмиграции вождь партии В. И. Ленин. Мы знали, что Владимир Ильич выступал на собраниях, на митингах у рабочих и солдат. Нам очень хотелось видеть Ленина в Москве.

Наша конференция, выражая волю всех большевиков Москвы, послала Владимиру Ильичу приветствие и приглашение приехать в Москву. Обстоятельства тогда сложились так, что до июльских дней В. И. Ленину выбраться в Москву не удалось, а после июльских событий в Петрограде это стало невозможно. Но мы, московские большевики, во всей своей работе повседневно чувствовали направляющую руку Ильича, его заботу о Московской организации.

Городская конференция в конце заседания избрала делегатов на Московскую областную конференцию, а также на VII Всероссийскую конференцию партии, созывавшуюся в Петрограде. Делегатами были избраны Ф. Э. Дзержинский, М. С. Ольминский, И. И. Скворцов-Степанов, Р. С. Землячка, П. Г. Смидович и другие.

После Апрельской конференции, на которой был утвержден ленинский курс на переход к социалистической революции, работа Московской партийной организации заметно активизировалась. Разъясняя ленинский лозунг о передаче всей власти Советам, мы теснее связывались с рабочими и солдатами, наше влияние в массах усиливалось, шел процесс большевизации Советов.

¹ В апреле 1917 г. Временное правительство с целью мобилизации средств для продолжения империалистической войны выпустило так называемый «Заем свободы 1917 г.». Его поддержали все буржуазные и мелкобуржуазные партии. Большевики решительно высказались против поддержки займа.

Переломным моментом в развитии революции явились июльские события в Петрограде.

Несмотря на запрещение Московским Советом уличных выступлений, 4 июля в Москве прошла демонстрация, требовавшая передачи всей власти Советам. В рабочих районах и на заводах состоялись митинги и собрания.

Резолюции о переходе власти в руки Советов приняла и многие районные Советы Москвы. Рабочая Москва дружно протестовала против запрещения Советом мирных демонстраций и митингов, против поднятой буржуазной и черносотенной печатью клеветы на большевиков и В. И. Ленина.

После VI съезда партии московские большевики широко развернули работу по укреплению созданной еще в первые дни революции Красной гвардии, по подготовке масс трудящихся к вооруженному восстанию. Это соответствовало новой тактике партии в революции, вызванной изменившейся обстановкой в стране после июльских дней.

Показателем сильно возросшего влияния большевиков в массах явились выборы в районные думы Москвы в сентябре 1917 г. Если в июне при выборах в городскую думу большевики получили 11% из общего количества поданных голосов, то в сентябре за список нашей партии было подано больше половины голосов. Из 18 тысяч солдат, участвовавших в голосовании, почти 15 тысяч отдали свои голоса большевистским кандидатам. Выборы показали, что соглашательские партии меньшевиков и эсеров потеряли доверие масс.

На выборах в районные думы наша партия выступала со своими самостоятельными списками кандидатов. В 11 районных думах Москвы из 17 мы получили абсолютное большинство. Я был избран гласным Басманной районной думы. Председателем нашей думы был А. Г. Шлихтер, делегат VI съезда РСДРП(б) от Московской партийной организации.

Для партии большевиков было ясно, что думы сами по себе не в состоянии защитить интересы трудового народа, не в состоянии закончить кровопролитную, грабительскую войну. Никаких иллюзий у нас на этот счет не было. Но работа в думах помогла нам разоблачать

контрреволюцию и сплачивать трудящихся вокруг рабочего класса, вокруг партии большевиков.

После победы октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, потерпев там полное поражение, силы контрреволюции стали стекаться в Москву, решив превратить ее в опорный пункт борьбы с социалистической революцией, с завоеванной трудящимися властью Советов.

27 октября в Народном доме у Сухаревской башни проходило собрание гласных районных дум. Присутствовало человек 400. Собрание было созвано большевиками, председательствовал на нем член Московского ВРК Александр Григорьевич Шлихтер. Я присутствовал на этом собрании как гласный Басманной районной думы. Большинство собрания высказалось за поддержку Советской власти и выразило готовность оказать всемерную помощь ей, организовать, в частности, снабжение Москвы продовольствием.

Это встретило решительное противодействие кадетов, эсеров и меньшевиков. Они мешали Шлихтеру вести собрание, без конца устраивали обструкции. Но собрание шло за большевиками. В предложенной большевиками резолюции выражалось доверие Военно-революционному комитету Москвы как единственному представителю новой власти, были намечены меры по организации продовольственного дела в Москве и поддержанию революционного порядка.

В конце собрания нам сообщили, что командующий Московским военным округом Рябцев предъявил Военно-революционному комитету ультиматум, требуя, чтобы он в течение 15 минут распустил себя. В случае невыполнения ультиматума он грозил применить вооруженную силу.

ВРК, конечно, отклонил это требование контрреволюционеров. Буржуазно-соглашательская часть думских гласных покинула заседание. Мы приняли большевистскую резолюцию и стали разъезжаться по местам, чтобы лично участвовать в разворачивающихся событиях. Было уже 12 часов ночи. Последним трамваем я поехал в Замоскворечье.

При проезде через Каменный мост я увидел, что юнкера занимают мосты через Москву-реку. Я сошел на

Калужской площади и зашел в Замоскворецкий районный ВРК. Встретил там много красногвардейцев-рабочих, членов ВРК и среди них начальника штаба профессора Павла Карловича Штернберга.

Я рассказал ему о резолюции, принятой на нашем собрании, а также о занятии юнкерами мостов. В штабе шла напряженная работа по вооружению отрядов Красной гвардии, по подготовке отпора поднявшей голову контрреволюции...

В дни борьбы с контрреволюцией в Москве Замоскворецкий военно-революционный комитет поручил мне организовать выпуск информационного листка. Печатать этот листок пришлось в типографии издательства Сытина, где было сильно меньшевистское влияние. В редакцию информационного листка были назначены И. И. Скворцов-Степанов, профессор М. Н. Покровский, М. С. Ольминский, Г. И. Ломов (Оппоков). Хорошо помню Михаила Степановича Ольминского. С большой седой бородой, сидит он в комнате сытинской типографии и ведет разговор о выпуске бюллетеня. На груди у него на шнуре висит блестящий браунинг. Ольминский был глубоко мирный человек и никого в жизни не обижал, но за дело рабочего класса он готов был бороться и с оружием в руках.

Сытинская типография не работала. Трудно было убедить рабочих, распропагандированных меньшевиками, начать работу и выпускать информационный бюллетень. Совместо с одним большевиком из заводского комитета типографии (фамилию его забыл) нам удалось собрать общее собрание рабочих типографии для обсуждения вопроса о бюллетене. На собрание пришли Покровский, Скворцов-Степанов, Ольминский. Меньшевики мобилизовали все свои силы, чтобы сорвать наш заказ. От них выступал член Московского Комитета меньшевиков. Он называл нас, большевиков, узурпаторами, уговаривал рабочих заказа не выполнять. Нам удалось повернуть собрание в свою сторону. После долгих дебатов рабочие решили печатать бюллетень. Он сыграл большую роль в дни боев в Москве с контрреволюционерами.

Через наших связных мы все время поддерживали тесную связь с Московским Военно-революционным ко-

митетом и были в курсе событий. О них мы и сообщали в бюллетене.

...Контрреволюция в Москве была разбита. В начале ноября мы хоронили у Кремлевской стены погибших товарищей. Впереди нас ждала новая борьба, новые испытания. Надо было защитить завоеванное, надо было возводить по своим пролетарским законам здание нового общества. Было трудно, но мы помнили о погибших товарищах и думали о будущих поколениях.

Публикуется впервые.



СКВОРЦОВ-СТЕПАНОВ

Иван Иванович

(1870—1928)

Член КПСС с 1896 г. Активный участник первой русской революции. Провел в тюрьме и ссылке свыше восьми лет. В 1917 г. — редактор «Известий Московского Совета рабочих депутатов», член редакционной коллегии органа Мособлбюро ЦК и МК РСДРП(б) — газеты «Социал-демократ». Делегат VII (Апрельской) Всероссийской партийной конференции, член Военно-революционного комитета в Москве в октябрьские дни. После Октябрьской революции — на руководящей советской, партийной и научной работе.

ВОСПОМИНАНИЯ О СОБЫТИЯХ 1917 ГОДА¹

Редакция «Известий» помещалась в типографии «Русского слова», в верхнем этаже того дома, где находились наборная и машинное отделение, и занимала крохотный уголок огромного грязного стола, сколоченного из толстых досок, промасленных, прокопченных и насквозь пропитанных типографским металлом.

Кроме меня в редакцию входили еще М. М. Попова и Светлов-Кац, ставший впоследствии лидером советской группы эсеров-максималистов.

С первых же минут выяснилось, что в типографии не совсем ладно. Чувствовалась какая-то обструкция, или, как выразились бы теперь, саботаж. Рабочие машинного отделения во главе со своим заведующим прямо не отказывались работать, но очень настойчиво твердили, что они сидят тут давно и давно ничего не ели. А я-то, направляясь сюда, наивно воображал, что машины зашумят и загудят, что дело только за литературным материалом. Вместо этого меня заставили первым делом сказать речь, выясняющую значение момента и «Известий». Не без хмурости, но все же согласились работать.

Мы были не только редакторами и единственными сотрудниками, но и выпускающими, и корректорами. На первых порах приходили к нам студенты и предлагали свою помощь. Мы посвящали их в тайны корректорского искусства. Но через два-три часа молодой человек начинал скучать, вспоминал, что он должен отлучиться на короткое время, и уходил для того, чтобы больше не по-

¹ Воспоминания написаны в 1925 г. для комиссии Истпарта. Печатаются с сокращениями.

являться. Было куда любопытнее летать на автомобилях с неопределенными поручениями и во всевозможных направлениях.

2 марта, часов в восемь утра, получив из-под машины первые экземпляры первого номера «Известий», я пошел домой к Смоленскому рынку. В это утро и в следующие, идя домой после целой ночи писания и правки статей, я каждый раз видел, что молодые люди, так быстро и в таком неисчислимом количестве нахлынувшие в революцию, но потом столь же быстро отхлынувшие от нее, с веселым и деловым видом мчатся на автомобилях. Мне думается, что некоторые из этих бойких молодых людей, «первых работников революции», в непродолжительном времени доехали до Колчака и Краснова, а теперь пребывают у Врангеля.

Кажется, числа второго или третьего, часов в десять ночи, в типографию пришли взволнованные наборщики и рассказали, что с крыши большого дома у Никитских ворот стреляли спрятавшиеся там городовые и что сейчас была стрельба на Тверской и несколько человек ранено. Я пришел в бешенство и отвел душу в свирепой статье «А Романовы еще топорчатся? Пора объявить их окончательно изложенными!»

Но в редакцию зачем-то зашел И. И. Егоров и, просмотрев статью, заявил, что он, как товарищ председателя Московского Совета, предлагает мне статью отложить, так как она идет дальше состоявшихся до того времени решений Совета¹.

Я не знал пределов своих полномочий и, несмотря на старания, никак не мог связаться с товарищами. Пришлось статью «отложить».

Оставаясь в таком неопределенном положении, мы выпустили пять номеров газеты.

Начиная с шестого номера «Известия» получили оформленную редакцию. Московский Комитет большевиков выдвинул мою кандидатуру, и Совет назначил меня главным редактором. Я получил совершенно исключи-

¹ В Московском Совете рабочих депутатов в первые месяцы революции большинство депутатских мест принадлежало эсеро-меньшевистскому блоку, что определяло непоследовательную, соглашательскую позицию Совета по коренным вопросам революции.

тельные полномочия: не пускать той или иной статьи, хотя бы за ее печатание высказались два остальных редактора.

Эти остальные были избранниками меньшевиков и эсеров Совета. Меньшевики провели сначала Кипена, который, однако, не мог работать в газете, и заменили его потом Кибриком, который оставался в звании редактора до мсего ухода из газеты, но фактически он редко вмешивался в ведение газеты, притом по большей части не для предварительной цензуры, а для укоризны за напечатанное мною.

Эсеры сначала делегировали Рокотова, который два-три раза пришел на работу и потом исчез. Впоследствии я увидел его в Учредительном собрании на скамьях правых эсеров. Рокотова заменил Гендельман, который тоже после двух-трех раз перестал появляться в редакции. Впоследствии он упоминался как один из видных колчаковцев. Хинчук (бывший тогда председателем Совета)¹ обещал, что мне дадут настоящего работника, с которым дело пойдет. Вскоре я узнал, что эсеры назначили Луса. Перекинувшись с ним несколькими словами, я увидел, что мы действительно споемся. Я настойчиво, при каждой встрече, тасил его на работу, но он постоянно, но как-то неубедительно, отказывался. Месяца за три до своей смерти он раскрыл мне тайну эсеров. Избрать-то они его избрали... а пускать в редакцию не хотели: он был антиоборонец, интернационалист! Недаром этот истинный революционер и милейший человек после Октябрьской революции оторвался от своей партии и остался с нами.

Таким образом, приблизительно до мая я оставался под слабым и нерегулярным надзором.

Теперь у меня был превосходный помощник — товарищ Е. И. Ривлинг. Она взяла на себя секретарские обязанности, но в действительности была более чем секретарем — она долгое время была и машинисткой, и конторой, и хозяйственным отделом газеты.

¹ Хинчук Л. М. (1868—1944) — до 1919 г. меньшевик, член ЦК меньшевиков; в большевистской партии состоял с 1920 г. С 5 (18) марта по сентябрь 1917 г. — председатель Московского Совета, затем до 1921 г. — член правления Московского рабочего кооператива. В последующие годы являлся председателем правления Центросоюза, торгпредом, наркомвнугоргом РСФСР.

Верно, с половины марта начал работать К. П. Новицкий. От меня отошла правка телеграмм и сообщений, наблюдение за выпуском газеты, составление разметок, корректура. Мы начали увеличивать газету: перешли сначала на две страницы, а потом развернулись и до четырех. Но зато мне ежедневно приходилось писать две, иногда три большие статьи, не считая сравнительно мелких заметок. В это время ставился «Социал-демократ», и свободных литературных сил у нас не было.

Редакция перешла в Капцовку¹. В одной из комнат, где был «Отдел связи» и еще какой-то, нам отвели стол средней величины, который представлял и кабинет редактора, и помещение секретаря, и корректорскую, и контору, и т. д. Комната была всегда переполнена. Молодые люди обоего пола порхали в комнату и из комнаты, слоняясь из угла в угол, сидели на столах, грызли подсолнухи, насвистывали, иногда хором исполняли «Марсельезу» и почти всегда о чем-то кричали и спорили до хрипоты в горле. Когда я спросил их, что они, собственно, делают, они отвечали, что обсуждают, что и как им делать в дальнейшем. Не скажу, чтобы этот ответ помог мне уяснить смысл их толчен в Капцовке в данное время.

Я легко примирился бы с существованием этих людей, обремененных обдумыванием, на что им употребить себя, если бы они не вторгались в редакцию. Но тщетны были все мои просьбы. То подлетает один и берет перо «на одну секунду» и забывает возвратить его, то подскакивает другой и просит дать ему лист бумаги и т. д. На яростные заявления, что мой стол они должны оставить в абсолютном покое, милые люди недоумевали и как бы вопрошали: как это, мол, можно проявлять такое нетоварищеское отношение к ним?

Не удивительно, что в эти дни один из работников «Известий» дошел до кровохарканья и что все мы вздохнули легче только в начале апреля, когда перебрались в бывший генерал-губернаторский дом, в комнаты

¹ Капцовское училище находилось в Леонтьевском переулке (теперь улица Станиславского), дом № 19. Здесь до июля 1917 г. помещались Московский Комитет, Московский окружной комитет, Московское областное бюро ЦК РСДРП(б), Военное бюро при МК, редакция и издательство газеты «Социал-демократ».

27 и 28. В таких же условиях существовала первое время и редакция «Социал-демократа».

Таковы были первые шаги новой рабочей печати.

«Известия» недолго печатались в типографии «Русского слова». Действие священных прав буржуазной собственности было приостановлено только на короткое время, пока существовала угроза со стороны феодально окрашенной, чисто и непосредственно романовской контрреволюции. Упрочив буржуазное Временное правительство Львова — Гучкова — Милюкова, эсеро-меньшевистские Советы все лучшие газетные типографии возвратили по прежней принадлежности: «Русскому слову», «Русским ведомостям», «Утру России». После долгих и мучительных поисков Г. С. Егоров, заведовавший технической частью «Известий», остановился на типографии акционерного о-ва «Московское издательство» (Петровка, 26). Это была жалкая, сильно поношенная и потрепанная типография. При величайшем напряжении едва удавалось довести тираж газеты до 150 000 экз., причем газета регулярно опаздывала к утренним поездом да и к московским газетчикам иногда поступала к полудню. Часто бывало, что печать получалась неопишимо грязная, и я, автор статей, с трудом разбирал, по догадке и воспоминаниям, что напечатано. Несмотря на жалкий тираж, мы все время были под страхом, что придется сократить его еще больше. Мы знали, что Сытин, «Русские ведомости» и т. д., обладавшие огромными запасами ротационной бумаги, предусмотрительно законтрактовали все производство бумажных фабрик на большое время вперед. На рынке удавалось находить лишь ничтожное количество и очень скверной бумаги. А в это время буржуазные газеты пожирали целые горы бумаги. Несколько раз поднимался вопрос о разверстке наличного количества и будущего производства газетной бумаги, о нормировке тиража буржуазных газет на известном предельном уровне; но почти ничего не получилось от таких разговоров.

Еще тяжелее было положение «Социал-демократа», самые первые номера которого были встречены бешеным обстрелом всей буржуазной печати. С «Известиями», как органом Совета, — учреждения, наводящего тревогу даже неопределенностью своих политических притязаний и функций, все же приходилось считаться, тем более, что

за Советом стояли все три главные левые партии. Напротив, «Социал-демократ» был одинок и со всех сторон наталкивался на нескрываемую вражду. С ним можно было не церемониться, против него можно было поддерживать газеты эсеров и меньшевиков.

При всем внешнем спокойствии и выдержке В. Н. Подбельский, заведовавший хозяйственно-технической частью «Социал-демократа», был всегда озабочен. Несмотря на его настойчивость и энергию, для «Социал-демократа» с явным презрением отвели типографию, которая никак не могла выпускать более 40—50 тысяч экземпляров газеты небольшого формата. Мало того: постоянно требовали, чтобы «Социал-демократ» освободил и эту типографию, которая была нужна для какой-то другой, более «полезной» газеты. По временам ненависть к большевикам доходила до пароксизма¹. Тогда назначали короткий срок для выселения. Ответ был один: на улицу не выселимся, давайте другую типографию. Однажды даже назначили день, когда «Социал-демократ» будет выдворен принудительно. Редакция апеллировала к рабочим и заявила, что для защиты прав газеты на существование явятся две роты солдат. Это был довод серьезный, и противникам пришлось вернуться к прежнему душемотательному «честью просить». Никто не сомневался, что объединенные противники не упустили бы ни одного благоприятного для них случая

¹ С первых дней Февральской революции буржуазные газеты в Москве широко развернули клеветническую кампанию против большевиков и их газеты «Социал-демократ». Они поносили большевиков за то, что большевики сеют недоверие к Временному правительству, призывают пролетарские массы развивать и углублять революцию.

В связи с решительными выступлениями большевиков против продолжавшейся войны, разоблачением ее империалистического характера и при Временном правительстве буржуазные газеты называли большевиков немецкими агентами и т. д.

Буржуазная клевета против большевистской партии и ее местных организаций усилилась после возвращения в Россию из эмиграции В. И. Ленина и опубликования в «Правде», московском «Социал-демократе» и других большевистских газетах знаменитых Апрельских тезисов В. И. Ленина, содержащих научно обоснованный план перехода от революции буржуазно-демократической к революции социалистической.

Меньшевики и эсеры не только не протестовали против травли большевиков продажной буржуазной печатью, но и сами часто выступали с клеветническими статьями.

и, как только условия позволили бы им быть посмелее, фактически уничтожили бы «Социал-демократ». Издавайте, мол, газету, мы ничего против этого не имеем. И не наша вина, что для вас не находится типографий. Это гнусное лицемерие называется в буржуазном обществе «свободой печати».

Подбельский, Егоров, редакция, все товарищи поставили ребром вопрос о приобретении собственной типографии: много выхода тогда в сколько-нибудь близком будущем не предвиделось¹. Начались сборы. Они пошли хорошо. Сумма их считалась сначала десятками тысяч, а погом стала исчисляться сотнями тысяч. Сомневались, однако, что мы, идя таким путем, сколько-нибудь быстро и удовлетворительно решим типографский вопрос. Получить машины из-за границы было невозможно, а в России все сколько-нибудь сносное оборудование было захвачено капиталистической печатью.

Бумажный вопрос был для «Социал-демократа» еще тяжелее, чем вопрос типографский. Типография могла выпускать жалкое количество экземпляров газеты, выходявших притом до чрезвычайности поздно. Но и для такого количества бумаги не хватало. Приходилось еще больше сокращать тираж, чтобы отсрочить закрытие газеты из-за отсутствия бумаги. Но и так случалось, что газета не выходила по два-три дня вследствие недостатка бумаги². В такие дни в наших кругах все волновались: не выкурили ли газету из последней типографии? А наши противники не осбенно скрывали свою радость.

Несколько раз Г. С. Егоров и В. Н. Подбельский прибегали к героическим мерам. Узнав, что на каком-нибудь складе имеются запасы бумаги, придерживаемой явно со

¹ 25 марта 1917 г. в «Социал-демократе» было опубликовано обращение редакции «Ко всем рабочим», в котором сообщалось о трудностях издания большевистской газеты в Москве и содержался призыв развернуть сбор средств для создания фонда типографии РСДРП(б) в Москве. «Она может быть приобретена только на средства самих рабочих», — говорилось в обращении. С 25 марта редакция «Социал-демократа» открыла прием взносов в фонд типографии.

² Апрельские тезисы В. И. Ленина в «Правде» были опубликованы 7 апреля, а в «Социал-демократе» — 12 апреля. Опубликовать тезисы В. И. Ленина в московской большевистской газете раньше не представилось возможности, так как 9—11 апреля «Социал-демократ» не выходил за неимением бумаги.

спекулятивными целями, они, захватив с собой грузовики и товарищей — солдат, забирали бумагу и впоследствии рассчитывались за нее. Мы были такими отверженными и отпетыми и за нами числилось так много ужасных «эксцессов», что такие самочинные действия проходили в общем не отмеченными. К тому же «Известия» тоже были вынуждены время от времени добывать бумагу таким же способом.

И на мелочах оказывалось, что «Социал-демократ» был парией газетного мира. Разносчики всех газет пользовались правом ехать на передней площадке моторного вагона. Большинство трамвайных служащих и рабочих еще шло тогда за социалистами-революционерами. Осуществляя «свободу» печати, вагоновожатые и кондуктора попросту ссаживали газетчиков «Социал-демократа». И эсеры, которые теперь так пекутся о свободе печати для контрреволюции, тогда ни словом не обмолвились в своих газетах, ни единой строкой не протестовали против бесправного положения большевистской печати.

В «Известиях» я не мог прямо критиковать программу и тактику меньшевиков и эсеров. Но в довольно широких границах я мог развивать чисто большевистские воззрения и критиковать противников, не называя, какую партию я имею в виду. У нас было ничем не нарушаемое согласие с товарищами из Московского Комитета и Совета. Формально советскую, межфракционную газету они признавали фактически своей, большевистской газетой. Атмосфера полного товарищеского понимания удивительно повысила работоспособность.

Еще в марте был поставлен вопрос об особой комиссии, которая выработала бы аграрную платформу для Совета. Но уже в этом месяце я успел напечатать ряд статей, о которых Л. М. Хинчук, усмехаясь, отозвался, что они предрешили работы комиссии. Эти статьи, как и статьи по некоторым другим вопросам, напечатанные в «Известиях» за первые три месяца, впоследствии вышли отдельными книжками в нашем партийном издательстве.

Таким образом, у «Известий» в этот период существовал постоянный боевой союз с «Социал-демократом». Но наш общий тираж составлял какие-нибудь полтора ста — двести тысяч экземпляров. Что значило это по сравнению с полутора миллионами экземпляров «Русско-

го слова», не менее чем с миллионом остальных чисто буржуазных газет и с многими тысячами мелкобуржуазных, т. е. эсеровских и меньшевистских?

Чем дальше шло время, тем иступленнее становилась травля, развернувшаяся на страницах буржуазных газет и их подголосков против большевиков. Кампания превратилась в сознательно клеветническую. Заведомая ложь на миллионах листов каждый день пускалась в оборот среди публики. Не успевали мы выяснить одну выдумку, как ее сменяла очередная новая. Стены домов и заборов пестрели листками, которые рассказывали о резолюциях против нас, будто бы принятых на гарнизонных собраниях, которых в действительности никогда не было. Проносившиеся по улицам и площадям автомобили с нарядными дамами и франтоватыми офицерами разбрасывали и эти листки и многие другие с погромным науськиванием на большевиков.

Запасы бумаги и типографские средства у этих господ были положительно безграничны и неистощимы. Что мы могли сделать против этого похода лжи и клеветы с нашими газетами при их крошечных тиражах и при отсутствии средств, бумаги и типографий для листовок и брошюр?

Уже в марте, до всех историй с «запломбированными вагонами»¹, развернулась эта дикая травля. П. Н. Мальянович по доброте сердечной воображал, будто многое проистекает просто от недостатков правильного взаимосодействия. Он решил помочь этому горю.

Когда я был на заседании исполнительного органа Совета (конституция последнего несколько раз изменялась, и я не знаю, как назывался в данное время исполнительный орган), Л. М. Хинчук сообщил мне, что внизу собираются представители всех периодических изданий Москвы, чтобы договориться между собой, и что я дол-

¹ Временное правительство и правительства Англии и Франции оказывали сильное противодействие возвращению В. И. Ленина и других эмигрантов-интернационалистов в Россию. После возвращения В. И. Ленина в Петроград 3(16) апреля 1917 г. буржуазная печать развернула клеветническую кампанию против вождя большевистской партии, используя в этих целях проезд В. И. Ленина и других эмигрантов в Россию через территорию Германии. Тогда-то и была выдумана буржуазными писателями история о «запломбированных вагонах», о «немецких агентах».

жен принять участие в совещании как представитель «Известий».

Для меня было ясно, что источник лжи и клеветы — не плохая информация, а ловкая и довольно привычная политика наших противников. Так как шло заседание, то я торопливо и шепотом спросил Хинчука: «Я не буду с ними церемониться. Прямо скажу, кто такое они». Хинчук, занятый ведением собрания, как потом выяснилось, не понял меня и утвердительно кивнул головой. А я после этого полагал, что получил вполне определенную директиву.

Спустившись вниз, я увидел, что представители почти всех московских газет уже в сборе. Председательствовавший П. Н. Малянтович открыл собрание изложением его задач: наладить взаимное осведомление и хотя бы некоторое взаимное понимание, чтобы предотвратить дальнейшее падение литературных нравов.

У меня было несколько иное представление о литературных нравах этих господ. Взяв слово после П. Н. Малянтовича, я заявил, что не верю в плодотворность подобных совещаний. С этой публикой нельзя договариваться, напрасно думают, будто они преподносят свои измышленные сообщения по незнанию. Здесь идет борьба, и мы будем вести ее. Мы счастливы, что революция развязала нам руки, и на каждый удар мы будем отвечать ударом.

Трудно описать, что здесь поднялось. Все повскакало со своих мест, начались истерические выкрики, набрасывались на бедного Малянтовича за то, что он разом не осадил меня, хотя, признаюсь, при моем тогдашнем настроении это было бы нелегко. Даже благочестивый Минор утратил свой иконописный вид. Я достиг блестящего результата — против меня все объединились, за исключением представителя «Социал-демократа» (помнится, это был Н. Н. Овсянников), который, заявив, что и он не видит возможности прийти к взаимному пониманию, вместе со мной оставил собравшихся.

Совещание было расстроено, точнее говоря, разбежалось: до такого бского каления были доведены участники.

В ближайшие дни буржуазная пресса вела себя как будто приличнее. Но вскоре все пошло по-старому, а потом, в особенности с начала тупых выступлений жал-

кого Алексинского¹, все предыдущее было оставлено далеко позади.

Конечно, меньшевики и эсеры привлекли меня к ответу в исполнительном органе Совета. Я изложил недоразумение, которое получилось с Хинчуком, и рассказал, что произошло на совещании. Большевики, находя, что я «заблуждался» добросовестно, не нарушил никаких директив и явился на совещание никем не осведомленный о его задачах, предложили с этим вопросом покончить и перейти к очередным делам. Сами по себе, по существу, они признавали, что канителиться на таком совещании, какое было у нас, действительно не стоило. Но меньшевики и эсеры, которые терпели меня в качестве главного редактора «Известий» только в силу горькой необходимости, только потому, что заменить меня было некем, предложили выразить мне порицание. Предложение о переходе к очередным делам было принято только восемью голосами против семи.

Законопаченный в «Известия», сидя в них почти безвыходно, я не знал, что к этому времени из нашей большевистской организации вышли Совков, Гальперин и некоторые другие. Поэтому на меня произвело большое впечатление, когда я увидел, что они голосовали за порицание мне. Если партийные товарищи высказываются против моих действий как главного редактора «Известий», то, значит, я оторвался от партии и мне надо уйти, цenia деликатность тех товарищей, которые, очевидно, просто щадя меня, не присоединились к выразившим мне порицание. Я заявил об отставке. Меня убедили остаться. Я был удовлетворен, убедившись, что Московский Комитет далек от того, чтобы порицать мое бурное выступление. Скорее, напротив.

Уже позднее я узнал, что те из голосовавших против меня, которых я принял за большевиков, в действительности были уже объединенцами².

¹ Г. А. Алексинский — в начале своей политической деятельности — социал-демократ. В годы реакции — отзовист. В годы первой мировой войны — социал-шовинист, сотрудник ряда буржуазных газет. В июле 1917 г. выступил в печати с клеветническими заявлениями против В. И. Ленина и большевиков.

² Объединенцы — члены объединенной организации РСДРП, существовавшей в Москве в 1917 г. По всем основным вопросам революции объединенцы занимали позицию, близкую к меньшевикам. Объединенная организация в Москве распалась после победы Октябрьской революции.

Положение обострилось. Развязность клеветников все возрастала. Преподносились бесчисленные «документы». Да они были, впрочем, излишни: стоило ли еще доказывать, что мы агенты Гогенцоллернов? Большевикам и рабочим этого никак не докажешь, а остальные «знали» и без каких бы то ни было доказательств.

Газеты эсеров поддерживали низкие выпалы буржуазной печати, меньшевики в лучшем случае молчали.

Вынужденные соблюдать внешнюю видимость абсолютной «внефракционности», «Известия» не могли прямо вступить в бой с нашими противниками. Но мне очень хотелось сказать, что революция только что начинается и что она еще может найти совершенно другой язык. Это я постарался выразить своими статьями о Марате, которые стали печататься в апреле и впоследствии вышли брошюрой.

Я скоро убедился, что статьи дошли по адресу и были поняты. А когда с приездом Ильича разразился небывалый до того времени визг и вой, я в ближайших номерах «Известий» закончил статьи и показал, что буржуазия всегда стремилась уничтожить истинных революционеров и передовых борцов эксплуатируемых классов, уверяя, будто они агенты заграницы. В вас нет благодушия, но и рабочий класс еще перестанет благодушничать с вами.

Непосредственным результатом для меня было то, что Кибрик все чаще стал появляться в редакции и все чаще выражал огорчение по тому поводу, что не может целиком отдаться редакционной работе. Я знал, что ищут заместителя, который был бы больше литератором, чем Кибрик, следовательно, мог бы больше писать и «соопределять» физиономию «Известий». А тут я еще начал серию статей, которые потом вышли в партийном издательстве под названием «Кто богатеет и кто разоряется от войны» и в которых показал, что Временное правительство продолжает военную и финансовую политику самодержавия. Кибрик и меньшевики в Исполкоме, не рискуя отрицать, что общая точка зрения этих статей правильная, говорили, что они «однобоко» выражают воззрение Совета, и требовали статей в защиту «займа свободы». Я отвечал, что не могу защищать то, что отвергаю. У меня складывалось впечатление, что отношение московских меньшевиков к займу несколько хму-

рое, и они, не представляя, как можно было бы пропагандировать его, предпочли сделать это чужим пером. Так и вышло, что в «Известиях» были помещены официальные объявления о займе, но ни одной статьи в его защиту.

К маю удалось привлечь нескольких товарищей к постоянному участию в «Известиях» и к заведованию отделами редакции. Большевики, которые с самого начала бросили много сил на работу в Советах, не щадили сил для того, чтобы надлежащим образом поставить «Известия».

У меньшевиков нередко обнаруживалась некоторая робость перед Советами. В период ликвидаторства они выдвинули идею «широкой рабочей партии», идею организации «сермяжных масс». Теперь перед ними была форма, наилучшим образом приспособленная к тому, чтобы втянуть самые широкие массы в революционную борьбу. Казалось бы, только радоваться. Но вместо того меньшевики, приставленные для надзора за моей деятельностью в «Известиях», в разговорах со мной не раз выражали тревогу, опасения за судьбу своей партии: что станет с нею и к чему она вообще, если Советы делаются фокусом, в котором сосредоточивается политическая борьба? Не угрожает ли партиям растворение в массе и утрата всякой политической определенности? Не окажется ли социал-демократия на поводу у социалистов-революционеров, вся идеология которых приспособлена к построениям мелкобуржуазных и полупролетарских слоев, которые через солдатскую массу приобретают господство в Советах? И не придется ли социал-демократии в Советах равняться по социалистам-революционерам, так как иначе не получилось бы устойчивого большинства и Советы были бы осуждены на полное бессилие? И чем дальше, тем чаще меньшевики жаловались, что социалисты-революционеры на фабриках и заводах начинают забивать социал-демократию, как потом оказалось, меньшевистскую социал-демократию.

Они исходили из невысказываемого предположения, что революция уже произвела весь социальный сдвиг, какой была способна произвести в данный исторический момент. Им казалось, что остается только чисто парламентскими способами закрепить этот сдвиг и, строго держась в рамках программы-минимум, сделать из него не-

которые законодательные выводы. Им чужда была мысль, что Советы могут превратиться в орудие дальнейшего развития революции. Они не подозревали, что последовательно революционная партия использует Советы и складывающийся в них блок соглашательских элементов для революционной критики всякой половинчатости и соглашательства. Но предчувствие того, что произошло впоследствии, у них во всяком случае было. Поэтому, предостерегая от грядущего засилья эсеров, фактически они уже в то время боялись в первую очередь большевиков. Выступления последних уже успели отравить радость меньшевиков, что наконец-то они дожили до широкой рабочей организации.

На 1-й Московской городской партийной конференции, где я был докладчиком по нескольким пунктам порядка дня, я указал на это кажущееся противоречие. Меньшевики, томившиеся в свое время по растворению в широкой массе, испугались этой массы, когда она выступила на сцену, и нехотя, скупно отдавали свои силы обслуживанию Советов, помышляя о том, как бы сузить их функции и уйти целиком на обслуживание своей тесной организации. Напротив, мы, «узкие партийцы», имеющие против себя подавляющее большинство, оказались патриотами Советов, последовательно и стойко отражающими все покушения на них со стороны буржуазии.

Возвращаюсь к «Известиям». Итак, нам удалось привлечь к газете достаточные литературные силы. Все мы быстро сработались между собой, и все соглашались, что это чрезвычайно ценная позиция и что ради сохранения ее за собой можно отказаться от внешней видимости «фракционности». Московский Комитет не требовал от нас печатания большевистских заявлений, — иногда мы отклоняли печатание даже большевистских сообщений и объявлений о собраниях, съездах, принятых резолюциях, и т. д. Но делали это только затем, чтобы не печатать соответствующих объявлений меньшевиков и эсеров и не воспроизводить всяких резолюций, прошений, выносимых будущими объединенцами, которые в период организации предавались мечтаниям о том, чтобы разбить нашу организацию и перетянуть из нее большинство членов. Недаром многие из них сначала выступали как большевики, желавшие направить свою партию на путь истинный.

Но уже ясно было, что советское большинство¹ готовится принять против нас серьезные меры. Межфракционные отношения в Петербурге, а затем и в Москве все более обострялись. Меньшевики и эсеры все чаще поднимали в московском Исполкоме вопрос о положении «Известий» и все настойчивее требовали от меня статей, которых я не мог писать. Исув² с мрачной решительностью заявлял, что меньшевики и эсеры должны дать действительных редакторов. А некоторые из эсеров ставили вопрос с великой упрощенностью. Так как все не находилось редакторов, которых можно было бы послать для моего обуздания, то ставился вопрос о превращении «Известий» Московского Совета рабочих депутатов из политической газеты в информационный листок, причем рекомендовали тип петербургских «Известий». Большевики насмешливо отвечали, что не видят оснований карать Совет за недостаток литературных сил у других фракций.

Наконец эсеры отыскивали усердного редактора. Сначала они предполагали Гельфготта. Но при яркости его оборонческой физиономии и при большой примитивности его самого правого соглашательства введение его в редакцию «Известий» было бы мало замаскированным способом их уничтожения. Поэтому от его кандидатуры эсеры воздержались, а провели Л. М. Арманд³.

До того времени она работала исключительно в области кооперации по части народных домов и прочей кооперативной культуры. Сомневаюсь, чтобы даже среди эсеров было много таких совершенно неполитических голов, как была у нее. Но партия приказала ей быть редактором политической газеты, и она послушно каждый день аккуратно приходила в редакцию.

Первым делом она, лично всегда производившая на меня впечатление удивительно милого и искреннего человека, что не помешало мне искреннейшим образом возненавидеть ее, как моего палача-цензора, заявила о своем неодобрении общему курсу, усвоенному газетой,

¹ Меньшевикско-эсеровское большинство в Совете.

² И. А. Исув (1878—1920) — меньшевик. В 1917 г. был членом Московского комитета меньшевиков и Исполкома Московского Совета рабочих депутатов.

³ Л. М. Арманд — эсерка, некоторое время была соредактором «Известий Московского Совета».

и с особым порицанием отметила статьи о Марате, так как они, по ее убеждению, способны пробудить в массах дурные инстинкты.

Раз партия делегировала ее для активной работы, то она стала приносить статьи. Тема их была одна и та же: о пользе народных домов, о вреде ханжи и политуры, в особенности в такой политической момент, когда и т. д. Статьи были очень хорошие, красноречивые и настолько убедительные и бесспорные по содержанию, что, как я признавался товарищам, после их прочтения неожиданно ощущал ужасную тягу именно к ханже и политуре.

Я пустил в газете несколько таких статей, внутренне оправдываясь тем соображением, что их действие на злых большевиков несколько не убедительно, так как они предназначены для добрых мальчиков с эсеровской психикой. А когда за этими статьями от нее же поползли новые статьи такого же «высокого» политического содержания и я отказался от их напечатания, мне настоятельно было указано, что в таком случае следует перепечатать превосходные статьи и воззвания по тому же предмету из петербургских «Известий».

Раза два приносились статьи других авторов о войне, «займе свободы» и т. д. К счастью, они были таковы, что мне было легко разнести их и отказаться от их напечатания.

Так мы пришли к тому положению, что Л. М. Арманд фактически превратилась в цензора надо мной. Она стала приходить в редакцию исключительно с той целью, чтобы прочитать мои статьи перед отправкой их в типографию. Ну, и тут мне приходилось до последней возможности напрягать самообладание, чтобы удержаться от бурного взрыва. Я стал относиться к Л. М. Арманд, как вообще относятся к цензорам. Когда мне инкриминировалась известная фраза и предлагалось ее вычеркнуть или редактировать, я злорадно предлагал редакцию, внешне близкую к предложенной мне, но в действительности только усиливающую мою мысль в общем контексте. И я не один раз с мстительным торжеством убеждался, какой милый, хороший, симпатичный человек эта Л. М. Арманд, какая у нее неполитическая голова: она простодушно соглашалась на мою новую формулировку.

Кибрик в подобных случаях понимал мои фокусы. Но он обычно молчал, так как, взвалив на меня всю редак-

ционную работу, считал себя не в праве без меры осложнять ее исключительно цензорскими вторжениями. Тем не менее он все чаще появлялся в редакции, и вид у него становился все озабоченнее. Видимо, его фракция требовала усиления надзора за «Известиями». Большевики все чаще говорили мне, что они скоро найдут преемника Кибрику и этот преемник будет настоящим редактором и усердным сотрудником «Известий». Это звучало для меня как угроза.

Я сообщил Хинчуку, насколько душемотательной стала работа в «Известиях» под цензурой Арманд и при ее сотрудничестве. Сначала она перестала доставлять свои антиалкогольные статьи, а под конец и являться в редакцию. Но зато в редакцию зачастил Кибрик. Видно, он тяготился своими цензорскими обязанностями, но, подчиняясь своей партийной дисциплине, нес их. Писать становилось все труднее, наше дальнейшее пребывание в газете явно утрачивало смысл и значение.

Наконец разразилось, и разразилось по сравнительно мелкому поводу. Керенский, политически очень немудрящий человек, к тому же совершенно не разбирающийся в финляндских отношениях, в половине мая выступил с грубым окриком по адресу финляндских социал-демократов и угрожаяще напомнил, что в Финляндии имеются крупные русские вооруженные силы.

Я написал статью, в которой в самых мягких парламентских выражениях отметил недопустимую провокационность такого выступления, если оно имело место, и высказывал мнение, что Советы должны потребовать от Керенского объяснений по этому поводу. Кибрик явным образом огорчился самой темой статьи, но соглашался на ее напечатание, если бы я добавил слова: «И мы надеемся, что он, как заявил тов. Церетели¹, сумеет дать удовлетворительные объяснения». Укреплять веру в Керенского верой в Церетели было для меня слишком уж много. Кибрик, возможно, получивший головомойку от своей фракции за недостаточно строгую цензуру, настаивал на своем. Я спустился вниз и заявил Хинчуку, что требую отставки. Конечно, товарищи, указавшие мне, что я должен был предварительно испросить разрешения на такой шаг у МК, формально были

¹ И. Церетели — лидер меньшевиков.

вполне правы. Но, во-первых, цензура последних недель довела меня до белого каления, а во-вторых, положение складывалось слишком ясное. Когда через несколько дней в МК по моей просьбе поставили вопрос об «Известиях», то единодушно признали, что история с ними — одно из проявлений той обостренности в отношениях к большевикам, которая усиливается во всех Советах, в том числе и в Московском. Единогласно же признали, что, потребовав отставки, я поступил правильно, что следует отказаться от назначения заместителя мне в «Известия», предоставив меньшевикам и эсерам составлять редакцию как им вздумается и вместе с тем снять с себя всякую ответственность за направление газеты. 26 мая вышел последний номер «Известий», подготовленный при моем участии.

В противоположность Петербургскому Совету, Московский Совет никогда не доходил до дикой травли большевиков и не объявлял их вне закона. Он всегда остерегался полного и бесповоротного разрыва с ними. И в данном случае меньшевистско-эсеровское большинство не рискнуло превратить «Известия» в газету по своему образу и подобию. Не знаю, что сыграло здесь большую роль: осторожная тактика Хинчука или просто недостаток литераторов, которые сумели бы справиться с газетой. Во всяком случае, на мое место был назначен не меньшевик, не эсер, а объединенец В. П. Волгин, вполне определенный интернационалист, который, конечно, расходился с большевиками в вопросах тактики, но относился к ним более или менее спокойно и беспристрастно. Так как Волгин был не большевик, то он по временам мог позволить себе выступления против все дальше развертывающегося похода буржуазии на большевиков, не гнушавшейся самыми низкими приемами лжи и использованием даже таких грязных рук, как руки Алексинского. Меньшевики и эсеры были недовольны и той газетой, какой она стала при Волгине. Но его вынуждены были терпеть, так как иначе пришлось бы признать, что «Известия» превращаются в чисто фракционную газету. А читатели и без того уже были насыщены газетами меньшевиков и эсеров. К нему не приставили даже цензоров. Фактически Волгин был единоличным редактором.

Больше всего колебалось его положение, когда «Социал-демократ» одобрительно цитировал «Известия».

Волгин стороной просил по возможности не делать этого.

Погромная агитация против большевиков разворачивалась все шире. «Митинги» на улицах не прекращались даже ночью. Наиболее черносотенная агитация велась у памятника Пушкину в начале Тверского бульвара и у памятника Скобелеву, т. е. против самого здания Совета.

Часов с четырех вечера на этих пунктах уже собирались маленькие кучки, которые ждали, когда придет какой-нибудь оратор. Ждать приходилось недолго. На пьедестал взбирался какой-нибудь офицер, который неизменно заявлял, что он только что с фронта. Некоторые из них действительно были на фронте и, быть может, провели на фронтах уже много месяцев. Они были измучены еще в романовские времена, еще тогда пережили все муки этой подлой войны, затеянной и направленной мерзавцами и бездарностями. В особенности тяжелое впечатление производили офицеры, которые были ранены и, видимо, мучились над вопросом, ради чего перенесли они все эти страдания. В их голосе с самого начала звучала истерика, и все их речи были сплошной истерикой. Им мучительно было признать, что их молодые жизни искалечены понапрасну и что после февральского переворота смысла в войне не сделалось больше, чем было до него. Они, по большей части мелкобуржуазные интеллигенты и патриоты, беспомощно плелись за Керенским, за Гучковым, за Милюковым и хотели уверить себя и других, что только злокозненные большевики своей агитацией, своей беспощадной критикой мешают быстрому и счастливому завершению войны, которое придаст ей смысл и оправдание.

Но гораздо чаще появлялись другие фигуры: свеженькие, чистенькие, в мундирах с иголочки. Это были штабные адъютантки, «земгусары», окопавшиеся в тылу. Тем не менее и они, рекомендуясь публике, заявляли, что сию секунду приехали с фронта и через минуту опять едут на фронт. И, разумеется, они «приносили» самые грозные вести с фронта. «Довольно безответственной агитации! Фронт ждет снарядов и пополнений. Если вы сами не уймете смутьянов, фронт вышлет сюда силы, которые положат конец бесчинствам и безделью в тылу», — шумели они.

Еще чаще появлялись «самые настоящие» матросы и солдаты из тех, кого настроил Колчак и другие. Они

уже прямо угрожали погромом. К счастью, бывали случаи, когда товарищи узнавали в этих бравых солдатах и матросах помощников присяжных поверенных. Да и речи их нередко были совсем не матросско-солдатские.

Здесь же выступали и штатские: адвокаты, приказчики и конторщики, представители «третьего элемента», литературы. Фигуры, которые я замечал в былые времена в черносотенных демонстрациях, составили с сотрудниками из «Утра России» и «Русских ведомостей» единую фалангу «войны до победного конца».

Содержание агитации было очень скудно и однообразно: доблестная Бельгия, республиканская Франция, широкие освободительные стремления Вильсона, который, как заявил Керенский, воодушевлен такими же идеями, которые разделяем и мы, прусский милитаризм, неуклонно идущая за милитаристами германская социал-демократия, бессилие и одиночество Карла Либкнехта, наше право и обязанность защищать завоевания революции.

Но это были только украшения. А самое простое и убедительное соображение было одно: большевики — агенты Гогенцоллернов, как германская социал-демократия во все времена была их вассалом, коварно подготовившим благоприятные условия для германского наступления. Марксизм был просто орудием для Гогенцоллернов, так как он борьбу с войной возлагал на других, а себе оставил «приятие войны». Все доводы резюмировались в двух словах «запломбированные вагоны».

В эти недели холоп международной буржуазии Алексинский дошел до такой низости в своей подлой, будто бы «документально» скрепляемой травле, что закрытие перед ним дверей даже II Интернационала, совершившееся тремя годами позже, явилось неизбежным. У него хватило наглости явиться со своим тогдашним единомышленником Иорданским в Московский Совет и попытаться произнести с балкона речь к разношерстной толпе, почти всегда стоявшей около памятника Скобелеву. П. Г. Смидович преспокойно взял его за плечи и «вежливенько», «честью» толкнул внутрь здания. Кампания Алексинского велась такими грязными способами, что в Московском Совете, несмотря на громадный перевес эсеров и меньшевиков, не нашлось защитников свободы его слова и неприкосновенности его пакостной личности.

Неопытные товарищи пытались выступать на уличных митингах с возражениями, но дело оканчивалось с первых же фраз. «Большевик! Агент Германии! Кто такой? Есть ли у него документы? Позвать милицию! В комиссариат!» Забирали и вели. Комиссарами милиции были большей частью присяжные поверенные и их помощники, которые еще во время войны потеряли все заработки: количество «хлебных» гражданских дел резко сократилось, даже крупнейшие адвокаты оказались на положении безработных и существовали займами и сбережениями от прошлого. Уже с 1915 г. они устремились в Земский и Городской союзы, в «Северопомощь» и военно-промышленные комитеты, вообще нашли заработок в различных формах обслуживания войны. Публика вообще «патриотическая», тесно связанная по своим профессиональным делам с буржуазией новыми заработками, они были еще больше укреплены в своем «патриотизме».

Присяжный поверенный А. М. Никитин, меньшевик-оборонец, с первых дней марта сделался московским «градоначальником».

Во главе милиции Никитин с самого начала ставил преимущественно своих товарищей по профессии, которые еще не нашли новых заработков и которым угрожало сокращение работы вследствие вероятного ограничения «земгусарского» и «военно-промышленного» размаха. Конечно, в действиях и словах большевиков, притаскиваемых с уличных митингов в участки, даже эти «патриотически» настроенные комиссары не находили ничего уголовного. Тем не менее составляли протоколы, задерживали на несколько часов, иногда на сутки-другие и затем отпускали, пообещав привлечение к судебной ответственности.

Рабочие появлялись на уличных митингах только к вечеру — в 7—8 часов, но, измученные, истощенные и продовольственным положением и сверхурочными работами, уходили уже в 10—11 часов. Это была демократическая, равная для всех свобода собраний. На уличных митингах господствовала досужая публика, обыватели, которые причисляли себя к эсерам и меньшевикам только для того, чтобы не числиться кадетами или октябристами: это было бы слишком уж недемократично. Настроение солдат, обрабатываемых партией «Земли и

воли»¹, еще не обнажившейся как партия «земли и пули», еще не успело определиться.

В три- в четыре часа ночи речи еще продолжались. Здесь оставалась уже исключительно «чистая публика», которая могла спать до полудня и дольше. Клеветнические выкрики возвышались до визга.

К. П. Новицкий, тогда еще меньшевик, хотя организационно уже порвавший со всеми фракциями меньшевизма, иногда не выдерживал. Возвращаясь из «Известий» часа в четыре ночи, он один раз услышал, как распоясался один профессор из «Русских ведомостей», уверенный, что в такое время можно не избегать прямой и сознательной лжи. Новицкий взял слово и в негодующих выражениях заклеил выступления развязного профессора. К его изумлению, большинство оказалось на его стороне.

Тяжелый, медленный, но сдвиг совершался. Наши противники помогали нам своей глупостью и своей беззащитностью.

Под прикрытием меньшевиков и эсеров укреплялись кадеты и гучковцы, которые уже до неразличимости сливались с недавними черносотенцами. Позднейшие «корниловские дни» подготавливались уже на митингах у памятников Пушкину и Скобелеву.

Вожди эсеров шли по дорожке, проторенной Алексинским. Тов. Емельян Ярославский несколько раз открытым письмом в «Социал-демократе» спрашивал у редактора эсеровских газет, вскоре председателя городской думы, правда ли, что на одном из собраний он повторил все гнусные измышления буржуазии против большевиков. Минор оставил без ответа все эти вопросы и таким образом подтвердил свою политическую неразборчивость и небрезгливость.

А в это самое время секретарь Брешко-Брешковской² раскрыл, что она обращалась к американским миллиардерам за пособием на свою милитаристскую агитацию и получила более миллиона долларов. На наши неоднократные устные и печатные запросы, правда ли это, отве-

¹ Партия эсеров.

² Е. К. Брешко-Брешковская (1844—1934) — одна из организаторов партии эсеров, яростная противница большевиков. После Октябрьской революции эмигрировала в США, где стала выступать как враг Советской власти.

та мы не получили. Очевидно, для эсеров это были кристально-чистые источники: Брешко-Брешковская признавала в войне такие же цели, как Керенский, а Керенский заявил в Исполкоме Московского Совета, что он несколько не расходится с Вильсоном, приказчиком американских миллиардеров.

Когда вышла первая часть воспоминаний Шляпникова, я, все время близко стоявший к московским и центральным делам большевистской партии, с величайшей живостью вспомнил, в каком положении находилась наша партия, получавшая, как писали о том всевозможные клеветники, «субсидии от Германии» во время войны и в первые месяцы революции, вплоть до октябрьского переворота. Составляя воззвания и резолюции, мы, авторы их, должны были в порядке «самообложения» добывать 20—30 рублей, чтобы оплатить их переписку на машинке. У нас не находилось сотни-другой рублей, чтобы попытаться создать газету, применительную к военнцензурным условиям. Товарищи, отправлявшиеся в Петербург, чтобы завязать сношения с Центром, должны были сами покрывать все путевые издержки.

Мы едва нашли средства, чтобы начать издание «Социал-демократа». В апреле, добыв бумагу в кредит, сумели издать базельский манифест и циммервальдское и кинтальское воззвания. Только в мае — июне мы нашли средства на издание нескольких брошюр. Авторы и переводчики или ничего не получали, или слегка оплачивались уже из выручки по распродаже изданий. И. Н. Смирнов, только добившись маленького кредита от своих личных знакомых, сумел поставить магазин «Волна» на Арбате и таким же способом уже к зиме поставил книгоиздательство под таким же названием. Предвыборную кампанию в городскую думу (конец июня) пришлось вести положительно на гроши.

А в это самое время наши противники, пользуясь средствами Земгора, непосредственно государственными ресурсами и отчасти уже деньгами «союзнической» буржуазии (Брешко-Брешковская!), все шире разворачивали свою пахучую агитацию в тылу и на фронте. Казалось, нас должны были бы раздавить.

Приближались июльские дни. Отношения все более обострялись. Обе стороны чувствовали, что столкновение неминуемо.

Популярность Керенского среди обывательских масс достигла зенита. Но Керенский пользовался исключительной популярностью как виднейший представитель эсеров, а эсеры светили отраженным светом, падавшим на них от Керенского. Их платформа — это был Керенский, и ничего больше.

Эсеры назначили всероссийский сбор на нужды своей партии. С финансовой точки зрения, при той поддержке, которую они получали от американских миллиардеров, и при довольно широком использовании государственных ресурсов это было более или менее излишне. Главное заключалось не в усилении денежных средств, а в агитации за партию.

Знаменательно, что сборщики, стоявшие на углах улиц и проходившие по вагонам трамваев и поездов, чаще всего приглашали жертвовать «на партию Керенского». Их партия потеряла даже свое название. Понятно, что, потеряв Керенского, она потеряла все.

В июне отношения сделались ясными. Керенский, это — подчинение целям «наших доблестных союзников», это — продолжение войны в единении с союзнической буржуазией, это прежде всего — немедленное наступление.

Последнее преследовало не только стратегические, но и внутренние политические задачи. Оно началось в те самые дни (17—18 июня), когда, согласно молве, должны были выступить большевики. Оно должно было в победоносном порыве не только отбросить неприятельские армии и приостановить переброску германских армий на французско-бельгийский фронт, но и затопить нас (большевиков. — *Ред.*) в бурном патриотическом потоке, который ожидался следом за известиями о блестящих победах на нашем фронте.

Летом 1920 г. во время поездки по Западному фронту я встретил несколько красноармейцев, которым пришлось принять участие в «наступлении Керенского». Трудно представить себе более преступную авантюру. Артиллерийская подготовка была настолько ничтожная, что солдаты, лишь оставив горы товарищей на проволочных заграждениях, могли двигаться дальше. Первые успехи, которые поторопились ознаменовать патриотическими манифестациями, стоили колоссальных жертв и неизбежно в ближайшие же дни сменились полным разгромом.

В эти дни я вошел в редакцию «Социал-демократа». Наша оборона всегда оставалась «активной обороной». И в данном случае мы с самого начала назвали наступление Керенского кровавой авантюрой и отречением революции от принципов, провозглашавшихся меньшевиками и эсерами и служивших им для одурачивания масс.

В Москве никто из нас не хотел выступления. Товарищи из МК в высшей степени трезво оценивали положение. Впоследствии мы узнали, что петербургские товарищи тоже считали его преждевременным. Не мы начали его, — оно началось. Конечно, своей агитацией мы подготовили для него психологическую основу. С другой стороны, нашим противникам очень хотелось загнать нас в подполье. Неудачу своего наступления на фронте они постарались повернуть против нас. «Легионы смерги», «ударные батальоны», «колчаковские матросы», корниловские казаки, юнкера, офицеры, в небывалом количестве появившиеся в тылу, николаевские жандармы, переполнившие контрразведочные учреждения и по самой своей природе больше всего интересовавшиеся разысканием «внутреннего врага», — вся эта толпа жаждала решительных действий, которые устранили бы большевиков, единственную помеху укреплению господства собственников, прикрытого соглашателями. Кто здесь «начал» — вопрос второстепенный. «Началось» потому, что должно было начаться.

Погром, разразившийся в Питере и коснувшийся даже М. Горького (ему тоже временно пришлось скрываться!), не распространился на Москву. Некоторые товарищи, как всегда бывает в таких случаях, может быть, излишне нервничали. Кажется, числа пятого июля около четырех часов вечера несколько товарищей прибежали в бывшее Капцовское училище, где тогда ютились и редакция «Социал-демократа» и МК, и сообщили, что обработанная толпа погромщиков от памятников Пушкину и Скобелеву сейчас придет сюда. Мы немедленно привели себя в «осадное положение»: оставили в помещении только мужчин, учли вооружение, — два-три дрянных револьвера, — начали звонить по телефону в дружественные нам воинские части.

Погромщики не являлись. Я добился у товарищей разрешения прогуляться к погромщикам. У памятника Скобелеву стояла большая толпа. Здесь «работали» ста-

рые офицеры и чиновники. Злобно указывали на здание Совета. Обрушивались на эсеров и меньшевиков, которые, не изгнав нас из Советов, прикрывают, таким образом, германских агентов. Особенно выделялся один запальчивый старичок. Когда какой-то солдатик стал ему возражать, старичок накинулся на него: «Ты еще молод, а потому помолчи». Я пустил по его адресу ядовитую насмешку. Старичок вскипел и потерял голову: «Я столько-то лет верой и правдой служил царю и отечеству!» Разразившийся вокруг заразительный хохот показал мне, что старичок проиграл дело. Он конфузливо покинул место сражения. «Погромщики» были нисколько не страшны. Я ушел только после того, как один господин из «Раннего утра» стал громко приставать ко мне с провокационными вопросами о моей недавней редакторской деятельности в «Известиях». Во всяком случае, у меня сложилось вполне определенное убеждение: если бы в этой толпе дело дошло до свалки, то еще неизвестно, кто вышел бы победителем. Скорее всего, мы.

Возвратившись в Капцовку, я узнал, что в 6—7 часов к зданию Совета придут «наши» воинские части и мы должны будем говорить перед ними. Отправились. Стали ждать. Вот подходит небольшой отряд. Нет, не наши. Идет во двор Совета для охраны перетрусивших эсеров и меньшевиков. Ждем долго, упорно. Вот команда самокатчиков, верно, не менее сотни. Спрыгивают с велосипедов и выстраиваются перед Советом. Оттуда выходит член солдатского президиума, эсер, и отводит их во двор Совета, опять-таки для его охраны. Я вспомнил 1905 г., конец ноября или начало декабря, когда наши представители, допущенные в здание городской думы, заявили, что сейчас на площадь придет революционный полк. Тогда никто не пришел.

Так и в июле 1917 г., через двенадцать лет, мы все еще ждали, что придут революционные полки. И опять товарищи ошиблись в оценке темпа движения. И на этот раз мы ждали тщетно. Когда стало смеркаться, оставили площадь со щемящей думой: что-то делается в Петербурге? Не предает ли Москва Красный Петербург своей неподвижностью?

Но в оценке направления движения товарищи не ошиблись. Полки, охваченные революцией, пришли к нам — не в 1905, а в 1917 г., и не в июле, а в октябре...

В июле Керенский закрывал одну большевистскую газету за другой: «Солдатскую правду», «Окопную правду» и т. д. Трудно припомнить все названия, которые приходилось принимать этим газетам при попытках возобновления издания. С июля усиленные гонения обрушились на питерскую «Правду», наш центральный орган. Я не знаю ни одного случая, когда меньшевики и эсеры выступили бы с открытым протестом против этих систематических нарушений «демократических свобод». Они спохватились после октябрьского переворота, когда свободы были отобраны у контрреволюционной печати.

В июле и в Москву пришло распоряжение Керенского закрыть «Социал-демократ». Оно не было выполнено. Но мы знали, что бумажку во всякий момент могут вынуть из-под сукна. Мы все чаще подумывали о том, что нам, быть может, придется на некоторое время уйти в подполье. Я неоднократно говорил с В. Н. Подбельским на ту тему, что, пожалуй, не мешало бы запастись техникой на такой случай.

Выборы в городскую думу, состоявшиеся в конце июня, прошли под впечатлением июньской авантюры на фронте. Против нас все выступали единым фронтом. Наши листки и плакаты немедленно заклеивались или просто срывались. В день выборов, пройдя от Каланчевской площади до Совета, я не нашел ни одного уцелевшего плаката № 5 (под этим номером шел наш список). От них оставались только клочки. Врачи, адвокаты, учителя, торговые служащие, почтово-телеграфные чиновники, печатники и т. д. — все они были против нас. Везде красовались приглашения голосовать за список № 3 (эсеров), с расточительным изобилием вели расклейку кадеты — денег у них было много: еще в 1920 г. я находил на некоторых стенах обрывки их плакатов. Очень много было распространено списка № 4 (меньшевиков), сильно работали народные социалисты. И все они не трогали плакатов друг друга. А вот наши уничтожали общими силами, если же нельзя было уничтожить, то фальсифицировали: цифру пять переправляли на три и т. д. Красно-речивее всего был один листок: «Граждане! Не голосуйте за список № 5 — это большевики!!!» В нем ярче всего выразилось «священное единение» против большевиков.

Эсеры получили 58% общего количества поданных голосов, этой победы все ожидали. Кадеты получили

только 17% — это тоже было естественно. За нас голосовало всего 11% — тоже понятная вещь. Но меньшевики получили всего 12% — этого совершенно не ждали ни мы, ни сами меньшевики. Они все время насмешливо смотрели на нас, и, рассчитывая на разных «служащих», полагали, что не особенно далеко отстанут от эсеров. Они не учли, что при неразличимости их тактики от эсеровской они с самого начала отдавали эсерам все политически не проясненные головы.

При общем количестве гласных 200 наша фракция состояла всего из 22 товарищей¹. Не враждебна нам была только крошечная группа объединенцев, состоявшая из 5—6 человек; остальные: кадеты, эсеры, энесы (два-три человека) и меньшевики во всех острых вопросах выступали с замечательной сплоченностью. Думские меньшевики очень далеко заходили в безусловной поддержке борьбы Временного правительства против крестьян и рабочих. Когда мы заставили думу прямо ответить на вопрос, как она относится к смертной казни для солдат, введенной правительством Керенского, стремившимся превратить армию в послушное орудие империализма, она зашла так далеко в борьбе с нами, что меньшевистский Московский Комитет нашел необходимым отмежеваться от выступления своей думской фракции. Меньшевистская фракция почти сплошь состояла из крайних правых меньшевиков, отчасти из таких, в которых мы до того времени никак не подозревали уклона к социал-демократии. Они слишком уж неосторожно раскрывали истинное существо соглашателей.

Наша численная слабость нас не смущала. Мы чувствовали за собой растущую силу. И это придавало всем нашим выступлениям решительность и активность. Мы меньше оборонялись, чем наступали.

Любопытно было первое же заседание представителей думских фракций, своего рода «совещание старейшин» («Сеньерен конвента»), преследовавшее чисто информационные и технические задачи. Оно состоялось перед самым открытием думы. Узнав, что открытию будет предшествовать молебен в здании думы, мы запросили, как это согласуется с тем пунктом программы эсеров, который требует отделения церкви от государства. Оказа-

¹ В «Социал-демократе» от 6 (19) июля 1917 г. сказано, что в городской думе большевики получили 23 места.

лось, с их программой это легко согласуется: среди гласных есть верующие, и им предоставляется быть на молебне, а неверующим отсутствовать. Я полагал, что сами верующие могли бы устроить молебствие для себя в какой-нибудь соседней церкви. На заседании своей фракции я предложил в первом же заседании думы решительно протестовать против таких повадок, но остался со своим предложением в меньшинстве.

На том же совещании я и Волин, представлявшие нашу фракцию как председатель и секретарь, поинтересовались, какие места отводят нам эсеры в зале заседаний. Председествовавший на совещании А. М. Беркенгейм заявил, что нас посадят рядом с кадетами, так как мы, конечно, следом за ними самая правая фракция думы. Это было не только мстительно, но и глупо, что мы и доказали ссылками на программы и тактику партий. Эсеры не уступали. Мы категорически заявили, что наша фракция войдет в заседание думы только для того, чтобы заявить энергичный протест против хозяйского произвола эсеров, и затем покинуть заседание. Председествовавший на совещании Беркенгейм, посмотрев на часы, заявил: «Из-за каких-то глупостей уже на два часа задержали открытие думы». Мы в бурной форме протестовали против такого поведения председателя и потребовали взять эти слова обратно. В конце концов Беркенгейм подчинился этому требованию, а потом, видя, что у нас слово не разоидется с делом, эсеры согласились на естественное размещение фракций: правый сектор заняли кадеты, здесь же приютились энесы; весь центр, далеко раздавшись в обе стороны, заняли эсеры; на левом секторе внизу сидели меньшевики, выше один ряд заняли объединенцы, а на самом верху разместились наша фракция. Нас признали Горой, монтаньярами революции XX века¹, что подтвердилось всеми позднейшими событиями.

¹ *Монтаньяры* — наиболее революционно настроенная группа депутатов Конвента в период Великой французской буржуазной революции XVIII века. Название (от французского слова *montagne* — гора) связано с тем, что члены этой группы занимали верхние скамьи в зале заседаний.



ШЛИХТЕР

Александр Григорьевич
(1868—1940)

Член КПСС с 1891 г. В 1895 г. за участие в революционной работе на Украине был сослан на Урал. В 1901—1908 гг. вел партийную работу в Туле, Киеве, Петербурге, Москве. В 1908 г. осужден к пожизненной ссылке в Сибирь. В дни Великой Октябрьской социалистической революции — член Московского военно-революционного комитета и комиссар продовольствия Москвы. Затем — на руководящей советской и научной работе. Делегат V, VI, XIV, XV, XVII съездов КПСС, был членом ЦИК СССР всех созывов.

НАКАНУНЕ ОКТЯБРЯ

Избирательная кампания в районные думы давала благоприятную почву для объединения широких рабочих масс и городской бедноты вокруг *продовольственного вопроса как экономической задачи борьбы за власть*. Лозунг борьбы за власть, пожалуй, не повел бы за собой с такой революционной решительностью трудящиеся массы к избирательным урнам в районные думы, если бы он был выдвинут сам по себе, как лозунг политический. Но тот же лозунг как логический вывод из анализа всех этих отдельно взятых, столь понятных и простых для каждого рабочего и каждого бедняка вопросов, связанных притом со столь знакомыми ему повседневными его нуждами, находил отклик в сердцах слушателей и приковывал к себе внимание именно как лозунг политический, как лозунг борьбы за власть. Я не могу без восхищения вспомнить в особенности одно собрание избирателей, больных и служащих военного лазарета в Лефортовском районе. Передо мною аудитория около тысячи человек. Огромное большинство в ней — крестьяне, самые доподлинные жители деревни¹, которых временно приковывает к городу этот лазарет и которые уйдут в деревню на другой же день по выздоровлении. Что общего, казалось бы, может быть у такого избирателя с задачами районной думы города Москвы? «Что ему Гекуба и что он Гекубе?» И с такой добродушной усмешкой в углах рта и с веселой искоркой недоумения в глазах встретила меня аудитория Лефортовского лазарета.

«Ну, ну, мол, говори. Мало ли вас тут ходит! Послу-

¹ Обыкновенно, являясь на митинг, осведомляешься предварительно у организационного бюро о социальном составе слушателей.—
Прим. автора.

шаем и тебя». Но вот углы рта все больше размыкаются, а смешливые искорки в глазах постепенно разливаются в такую молодую, удивленную радость. «Да ведь это наше, ведь это мы именно так думаем, да сказать не умеем», — говорят молча эти глаза из разных углов аудитории.

И когда вы, ступенька за ступенькой, подходите к обобщению конкретных нужд и говорите, что без борьбы за власть нельзя обеспечить осуществления этих нужд и что только большевики как представители революционного пролетариата могут и будут в районных думах искренне и решительно бороться за насущные требования трудящихся масс и города и деревни, вы начинаете чувствовать и как-то осязать, какими многими и крепкими нитями духовного родства между вами и слушателями спаяна, скреплена вся аудитория. Вы кончили...

— Спасибо, товарищ: теперь все понятно, — слышится громкое заявление из двух-трех мест.

Почти нет аплодисментов: деловое настроение еще всецело владеет деловыми людьми. Но это «спасибо» нескольких слушателей стоит больше, чем иные густые и дружные аплодисменты, ибо такое «спасибо» вырывается только из груди, переполненной новыми откровениями.

— Поздравляем, товарищ, — говорят мне устроители предвыборного собрания, — список № 5 обеспечен... (Кандидаты большевиков в районные думы шли по избирательному списку № 5.)¹

Выборы в районные думы принесли большую победу

¹ Я не помню какие темы были намечены для избирательной кампании Московским Комитетом партии большевиков. Я лично проводил свои предвыборные собрания (в Басманном районе) по тому методу конкретного подхода к выяснению революционных задач районных дум, о котором я здесь рассказываю. Конкретные задачи, намеченные мною здесь, я считал, однако, наиболее целесообразными не только на время предвыборных собраний, для собирання голосов, но прежде всего именно для повседневной, органической, так сказать, работы районных дум. Вскоре после формирования районных дум, а именно 12 октября, я делал уже доклад общему собранию гласных всех районных дум фракции большевиков на тему «Продовольственный вопрос как экономическая задача борьбы за власть». Тезисы этого доклада были напечатаны в «Известиях Московского Совета рабочих депутатов» в № 186 и 192 за 1917 г. Я не помню, было ли принято какое-нибудь решение фракцией по

большевикам. Из 387 262 общего количества голосов было подано за наших кандидатов 199 337 голосов. Это была большая победа потому, что выборы в общегородскую московскую думу, бывшие всего только за три месяца до этого, а именно в конце июня, дали около двух третей голосов эсерам и меньшевикам и создали прочную базу для эсеровско-меньшевистского фронта против революционного пролетариата в Москве¹. Так московские рабочие и городская беднота уже за месяц до Октябрьской революции (выборы в районные думы состоялись 24 сентября) ответили по важнейшей для тогдашнего момента задаче — **борьбы за власть**.

В результате пропорционального распределения 710 мест общего количества гласных в районные думы вошло: от большевиков — 350 гласных, от кадетов — 184, от эсеров — 104, от меньшевиков — 31; остальные 41 место были распределены между всеми партийными списками, собравшими каждый менее чем по 10 голосов. По районам пропорциональное распределение гласных дало следующую картину партийного состава дум: в 11 районах мы получили абсолютное большинство, в пяти районах из социалистических фракций наша была самая крупная, и в одном районе (Тверском — буржуазном) абсолютное большинство получили кадеты.

Предстоящая вновь избранным районным думам важная задача требовала организации таких районных управ, которые в качестве исполнительных органов могли бы оправдать ожидания избирателей, выявивших свою волю к борьбе за власть. Эта задача по отношению к 11 районам, где большевики получили абсолютное большинство, могла быть осуществлена без всяких препятствий и затруднений. Но в пяти районах, где мы не имели абсолютного большинства гласных, можно было организовать лишь коалиционно-социалистические управы, совместно с эсерами и меньшевиками. В случае отказа тех и других от участия в управе, вся власть в этих районах попадала бы к кадетам. Не желая эти

моему докладу и какое именно. Помню, однако, что доклад, лишь формулировавший и отражавший в основании общее отношение нашей партии к революционной тактике текущего момента, был фракцией одобрен. — *Прим. автора.*

¹ На выборах в городскую думу меньшевики и эсеры получили 70% голосов избирателей, в районные думы — 19%. Большевики соответственно 11 и 51%.

пять районов отдавать злейшим врагам рабочих, солдат и крестьян, Московский Комитет нашей партии решил во всех 16 районах образовать социалистические управы на основах пропорциональности по отношению только к социалистическим партиям. Бюро муниципальной комиссии обратилось к эсерам, меньшевикам и объединенцам с соответствующим предложением.

В ответ на это предложение эсеры ответили следующим документом, переданным в бюро 6 октября: «Принцип пропорциональности фракция социал-революционеров проводит во всех 17 районных думах, имея в виду предоставление мест в управах и фракции народной свободы. Этот принцип фракцией социал-революционеров будет проводиться и в думах с абсолютным большинством социал-демократов интернационалистов, хотя отклонение его (принципа) по отношению этих дум не влечет отказа со стороны фракции соц.-рев. от участия в образовании управ. В думах, где нет большинства социал-демократов интернационалистов, принцип пропорциональности также проводится фракцией социалистов-революционеров, хотя бы включение членов фракции конституционно-демократической партии в управы повлекло отказ социал-демократов интернационалистов от вхождения в управы. По поручению Бюро фракции с.-р. член Бюро Мухин».

Так эсеры, будущие герои «учредилловской» и всякой иной контрреволюции, уже тогда пошли на открытый разрыв с партией пролетариата во имя единого фронта с кадетами против пролетарской революции. Само собой разумеется, что этот ответ, наглый по своему ничем не прикрытому цинизму и смешной по своему полному непониманию эсерами значения происшедшего за три месяца сдвига в настроении рабочего класса и городской бедноты, ни в малейшей степени не обескуражил нас и не изменил наших тактических задач по организации революционной демократии вокруг районных дум во имя предстоящей борьбы за власть. Кандидаты в председатели районных дум и их заместители, а также в председатели и члены районных управ были намечены Московским Комитетом, а затем обсуждены и утверждены на общерайонном собрании гласных — большевиков. Я был избран председателем думы Басманного района...

Районные думы и управы сформировались... Предстоящая деятельность, за которую сразу принялись районные большевистские управы, была чрезвычайно ответственна. На нашей повседневной работе мы должны были показать пролетариату и городской бедноте, отдавшим нам большинство своих голосов, что у большевиков слово не расходится с делом, что каждый рабочий и бедняк в деле своих хозяйственных нужд встретит в своих управах революционную отзывчивость, чуткость, подвижность, умение и, главное, готовность разрешать задачи городского хозяйства в интересах рабочего класса и городской бедноты. Но на шее районных управ висел тяжелый и туго затянутый хомут эсеровско-кадетской центральной Московской городской думы и управы. Буржуазное «Положение о районных думах» отводило районным думам весьма ограниченные права самостоятельности. Интересы *рабочего класса* требовали революционных методов в городском хозяйстве, но на пути стояла эсеровско-кадетская городская дума, охранявшая фактически интересы буржуазных слоев населения Москвы. Одного — нельзя, другое — требует предварительной разработки вопроса в комиссии, для третьего — нужно предварительно получить согласие временного правительства — такова в общем оказалась с первых же дней повседневная практика «правовых» взаимоотношений между буржуазно-эсеровским городским центром и зависимыми от него революционно-пролетарскими районными думами и управами (конечно, теми из них, где преобладали большевики).

Эсеровская городская дума потеряла за три месяца своего существования доверие широких трудящихся масс, давших эсерам большинство гласных на выборах в конце июня 1917 г., но охранялась «законными правами» и не имела, конечно, ни малейшего намерения добровольно отказываться от этих прав. Возникла, таким образом, естественная и неотложная задача — добиться досрочного переизбрания гласных. Нам было совершенно очевидно, что новые выборы обеспечили бы и для центральной думы состав гласных с преобладанием представителей революционного пролетариата.



ЛОЙКО
Михаил Иванович

Член КПСС с 1917 г. Участник Октябрьской революции в Москве. С октября 1917 г. по февраль 1922 г. находился в рядах Красной гвардии и Красной Армии. С 1923 г. работал в трамвайных парках Москвы. С 1930 г. — на руководящей хозяйственной работе. С 1956 г. — персональный пенсионер.

A stylized, handwritten signature in black ink, consisting of several loops and a final flourish.

ШКОЛА БОРЬБЫ

Мировая война заставила нашу семью, как и тысячи других семей, покинуть родную деревню и искать кусок хлеба в городе. Так в 1914 г. мы оказались в Москве. Здесь я, малограмотный паренек, устроился сначала на сезонные работы, а затем поступил слесарем в Золоторожский трамвайный парк, который стал для меня первой школой полигического воспитания.

Полудеревенский, полугородской житель, с неоформившимися представлениями о жизни, я встретил в Золоторожском парке, на свое счастье, подлинных пролетариев-большевиков В. М. Малышева, Г. А. Пискарева, Андрушина. Они охотно отдавали свои знания, свое время и силы воспитанию молодежи, формировали из нас настоящих рабочих, интересы которых не кончаются собственной зарплатой и заботами о благополучии семьи.

Все началось так же, как, вероятно, у многих людей, шедших к партии в те годы: беседы с нами о преступной войне и голоде, об убитых и раненых, о роскоши «хозяев жизни», находившихся где-то там, «наверху», далеко от наших ремонтных канав. Потом нам давали небольшие, посильные для нас поручения. Мы расклеивали ночью на Андроньевской, Елоховской и Спасской площадях листовки и прокламации. Одна из них, как помню, посвящалась празднованию 1 Мая 1916 г. и была за подписью Московского Комитета РСДРП(б).

Я не имел вначале никакого представления о партиях, однако тянулся к той, чьи слова и дела были мне ближе. Месяцев за 6—7 до Февральской революции я уже разбирался, кто такие большевики и меньшевики,

кадеты и эсеры. Сознательно я, по-видимому, здорово вырос, революционная «тройка», возникшая в парке к середине 1916 г. и состоящая из Андрушина, Малышева и Пискарева, ввела меня в актив, созданный из более сознательных и организованных рабочих.

От Малышева я впервые услышал о В. И. Ленине. Проводя очередную беседу, он сказал, что вождь РСДРП(б) — Ленин, что он против империалистической войны, но что означают буквы названия партии я тогда не знал, зато накрепко запомнил, что партия эта — рабочая и что Ленин против войны.

Члены тройки поставили перед нами задачу вести агитацию в трамвайном депо, разъяснить рабочим захватнический империалистический характер войны, призывать их к свержению самодержавия. Рассказывать нужно было так же просто, четко и ясно, как это умели делать Пискарев, Малышев и Андрушин.

Руководящая тройка держала регулярную связь с подпольем Мнусского и Сокольнического трамвайных парков МГЖД и с Центральной трамвайной электростанцией. Это помогало нам узнавать о демонстрациях и забастовках, происходящих не только в Москве, но и по всей стране.

27 февраля 1917 г. Малышев принес в парк долгожданную весть: царя свергли.

На другой день собрались в штабе нашей революционной тройки — в малярке. Обсудив события, развернувшиеся в Питере, приняли решение бросить работу и провести митинг. На митинге Пискарев сообщил рабочим о революции, призвал всех выйти на демонстрацию. В тот же день, 28 февраля, двое представителей нашего парка присутствовали на собрании, состоявшемся в помещении городской думы, где слушали выступление П. Г. Смидовича о начавшейся революции. 1 марта уже все наши рабочие знали о заседании Совета. После бурно прошедшего митинга мы организованно вышли из ворот трамвайного парка, с пением «Марсельезы» прошли на Золоторожскую улицу и присоединились к демонстрации рабочих с завода Гужона и других предприятий Рогожско-Симоновского района. Дойдя до центра, влились в общегородскую демонстрацию.

В эти дни по поручению руководящего революционного центра нашего трамвайного парка я проводил ра-

боту среди вагоновожатых и кондукторов, привлекал их к участию в митингах и демонстрациях. Затем я вошел в группу, которой было поручено вести агитацию среди солдат Астраханских казарм. Во время одной из бесед я был арестован офицером и отправлен в комендатуру. По требованию депутата Моссовета Г. А. Пискарева после трех дней ареста меня освободили.

В течение марта 1917 г. наш парк почти не работал. Мы ежедневно организовывали собрания, митинги, на которых обсуждали доклады о текущем моменте и Временном правительстве, об окончании войны, о 8-часовом рабочем дне. Выступали не только большевики, но меньшевики и эсеры; последних в парке насчитывалось человек 20. Собрания были очень многолюдными — нам удалось установить связь с солдатами Астраханских казарм, которые ходили к нам в парк на митинг. Атмосфера накалялась до предела, слушатели бурно выражали свое согласие или несогласие с выступающими ораторами.

Усиливавшиеся разногласия с меньшевиками и эсерами поставили нас, передовых рабочих парка, перед необходимостью объединить свои силы. Нужна была твердая организация, т. е. партийная ячейка. Московский Комитет РСДРП(б) с первых дней революции призывал рабочих к организации заводских большевистских ячеек, к привлечению в ряды партии передовых рабочих. За короткий период у нас в парке в партию вступило 20 человек. Это дало возможность организовать партийную ячейку, затем оформить ее в Рогожском районном комитете. И над дверью конторы старшего чистильщика появилась красная дощечка с надписью — «Ячейка РСДРП(б) Золоторожского трамвайного парка Московских городских железных дорог».

С созданием партийной организации политическая работа в парке развернулась активнее. Вместе с тем ячейка в своей практической работе уделяла большое внимание организации рабочих, улучшению их бытовых условий. Война, вызванные ею разруха и голод сделали свое дело. Мы были нищи и голодны. Квалифицированные рабочие часто занимались тогда кустарщиной и со своей «продукцией» шли на рынок. Необходимо было помочь рабочим, наладить работу парка.

В этих вопросах партийной организации помогал

профсоюз, созданный в парке в апреле 1917 г. В местный комитет профсоюза были избраны революционно настроенные рабочие. При комитете существовали комиссии: топливная, продовольственная, лавочная и другие. Как член месткома, я занимался контролем рабочей столовой, которая одновременно была и красным уголком. Мы начали выпускать свою стенгазету.

Меньшевики и эсеры по всем основным вопросам революции выступали против большевиков и большевистских лозунгов. Особенно сильная борьба разгорелась в связи с Апрельскими тезисами В. И. Ленина. О том, что Владимир Ильич вернулся из Швейцарии в Россию, мы узнали из «Правды» и из московской большевистской газеты «Социал-демократ». Буржуазные газеты не могли умолчать о таком событии, но свои писания они сопровождали грязными намеками на якобы существовавшую связь между Лениным и немцами, в силу чего, мол, те пропустили Ильича в Россию.

На митингах в парке наши рабочие-большевики и товарищи, приходившие из Рогожско-Симоновского райкома, подробно рассказывали, почему Ленин и большевики-эмигранты не могли длительное время после революции вернуться в Россию, что в этом виноваты были правительства Англии и Франции, не пропускавшие их через свои территории, и поэтому Ленин с группой эмигрантов вынужден был возвращаться на родину через Германию.

Апрельские тезисы многим из нас открыли глаза, помогли разобраться в происходящих событиях.

Наша ячейка распространяла среди рабочих листовки и газеты. Особенно большой популярностью пользовались «Правда» и «Социал-демократ». Малышев всю литературу получал в Московском Комитете партии большевиков. Но мы раздавали листовки и газеты не только рабочим Золоторожского парка, а распространяли их и в районе — расклеивали на Таганской, Андроньевской, Каланчевской, Введенской, Преображенской площадях, где на собрания и митинги собиралось много народу.

После расстрела июльской демонстрации в Петрограде борьба между большевиками и меньшевиками в Москве усилилась. Мы это очень остро почувствовали у себя в парке. В эти дни у нас почти беспрерывно шли

митинги, большая часть рабочих участвовала в демонстрации, поддерживая большевистские лозунги.

Помню, в начале августа в Москву стали съезжаться делегаты Государственного совещания для собирания сил контрреволюции. От Пискарева и Малышева узнали, что получены директивы центральных органов партии организовать однодневную забастовку против совещания. Нам предложили провести агитацию среди рабочих подвижного состава, вагоновожатых и кондукторов. Но мы решили не ограничиваться своим предприятием, а выйти на улицы Москвы и охватить часть ее населения. Тайно изготовили лозунги: «За свержение Временного правительства!», «Сгинь, капитализм!», «Долой войну!». Эти лозунги товарищи из нашего парка Стенин, Дубов, Соколов и я ночью повесили на трамвайные вагоны вместо лобовых вывесок. За несколько дней до совещания вагоны с большевистскими лозунгами вышли на линии города по Садовому кольцу, Рогожской заставе, Лефортову, призывая население к решительным действиям против Временного правительства. Наша «движущаяся агитация» производила сильное впечатление. Изумление и негодование вызывала она у буржуазии и обывателей; лозунги напомнили им, что революция в июльские дни не умерла. Это выступление не осталось незамеченным. На другой день буржуазные газетчики написали о происшедшем и указывали, что в Золоторожском парке находится гнездо большевиков. 12 августа, в день открытия совещания, наши рабочие поддержали однодневную забастовку, показав этим, что их симпатии на стороне большевиков.

В конце сентября в Москве проводилась выборная кампания в районные думы. Нужно было обязательно послать в думы большевистских представителей, чтобы они руководили там работой. Со своим расчетом проводили выборную кампанию кадеты, меньшевики и прочие партии. И все же 6-ю думу Рогожского района завоевали большевики. Получив большинство в ней, мы имели и решающее влияние в районе.

В сентябре партия вновь выдвинула лозунг «Вся власть Советам!». Но если до июля он означал мирное развитие революции, то после июльских событий, когда эсеро-меньшевистское большинство Петроградского Совета открыто перешло на сторону контрреволюционной

буржуазии, после решений VI съезда партии и корниловского мятежа восстановление лозунга было призывом: взять власть вооруженным путем! Партийные организации Рогожского района приступили к практической подготовке рабочих к вооруженному восстанию. С этой целью была создана районная военная «пятерка», в которую от нашей организации вошел Василий Михайлович Малышев. Пятерка дала задание обучить военному делу рабочих района. Я умел обращаться с оружием и неплохо стрелял, так как около года пробыл на военных курсах для вольноопределяющихся. Поэтому мне поручили обучать стрельбе из винтовки рабочих нашего трамвайного парка. Сначала для занятий записались Малышев, Дубов, Верстаков, Стенин и Яковлев. Эта пятерка составила добровольную дружину, в которую затем вступило еще 36 человек. Впоследствии дружина была преобразована в отряд Красной гвардии.

Помимо этого мы вели военные занятия и на ситце-набивной фабрике. С оружием было очень плохо. На весь парк имелось три винтовки и два нагана. Мы всеми силами и всяческими путями стремились достать оружие. Обычно Малышев объявлял: «Садись в вагоны, поехали доставать оружие». Ездили к Симоновскому арсеналу, в Сокольнические ремонтные мастерские, на Казанскую железную дорогу, вооружались в Астраханских казармах. Когда организовался отряд Красной гвардии (командиром его стал кондуктор нашего парка Прокофий Аполлонович Афоничев, член партии с 1906 г.), то оружие для обучения красногвардейцев я получил в районном штабе Красной гвардии (Большая Алексеевская, 24). Кроме этого отряда в парке был создан санитарный отряд из женщин-кондукторов во главе с вагоновожатым И. Степановым. Наши санитары оказали немалую помощь раненым красногвардейцам во время октябрьских боев. Ячейка нашего парка в этот период была как бы связующим звеном между районным комитетом и предприятиями района, так как, с одной стороны, наши товарищи Малышев, Пискарев и Андрушин входили в число партийных и профсоюзных руководителей района, а с другой — у нас был самый быстрый по тому времени городской транспорт, и с его помощью мы могли информировать о происходящих событиях почти весь район.

В ночь с 26 на 27 октября после известия о победе восстания в Петрограде наш отряд под командованием П. А. Афоничева, получив приказ из штаба Красной гвардии Рогожско-Симоновского района, прибыл в Астраханские казармы. Здесь нам выдали оружие. Ночь мы пробыли в штабе, а рано утром отправились к зданию РК. Здесь к нам подошло подкрепление из других организаций. Разбились на три группы, оставили караулы по охране штаба Красной гвардии.

Одна из групп отправилась захватывать районные комиссарнаты. Участки старой милиции сдавались без боя, тут же назначались новые комиссары. Другой части отряда под командованием Хватского было поручено добыть оружие для рабочих района. Мы отправились на Казанский вокзал, куда было доставлено обнаруженное на станции Москва-Товарная оружие.

29 октября, основательно вооружившись, объединенный отряд Красной гвардии, состоявший из рабочих нашего района, вышел к кадетским корпусам и Алексеевскому военному училищу, где засели юнкера. Предварительно мы захватили винный склад на Золоторожской улице, где также было укрепление юнкеров.

После двухдневного боя была одержана победа. Юнкера сдались.

Подавив контрреволюцию в районе, наш отряд Красной гвардии вышел в центр на помощь другим районам. Мы действовали на участке Варварской площади, наступая на Спасские ворота Кремля.

Но революционный пролетариат, победив в двух столицах, не окончил еще дело революции. Контрреволюция ушла на юг и там стала организовывать сопротивление Советской власти.

По призыву В. И. Ленина и Центрального Комитета РСДРП(б) был организован 1-й отряд Красной гвардии Москвы, в который из нашего парка добровольно вступило 40 человек: Афоничев, Малышев, Дубов, Обьедков, Соколов, Стенин, я и другие товарищи.

В 1-м Московском отряде Красной гвардии мы сражались с белогвардейщиной при освобождении Белгорода, Лозовой, Славянска, Никитовки, Юзовки, Екатеринослава и других городов нашей Советской России.



БЕЛАЯ-ИВАНОВА
Екатерина Исеевна

Член КПСС с 1914 г. За революционную работу в 1916 г. была выслана в Восточную Сибирь. По возвращении из ссылки с марта 1917 г. работала в Басманном районе. Участница революционной борьбы в Москве в октябрьские дни. После революции — на фронтах гражданской войны. В 1922—1930 гг. — на партийной работе. С 1936 г., после окончания Промышленной академии, — на руководящей хозяйственной работе. С 1956 г. — персональный пенсионер.

ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ

О Февральской революции мы узнали в ссылке. Среди ссыльных возник спор об отношении к Временному правительству, о порядке нашего отъезда. Меньшевики и эсеры предлагали ждать официального разрешения о выезде, а большевики решили уехать явочным порядком, не дожидаясь разрешения. Для подготовки к отъезду избрали из своей группы представителей, которые направились к приставу с требованием предоставить нам казенных лошадей, так как денег на выезд у нас не было. После «любезных» разговоров пристав дипломатически заболел, а в его отсутствие нам дали подводы, и мы уехали в Иркутск, а оттуда в Москву.

Наши вагоны были украшены лозунгами «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и другими революционными призывами. На всех станциях нас приветствовали как борцов за революцию, а на крупных станциях стихийно возникали митинги. Говорили о войне и мире, об отношении к Временному правительству, о земельном вопросе, о 8-часовом рабочем дне и т. д. Уже на этих митингах в полной мере выявились разногласия с меньшевиками и эсерами по вопросу об отношении к Временному правительству и роли Советов. Большевики, в противовес соглашателям, выступали за немедленное прекращение империалистической войны, за передачу земли крестьянам, за 8-часовой рабочий день.

В конце марта 1917 г. мы приехали в Москву; отсюда некоторые из наших товарищей уехали в Петроград, а Яков и Мария Базановы, Паця и Василий Сахаровы, я и еще ряд товарищей остались в Москве.

Секретарем Московского Комитета партии большевиков была в то время Р. С. Землячка; она выдала нам партийные документы, и нас направили на работу. Вскоре Я. И. Базанов был избран секретарем Басман-

ного райкома партии. Я поступила на военно-промышленный завод в качестве работницы мелкоснарядного цеха. Это был самый крупный завод в районе, на нем работало около 6 тысяч человек. Здесь была сильная большевистская организация, которая оказывала влияние и на рабочих соседних предприятий (Гакенталь, газовый завод, фабрика «Шеврохром» и др.).

На нашем заводе рабочие, организованные большевиками, явочным порядком еще в марте установили 8-часовой рабочий день.

Авторитет большевиков среди рабочих нашего завода был так велик, что вскоре после Февральской революции они избрали в завком и другие заводские организации таких товарищей, как Желтов, Табаков, Яновский, Бочаров, Рунге, Шуляковский и другие. Я была избрана членом завкома и бюро партийной ячейки.

В те дни на заводе часто проходили митинги по вопросу о войне и мире, о передаче помещичьей земли крестьянам. Неизменно ставился вопрос о роли Советов как органов революционной власти. У большевиков возникали острые споры с эсерами и меньшевиками. Как правило, верх одерживали большевики. Завод являлся оплотом большевистской организации района.

Вместе с Р. Рунге мы по заданию партийной организации вели в цехах культурно-массовую работу, приглашали докладчиков из РК и МК РСДРП(б). У нас на заводе неоднократно выступали Е. Ярославский, Р. Землячка, И. Зеленский, В. Иванов и другие. Бывали случаи, когда, возвращаясь с работы, мы принимали участие в стихийно возникавших на улицах митингах и в своих выступлениях отстаивали большевистские позиции.

Июльские дни 1917 г. явились поворотным моментом в развитии революции. В ответ на кровавую расправу с участниками мирной демонстрации в Петрограде рабочие Москвы вечером 4 июля вышли на демонстрацию под лозунгами большевиков. Рабочие нашего завода шли во главе колонны Басманного района. Помню, как у Мясницких ворот демонстрантов встретили юнкера, которые намеревались рассеять демонстрацию, изорвать знамена и лозунги. Произошла схватка. Рабочие крепко держали знамена и не расходились. Провокация юнкеров была сорвана стойкостью пролетариев. Вечером, когда демонстранты вернулись на завод, сос-

тоялся митинг рабочих двух смен. У многих участников демонстрации были синяки от казацких нагаек, часть знамен и лозунгов была разорвана, рабочие были возбуждены, все настроены против Временного правительства и поддерживающих его соглашательских партий меньшевиков и эсеров. На митинге не дали слова для выступления кадетам, эсерам и меньшевикам. Подавляющее большинство рабочих решительно стало на сторону большевиков, даже те рабочие, которые ранее поддерживали эсеров, теперь вместе со всеми голосовали за большевистскую резолюцию.

Для мобилизации сил контрреволюции Временное правительство созвало 12 августа в Москве так называемое Государственное совещание. ЦК партии большевиков предложил Московской организации провести однодневную политическую забастовку в знак протеста против наступления контрреволюции.

11 августа на нашем заводе состоялся большой митинг, на котором было принято решение: дать революционный отпор Корнилову и провести 12 августа однодневную забастовку. На митинге была избрана делегация в Московский Совет, чтобы довести до его сведения о намеченной забастовке. В делегацию избрали группу рабочих завода, в том числе и меня.

В Московский Совет тогда входило много меньшевиков и эсеров; председателем был меньшевик Хинчук. Все они были против забастовки. Хинчук встретил нас в штыки. Он заявил, что поедет сам на завод и переубедит рабочих. Тогда П. Г. Смидович от имени большевистской фракции Моссовета заявил, что если Московский Совет отказывается от руководства забастовкой, то большевистская партия проведет ее сама.

Вопреки проискам соглашательских партий забастовка проходила сплоченно и организованно. Помню, когда 12 августа я шла для дежурства на завод, на протяжении всего пути улицы были пустынные, трамваи стояли. Как мы узнали, Государственное совещание проходило при свечах, так как электростанция выключила ток. Все это было выражением народного протеста против контрреволюции.

Забастовка показала единство рабочего класса Москвы с большевистской партией, его стремление бороться за победу пролетарской революции.

После июльских событий, так называемого Государственного совещания и разгрома корниловщины даже те рабочие, которые раньше шли за меньшевиками и эсерами, поняли, что только большевики могут разрешить насущные проблемы революции. Рабочие стали активнее отзывать депутатов-эсеров и меньшевиков из Советов и заменять их депутатами-большевиками. Одновременно на заводах и фабриках стал усиливаться рабочий контроль за производством, чтобы предупредить расхищение сырья и готовой продукции предпринимателями, организовать бесперебойную работу предприятий.

В этот период на нашем заводе, как и на других предприятиях Москвы, росли ряды большевистской организации, в предоктябрьские дни в ней насчитывалось уже более 300 человек. Все выборные рабочие организации были настроены большевистски. В районный комитет партии вошло несколько большевиков из нашей заводской организации, в том числе и я. Теперь перед нами стояла задача подготовки восстания.

В сентябре — октябре (до начала октябрьских боев) я ежедневно относила в Московский Комитет партии сведения о росте Красной гвардии, о наличии оружия в районе. Эти сведения у меня принимала Раиса Савельевна Лихачева, которая говорила, что такие сообщения поступали в МК через связных из всех районов Москвы.

Плохо было с оружием. На нашем заводе вначале имелось всего несколько берданок, на каждую из них приходилось по три патрона. Но, несмотря на это, настроение было боевое. Мы готовы были в любой момент выступить по зову партии. Красногвардейцы вместе с большевистски настроенными солдатами Самокатного батальона составляли организованную военно-революционную силу.

25—26 октября в Москве были созданы военно-революционные комитеты в центре и по районам. В Басманный ревком, который разместился на нашем заводе, вошли А. Е. Мандельштам (Одиссей), И. Зеленский, Н. Г. Маркин, В. И. Иванов, Я. И. Бочаров, Желтов, Забродин. Ряд товарищей — Мария Базанова, Агния Яновская, я и другие были назначены связными ВРК. Общее военное руководство у нас в районе возглавил Александр Ильич Егоров, офицер, присланный к нам МК большевиков. Впоследствии он вступил в партию

большевиков и стал крупным военачальником в Красной Армии, маршалом Советского Союза.

Басманный район имел важное стратегическое значение. Контрреволюция укрепилась здесь в таких опорных пунктах, как кадетский корпус, Алексеевское юнкерское училище и др. Необходимо было немедленно изолировать эти силы противника.

Для взятия Алексеевского училища мы объединились с Благуше-Лефортовским и Рогожско-Симоновским районами. Вместе с красногвардейцами Железнодорожного района выбили юнкеров из здания Института благородных девиц. Значительно труднее было взять кадетский корпус. Юнкера превратили Алексеевское училище в неприступную крепость. Несколько дней шли упорные бои. Огромную роль в победе над юнкерами сыграли рабочие Мостяжарта во главе с Демидовым, Н. Туляковым и другими. Для штурма Кремля из нашего района был послан отряд красногвардейцев.

В последние дни боев Агния Яновская, фельдшер Самокатного батальона и я были посланы в разведку. Поехали мы на санитарной машине. Юнкера задержали машину, а нас отправили в кремлевский подвал. Там было уже более 100 арестованных солдат и рабочих.

В первые часы моего ареста я была вызвана к полковнику, и мне, как медицинской сестре (в разведку я ходила под видом сестры милосердия), предложили работать в госпитале юнкеров. Я категорически отказалась. Тогда меня отправили обратно в подвал, угрожая расстрелом вместе с другими арестованными. В тот же вечер к нам в подвал пришла делегация из Московского Совета от фракции эсеров. Мне и Яновской эта делегация предложила «защиту под охраной юнкеров и казаков», мотивируя это тем, что двум женщинам неудобно оставаться в подвале вместе с мужчинами. Юнкера стояли рядом и отпускали злобные словечки по нашему адресу. Тогда товарищи окружили нас и заявили, что не допустят нашей изоляции. Нам с Яновской стало теплее от этой товарищеской заботы. Представители фракции эсеров удалились. Всю ночь мы настороженно прислушивались к доносившемуся рокоту боя; никто не сомкнул глаз, а наутро, после взятия Кремля революционными силами, мы все были освобождены.

Публикуется впервые.



АЛЕКСЕЕВА
Надежда Михайловна

Член КПСС с 1917 г. Участница октябрьских боев в Москве. В годы гражданской войны — на политработе в 8-й армии Южного фронта. С 1922 г. — на партийной работе в Москве. С 1948 г. — персональный пенсионер.

A stylized, handwritten signature or mark consisting of several loops and a long horizontal stroke.

ПО ЗАДАНИЯМ ВРК

С весны 1917 г. я работала в аппарате Московского Совета рабочих депутатов.

Помню, какая огромная радость охватила нас, когда после победы революции в Петрограде пленум Московского Совета 25 октября вечером принял большевистскую резолюцию о немедленном создании революционной власти в Москве.

В течение всех семи дней и ночей октябрьских боев в Москве мне пришлось находиться непосредственно в распоряжении Московского военно-революционного комитета, выполнять его задания и поручения.

В ночь на 26 октября мне и Н. Н. Петрову, работавшему тоже в Совете, было поручено поднять на выполнение боевых заданий ВРК шоферов гаража, находившегося в Георгиевском переулке, за нынешним Домом союзов. Шоферов нам пришлось агитировать недолго, они проявили свою революционность еще ранее, отказавшись в августе возить членов так называемого Государственного совещания.

Профсоюзную организацию шоферов возглавлял в то время Федотов. Он горячо поддержал наш призыв — поставить автотранспорт Москвы на службу революционному пролетариату, и собравшиеся единодушно заявили, что они считают себя мобилизованными революцией. Автотранспорт поступил в распоряжение Военно-революционного комитета.

В ту ночь на улицах Москвы еще не было боев, но кое-где уже происходили кратковременные перестрелки. Нашему командованию важно было знать расположение частей противника, их численность, вооружение и,

особенно, местонахождение огневых точек. И когда член Московского военно-революционного комитета Г. А. Усевич обратился к нашей группе молодежи, ждавшей поручений, с предложением пойти в разведку, многие с большой охотой вызвались на это дело.

Мне было поручено разведать огневые точки противника в районе Воскресенской и Театральной площадей. Удалось точно выяснить расстановку пулеметов и орудий в заданном районе, для чего пришлось заглянуть даже в захваченный белыми Манеж, охранявшийся юнкерами и студентами Московского университета, белоподкладочниками. Они не прочь были почесать язык с курсисткой, задержавшейся, как я им объяснила, в Сокольниках, а теперь пробирающейся в Замоскворечье.

Я уже получила приглашение зайти в Манеж погреться и, конечно, воспользовалась бы этим приглашением, но в тот момент раздалась команда «На караул!», и юнкерская винтовка преградила мне путь у самого порога. Но мне все же удалось заметить три орудия, стоявшие в Манеже.

Мне, как связному, часто приходилось переходить как через наши заградительные цепи, так и через цепи белых. Чтобы добиться пропуска через линию противника, каждый раз надо было выдумывать какую-либо вескую причину. В большинстве случаев это удавалось. Я передавала в районные ревкомы приказы Московского ВРК о высылке в те или иные пункты красногвардейских отрядов, а от районов в центр — данные о боевой обстановке на местах, просьбы о присылке оружия. Конечно, никаких записей, никаких бумажек и документов иметь при себе не полагалось. Идешь, бывало, и мысленно повторяешь то наш пароль и отзыв, то задание, которое надо передать в районный ревком, то данные, полученные в районах. С такими заданиями мне пришлось бывать по два-три раза в ревкомх Хамовническом, Благушинском и однажды в Дорогомиловском. Помещения районных ревкомов походили на вооруженный лагерь: они были переполнены красногвардейцами, солдатами, особенно много было рабочей молодежи. Обыкновенно в местах расположения юнкеров шныряло много мальчишек, которые давали подчас нам, разведчикам, очень ценные сведения о противнике.

Штаб полковника Рябцева использовал колебания

некоторых членов революционного комитета и всячески уговаривал их пойти на перемирие. С этими предложениями обращались в ревком и меньшевики, и эсеры, и даже церковники брали на себя миссию парламентаров. Так, мне довелось быть очевидцем следующего события. В самый разгар боев в Военно-революционный комитет явился московский митрополит. Он был в полном облачении: в митре, фиолетовой мантии, с длинным посохом, с крестом и иконкой на груди. Когда член ревкома вышел навстречу вступившему в вестибюль «преосвященному парламентару», последний обратился с увещанием: «Братия! Во имя бога прекратите братоубийственную войну...» На это он получил достойный ответ революционного комитета: «Святой отец, с этим увещанием вам следует обратиться к тем, кто вас послал, ибо они представляют кучку буржуазии, сопротивляющуюся воле народа, взявшего власть в свои руки». Начальнику охраны тут же было дано указание проводить «святого отца» через наши заградительные цепи.

Засылаемые штабом Рябцева лазутчики пытались проникнуть в здание Моссовета, но попадали туда они лишь в качестве задержанных. То и дело можно было наблюдать, как красногвардейцы приводили в Моссовет арестованных ими лиц: вот привели в штаб передодетого сестрой милосердия флотского офицера — красногвардейцы еще на площади перед Моссоветом разоблачили его, сняв с него белую косынку с красным крестом и пелеринку сестры милосердия.

Характерно, что молодая Советская власть уже в первые дни своей деятельности проявляла заботу о населении. Еще до окончания октябрьских боев — 30 октября, когда было заключено временное перемирие с юнкерами, Военно-революционный комитет разослал уполномоченных по булочным для установления контроля за снабжением населения хлебом и наблюдения за порядком. Помню, мне и другим двум товарищам была поручена эта работа в булочной Филиппова на Тверской.

В боевой обстановке установилась строгая дисциплина и боевой дух среди красногвардейцев и солдатских частей. Наискосок от Моссовета находилась гостиница «Дрезден». В верхних этажах этой гостиницы помещалась редакция «Социал-демократа» и боевой центр

МК РСДРП(б), а нижний этаж дома был занят магазинами, среди которых был большой магазин коньяков Шустова. Мне пришлось наблюдать, как два красногвардейца по приказу своего командира разбивали прикладами винтовок бутылки с коньяком. Вино лилось ручьем по улице, но никто из присутствующих ни в магазине, ни на улице к вину не притронулся. Только 25 бутылок коньяку начальник отряда послал на перевязочный пункт Моссовета для больных и раненых красногвардейцев. Все делалось молча, с полным сознанием долга и ответственности момента.

Во время боев забывали даже о еде. И в самом нашем штабе питание толком не было организовано. Столовая и буфет работали, но они не могли обеспечить обедами огромное количество людей, переполнявших здание Моссовета. И вот однажды, было это, вероятно, числа первого ноября, к Моссовету на полных парах прибыла полевая кухня, и все мы с большим аппетитом в первый раз за пять-шесть дней поели горячей пищи. Солдаты прислали картофельный суп с бараниной. Такого вкусного супа я никогда ни раньше, ни потом не ела. Обычно же в эти боевые дни всем нам приходилось в лучшем случае довольствоваться небольшим куском черного хлеба, посыпанного сахарным песком, и кипятком в железной солдатской кружке. Таков был рацион красногвардейцев и других лиц, находившихся в распоряжении Военно-революционного комитета.

Население Тверской, состоявшее главным образом из буржуазии, на улицы не показывалось, дома как будто опустели, но с их крыш враги революции нередко обстреливали наших разведчиков и связистов. Однажды мы при возвращении из районов попали под обстрел в Столешниковом переулке. Дело обошлось благополучно, лишь у одного из сопровождавших меня товарищей оказалась простреленной пола шинели.

По мере того как сжималось кольцо противника вокруг Моссовета, бои становились все кровопролитнее. Но районы крепко держались и в свою очередь теснили белых. Кровопролитные бои были непосредственно у Моссовета, в переулках, ведущих на Никитскую.

Однажды броневнику белых удалось прорваться на самую Скобелевскую площадь. Благодаря находчивости красногвардейцев, повернувших пушку в сторону

броневика, последний, дав очередь из пулемета, поспешно удрал восвояси. Но окна первого этажа Моссовета были прострелены; особенно пострадала комната, в которой располагался перевязочный пункт Красного креста. Только благодаря мужеству заведующей перевязочным пунктом Красного креста З. С. Герасимовой, вовремя скомандовавшей: «Лечь всем на пол!», дело обошлось без человеческих жертв.

Прячась в простенках окон первого этажа здания Моссовета, я вместе с красногвардейцами наблюдала этот бесславно-трусливый демарш белых.

Паника, в которую то и дело впадали некоторые из колеблющихся в Военно-революционном комитете, доходила до того, что они предлагали сдать белым Моссовет и уйти в районы, но члены ревкома большевики-ленинцы решительно воспротивились такому капитулянтству.

В то же время паника побудила некоторых руководителей «разгрузить» здание Моссовета от лишних якобы там людей. И вот в момент самых тяжелых боев один из работников Моссовета В. Сергеев обратился к нам, молодым большевичкам, которые все дни боев выполняли различные поручения Военно-революционного комитета, и заявил, что женщины немедленно должны покинуть здание Моссовета. Это предложение возмутило нас до глубины души, и мы заявили, что, как большевики и красногвардейцы, будем на своем посту и никуда из Моссовета не уйдем.

Боевое настроение, сознание долга и действительная революционная дисциплина спланивали, воодушевляли и поднимали людей на подвиги. Боевой дух молодежи, отдававшей свою жизнь в распоряжение восставшего пролетариата, партии большевиков, отражал боевое настроение масс, беззаветно идущих за большевиками, за Лениным.

Это было прекрасное революционное время, и наши сердца бились в унисон с сердцами народа, боровшегося за власть Советов.

Публикуется впервые.



СМИРНОВ
Иван Николаевич

Член КПСС с 1913 г. За революционную работу в 1913 г. был арестован и сослан в Сибирь на поселение. Участник Февральской революции на Ленских приисках и Октябрьской революции в Москве. В ноябре 1917 г. — председатель ревкома Волоколамского уезда; с августа 1918 г. — помощник начальника обороны железных дорог республики, с 1919 г. — на партийной, хозяйственной и военной работе. С 1959 г. — персональный пенсионер.

ВОСПОМИНАНИЯ КРАСНОГВАРДЕЙЦА

В день решающих событий

25 октября мы узнали, что Временное правительство низложено и государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета.

После обеденного перерыва наши делегаты от Главных паровозных мастерских Московско-Казанской железной дороги Михаил Попов и Яков Давыдов ушли на заседание Московского Совета, на котором, как их предупредили в райкоме, должен был решаться вопрос о создании Военно-революционного комитета и провозглашении Советской власти в Москве.

К концу рабочего дня наш партийный комитет получил указание от Железнодорожного райкома — предупредить всех членов партии и красногвардейцев, чтобы они остались после работы в мастерских, были наготове и ждали указаний. После гудка в столовой мастерских собралось около 70 большевиков-красногвардейцев. Зачем нас собрали — все уже знали и ждали теперь распоряжений, оживленно обмениваясь новостями.

Попов и Давыдов с пленума Московского Совета вернулись поздно ночью. Они сообщили, что после длительных споров с меньшевиками и эсерами был создан Московский военно-революционный комитет, на который возложена задача поддержки всех действий Петроградского ВРК. Эсеры в состав ВРК не вошли: они демонстративно покинули заседание и открыто перешли в лагерь контрреволюции — в городскую думу, где вместе с командованием округа создали «Комитет общественной безопасности» для борьбы с победившей революцией. Далее нам сообщили, что революционными вой-

сками уже заняты Московский почтамт и телеграф, что нам нужно находиться в состоянии боевой готовности и ждать приказов ВРК. Для руководства действиями нашего отряда был избран военно-революционный комитет мастерских, в состав которого вошли: М. Н. Попов — председатель, В. П. Мамаев, И. И. Матухин, Н. Шалаев и автор этих воспоминаний.

Ожидая приказа о выступлении, красногвардейцы устроились на столах, старались хоть немного вздремнуть, но не могли: сильное возбуждение перебарывало усталость. Каждый из нас хорошо понимал значение перехода государственной власти в руки Советов рабочих и солдатских депутатов, всю великую ответственность партии за дальнейшие судьбы революции и страны.

Разбившись на группы, мы горячо обсуждали вопросы текущего момента. Никто из нас не сомневался в том, что под руководством большевистской партии рабочий класс покончит с властью контрреволюционной буржуазии. Уверены мы были и в том, что партия во главе с Лениным справится с задачей управления государством. Но вместе с тем мы понимали, что трудности будут большие. Даже руководство работой нашей железной дороги было делом весьма сложным.

Московско-Казанская железная дорога была частной. Она принадлежала акционерному обществу с участием иностранного капитала. Заправлял дорогой матерый реакционер фон Мекк, который в соответствии со своими взглядами и подбирал служащих. С первых дней Февральской революции мы видели резко враждебное отношение фонмекковской челяди к партии большевиков и поэтому были уверены, что встретим с их стороны самое яростное сопротивление. Но это нас как-то не пугало, все были полны решимости бороться за победу.

В ночь на 26 октября в ряде районов Москвы были созданы районные военно-революционные комитеты. В нашем, Железнодорожном, районе ВРК был создан из пяти человек. Мы получили от него указание занять Казанский вокзал и взять под контроль дорожный телеграф. Мне, как начальнику штаба Красной гвардии наших мастерских, было поручено разбить красногвардейцев на подразделения, организовать получение оружия

из кремлевского Арсенала, обеспечить выполнение приказов ВРК.

Занять Казанский вокзал и телеграф штаб поручил группе, которой командовал токарь мастерских Петр Мартынкин. Мы знали, что охрану вокзала несла милиция, состоявшая в основном из кулаков и торговцев, укрывшихся на железной дороге от призыва в армию, и бывших полицейских. Рассчитывать на переход их на нашу сторону не приходилось.

Примерное расположение милицейских постов мы знали. Их надо было снимать одновременно, чтобы не дать им возможности поднять тревогу. Но здесь возникло существенное затруднение: на 30 красногвардейцев имелось только 10 берданок. Остальные красногвардейцы получили от ревкома добрый совет — вооружиться за счет разоружения милиции. Я посоветовал Мартынкину разбить отряд на тройки и, вооружив тройку одной берданкой, приказать каждой из них снять по два смежных милицейских поста. Обезоружив и сняв первый пост с одной берданкой, второй пост они снимают уже с двумя берданками. Дальше, двое из них занимают снятые посты, а третий красногвардеец от каждой тройки бежит к караульному помещению, где, соединившись в маленький отряд, они обезоруживают охрану вокзала.

Операция по снятию милицейских постов прошла без особых инцидентов. Этому помогло не прекращавшееся даже ночью движение на вокзале и привокзальных путях. Красногвардейцы незамеченными подошли почти вплотную к милицейским постам и выполнили поставленную перед ними задачу.

Занять караульное помещение, где находился наряд милиции, оказалось тоже делом нетрудным. «Руки вверх!» — скомандовал Мартынкин, ворвавшись в помещение. Начальник караула выхватил наган, но Мартынкин сбил его с ног прикладом. Рядовые милиционеры сдали оружие без единого выстрела. Слабое сопротивление караула объяснялось нерешительностью и растерянностью эсеровских лидеров, стоявших во главе охраны дороги. Комиссар милиции дороги Скаткин на требование сдать все оружие, которым располагала милиция, заявил: «Выдать оружие сам не могу. Я чиновник, поставленный хозяином дороги, и подчинен ему.

Дело ваше, что хотите, то и делайте, а я пойду спать».

Перед отрядом, занявшим вокзал и телеграф, была поставлена задача установить контроль за телеграфными передачами. Это как будто легкое задание оказалось непредвиденно трудным. Внезапное появление красногвардейцев на телеграфе вызвало панику среди телеграфисток. Когда же они убедились, что пропахшие гарью вооруженные люди убивать их не собираются, они начали демонстративно потягивать носом воздух и фыркать. Фырканье сменилось насмешками: «Ни бе, ни ме, а смотрит в азбуку Морзе!»

Неизвестно, что бы предпринял против этого скорый на действия Мартынкин, если бы к этому времени не подоспел я с двумя телеграфистами-большевиками Орловым и Гомзелевым, с помощью которых и был установлен контроль за телеграфными передачами, а следовательно, и за действиями администрации дороги.

Да здравствует власть Советов!

Утро 26 октября. Нам сообщают, что контрреволюция в Москве подняла голову. По приказу командующего Московским военным округом полковника Рябцева юнкера заняли Манеж и окружили Кремль, гарнизон которого составляли революционно настроенные солдаты 56-го запасного полка и присланная ВРК им в подкрепление рота 193-го пехотного запасного полка. Московский военно-революционный комитет призвал рабочих, солдат и красногвардейцев дать отпор контрреволюции, выступить на защиту завоеванной власти Советов. В Москве развернулась борьба...

В этот день состоялось общее собрание рабочих наших мастерских.

Много событий видели на своем веку своды сборочного цеха — «канавы». Здесь еще в 1893 г., на заре русского революционного движения, рабочие принимали решение о забастовке. В октябре 1905 г. рабочие мастерских объявили здесь забастовку, которая переросла во Всероссийскую политическую стачку против царского самодержавия.

На этой «канаве» в декабре 1905 г. рабочие слушали страстные речи руководителя боевой дружины, члена Московского Комитета большевиков слесаря мастерских А. И. Горчилина (Гренадера) и представителя Московского окружного комитета большевиков А. В. Шестакова (Никодима).

И вот теперь Михаил Попов здесь же доложил рабочим о том, что власть Временного правительства в Петрограде свергнута и перешла в руки Советов рабочих депутатов, а Московский Совет создал Военно-революционный комитет и принял решение создать на фабриках и заводах военно-революционные комитеты и сосредоточить власть в их руках. Рабочие призываются вступать в ряды Красной гвардии, на которую возложена охрана революции. Это сообщение вызвало взрыв аплодисментов и крики: «Ура! Да здравствует власть Советов! Да здравствует социалистическая революция!»

Когда смолкли приветственные возгласы, из дальнего темного угла раздался голос с новым призывом:

— Прекратить работу! Закрыть мастерские — все в Красную гвардию!

Призыв был немедленно подхвачен двухтысячной массой.

— Вот это сила! — обернувшись ко мне, воскликнул председатель собрания Давыдов. — Не устоять против нее Керенскому!

Но Попов поднял руку и резко бросил собравшимся:

— Это предложение по существу контрреволюция! Остановка мастерских будет на руку нашим классовым врагам!

Наступила мертвая тишина. Попов зачитал обращения Московского военно-революционного комитета и II Всероссийского съезда Советов к железнодорожникам, только что полученные по железнодорожному телеграфу.

В первом обращении указывалось, что перед революцией две дороги: или победит контрреволюция, и народ будет возвращен в рабское состояние, или победит революция и пойдет вперед, к новым завоеваниям. В дни корниловского восстания самоотверженная борьба железнодорожников спасла сердце революции — Петро-

град, а вместе с ним и всероссийскую революцию. Московский ревком призывал железнодорожников к борьбе за спасение пролетарской революции.

Во втором обращении говорилось о том, что в Петрограде победила революция, министры арестованы. Всероссийский съезд рабочих и солдатских депутатов выражает уверенность, что железнодорожные рабочие и служащие примут все меры к сохранению полного порядка на железных дорогах. Движение ни на минуту не должно останавливаться. Усиленное внимание должно обращаться на беспрепятственный пропуск продовольствия в города и на фронт.

— Теперь ясно, товарищи, что нам нужно делать, — продолжал Попов. — Брать власть в свои руки, защищать ее с оружием в руках и поддерживать ее усиленной и бесперебойной работой железнодорожного транспорта. Записываться в Красную гвардию нужно молодым, знакомым с оружием, готовым умереть за победу революции. Остальные должны немедленно приступить к работе. Работать не покладая рук, потому что с этого дня мы работаем на себя, а не на капиталистов.

Попов разъяснил, что отныне распоряжаться и в мастерских и на дороге будет военно-революционный комитет. Хозяином дороги будет не капиталист фон Мекк, а рабочий класс.

Не успели смолкнуть аплодисменты, которыми присутствующие приветствовали заявление Попова, как на торцовой площадке «канавы», которая обычно служила местом для ораторов, выросла фигура начальника мастерских инженера Масленникова, прислужника фон Мекка.

— Товарищи рабочие, — начал Масленников, — вместе с вами я приветствую обращение II Всероссийского съезда Советов к железнодорожникам. Всем надо остаться на местах и работать! Одновременно нам нужно устранить все помехи в работе железных дорог. Однако одного я не могу понять — это необходимости организации военно-революционного комитета в мастерских и вообще на дороге. Столько у нас теперь организаций, что не знаем, кого и слушать. Есть комитеты профсоюзов, Железнодорожный районный Совет рабочих депутатов, партийные организации. Не повре-

менить ли нам с созданием ревкома до указания из Петрограда? К чему это я говорю, — доверительно продолжал Масленников, — есть у меня сведения, что в Петрограде ведутся переговоры о вхождении Викжеля¹ в новое правительство и о передаче Викжелю управления железными дорогами.

Масленников увлекся и проговорился. Едва он произнес слово Викжель, как слушающих его речь будто подменили.

— Долой! Вон! На тачку провокатора!

Но Масленникова на площадке уже не было. Он так же мгновенно исчез, как и появился.

Собрание приняло резолюцию: немедленно приступить к записи рабочих в Красную гвардию для борьбы за власть Советов, оставшимся у горнов, станков и верстаков поддерживать ее не только своим трудом на производстве, но в случае необходимости всем как один влиться в ряды красногвардейцев.

Красная гвардия осталась без оружия

Запись рабочих в Красную гвардию производилась в конторе мастерских, где разместился ревком. В течение часа записалось более 200 беспартийных рабочих. Записавшихся направляли в столовую, где их разбивали по подразделениям. Вместе с красногвардейцами-большевиками общая численность Красной гвардии мастерских достигала теперь 300 человек. Это был крепко спаянный одной революционной волей отряд, готовый в любую минуту пойти в бой за власть Советов. Но у отряда не было оружия. После вооружения двух подразделений, отправленных на захват вокзала и охрану Каланчевской площади, в ревкоме мастерских осталось лишь несколько неисправных ружей. С большим нетерпением ожидали мы возвращения грузовика, послан-

¹ Всероссийский исполнительный комитет профсоюза железнодорожников, созданный после Февральской революции, состоял из соглашателей — меньшевиков и эсеров.

ного за оружием в Кремль. О том, что его захватили юнкера, мы еще не знали. Настроение было тревожное.

Вдруг в столовую вбежал токарь Борис Котов, посланный с автомашиной в Кремль. Без шапки, возбужденный, он рассказал, что Кремль еще ночью был оцеплен юнкерами, которые захватили все машины, посланные районами в Арсенал. Ему, Котову, удалось бежать. Остальные наши ребята задержаны.

— Я побежал в Московский Комитет, — рассказывал далее Котов, — доложил обо всем товарищу Ярославскому. Ярославский направил меня в Военно-революционный комитет, а там мне сказали, что сейчас член Военно-революционного комитета ведет переговоры с эсерами о мирном разрешении вопроса о новой государственной власти. Когда я спросил: «А что нам теперь делать?» — мне ответили: «Дадим директиву», — закончил свой рассказ Котов.

— Какую это такую директиву? — вскипел, как всегда, вспыльчивый кузнец Василий Трещалин.

— Расходиться по домам, что ли?

— Подняли народ и оставили без оружия!

— Придется Васе ковать пики, как в 1905 г., — хотел перевести разговор на шутку гравер Иван Красовский.

— И с пиками лезть на кремлевские стены, — добавил кто-то.

Послышался смех, но смех горький. Положение складывалось трагическое. Боевое настроение красногвардейцев стало падать. У многих в памяти невольно вставали картины расстрела безоружных рабочих царскими войсками на Казанской дороге в 1905 г. Глаза всех присутствующих вопрошающе смотрели на нас — членов Военно-революционного комитета.

Людей несколько успокоило выступление слесаря Семена Денисовича Григорука, сказавшего:

— Раз «продемократили» кремлевский Арсенал, надо искать винтовки в другом месте.

Для выяснения обстановки решено было созвать партийное собрание и заслушать информацию представителя районного комитета.

Партийное собрание

Поздно вечером 26 октября собрались члены партийной организации мастерских. Почти все они состояли в Красной гвардии и находились на казарменном положении. Представитель районного комитета сообщил, что в Петрограде революция победила в течение суток, что восстанием руководил непосредственно Владимир Ильич Ленин. Временное правительство арестовано. Но когда представитель райкома перешел к освещению обстановки в Москве, наше настроение упало. Мы узнали, что состав Московского военно-революционного комитета предполагается пополнить представителями от Викжеля, Совета крестьянских депутатов, городской думы и других соглашательских организаций.

— Включение в Военно-революционный комитет представителей этих организаций, — сказал докладчик, — вырвет последнюю опору у командования Военным округом и создаст условия для победы революции без пролития крови. Общее гарнизонное собрание ротных комитетов признало единственной властью Советы рабочих и солдатских депутатов и направило делегацию к командующему Московским военным округом Рябцеву с требованием немедленно увести от Кремля юнкеров и освободить осажденных там солдат 56-го пехотного полка.

Теперь на нашей стороне солдаты московского гарнизона, что вместе с Красной гвардией составит не менее 50 тысяч бойцов. Это сила! Против нас 10—15 тысяч офицеров, юнкеров и кадетов плюс 10 тысяч студентов и гимназистов. Это, конечно, тоже сила, но главная сила — это солдаты, они с нами. Офицеры без солдат долго не продержатся, — успокоительно добавил докладчик.

— Но ведь офицеры и студенты вооружены, ими руководит штаб. А мы безоружные, и в наш боевой штаб приглашаются предатели, — возмущались мы.

— Подождем результатов переговоров делегации с Рябцевым и директивы боевого центра о дальнейших действиях, — ответил докладчик. — Оружие должно быть! Московский Комитет, готовясь к захвату власти, рассчитывал не только на кремлевский Арсенал.

Но оружия для Красной гвардии у ревкома не было.

На получение оружия от революционно настроенных воинских частей рассчитывать тоже не приходилось, так как они были разоружены по приказу Военного округа.

М. Попов сообщил, что звонили из ревкома района и просили помочь оружием красногвардейцам Северной и Николаевской дорог, так как у них на две дороги имеется только 15 берданок.

Собрание приняло решение не терять ни минуты, осмотреть все станции, все проходящие составы, искать оружие!

Мы связались с ревкомаами станций Перово, Москва-Сортировочная и Москва-Товарная. Председатель месткома станции Москва-Товарная большевик Воронцов сообщил, что на станции находится состав, охраняемый воинским караулом, и что он примет все меры, чтобы узнать, какой груз находится в вагонах.

Оружие найдено!

Настроение тревожное. До нас доходят слухи о возрастающей активности контрреволюционеров, о разногласиях в Военно-революционном комитете.

Прибывший с объединенного заседания Московского областного Бюро ЦК, окружного и городского комитетов партии член ревкома вагонных мастерских Трофим Иванович Иванов рассказал, что на заседании решили прекратить всякие переговоры с контрреволюционным «Комитетом общественной безопасности», но с этим не согласны некоторые члены Московского ревкома, продолжающие настаивать на переговорах о мирном разрешении вопроса.

Глубокой ночью в штабе раздался звонок. Дежурный по станции Москва-Пассажирская просил передать Михаилу Попову, чтобы он связался по телефону с Воронцовым со станции Москва-Товарная.

Оказывается, посланный Воронцовым на разведку осмотрщик вагонов М. Маркин установил, что в вагонах, охраняемых воинским караулом, находятся ящики, в которые обычно пакуются винтовки. Эта весть обрадовала нас. Но тут же возникли вопросы: как получить

эти винтовки, из кого состоит караул — из солдат или юнкеров, какое настроение у солдат — за Советы они или против?

Было уже около четырех часов утра, когда отряд красногвардейцев в 50 человек под моим командованием, выйдя из Главных паровозных мастерских, направился на станцию Москва-Товарная. По дороге к нашему отряду присоединились красногвардейцы во главе с Уткиным, посланные нам в помощь районным ревкомом по просьбе М. Попова.

Была темная ночь. Спотыкаясь о шпалы и на стыках рельсов, стараясь не шуметь, шел наш отряд. Тишина невольно настораживала. Но вот и Гавриков перулок, а за ним и станция Москва-Товарная, забитая до отказа составами. Нас встретил Маркин, от которого мы узнали, на каких путях находятся вагоны с винтовками.

Вскоре наша разведка донесла, что воинский караул разместился на втором этаже семафорной будки, и сообщила точное расположение выставленных у вагонов караулов. Красногвардейцы ждали команды.

— Товарищи, — обратился Уткин к красногвардейцам, — меня как бывшего фронтовика прислал районный штаб помочь вам выполнить боевую задачу — обезоружить военный караул. Кто из вас знаком с уставом караульной службы, тот знает, что снять часовых без начальника караула нельзя. Значит, придется драться. Нападение нужно произвести одновременно и на посты, и на караульное помещение. Поскольку вам на ружье выдано только по одному патрону, зря не стрелять. В случае неудачи ружья не бросать. Отряд разобьем на две части повзводно: одни подойдут к будке, а другие — к вагонам с оружием, атаку начнем по сигналу — выстрелу.

— А вдруг окажется, что солдаты за Советскую власть, а мы в них будем стрелять без предупреждения? — возразил я Уткину.

Тогда один из красногвардейцев — Семен Денисович Григоруки решил пойти к солдатам и выяснить у них, за Советскую власть они или против.

— Если против, постараюсь их настроить за Советскую власть, — сказал он.

Григоруk был замечательным агитатором. И вот теперь, когда за ним закрылась дверь семафорной будки, в которой находились солдаты, мы, звавшие Григорука, надеялись, что снятие караула окончится мирно.

Так оно и получилось. В карауле оказался взвод 191-го полка под командой унтер-офицера. Солдаты сообщили Григоруку, что вчера вечером у них состоялось собрание, на котором были переизбраны полковой и ротные комитеты. Полк проголосовал за власть Советов, и все офицеры покинули его.

Снять тихо часовых у вагонов помешал случай. Кто-то из красноармейцев, заряжая ружье, нечаянно выстрелил, часть нашего отряда, назначенная для нападения на часовых, приняла это за сигнал для начала действий и с криками «ура» бросилась к вагонам. Перестрелки, однако, не возникло. Перепуганная насмерть железнодорожная милиция, охранявшая грузы на платформах, в страхе разбежалась. Часовые же из воинского караула не стреляли, очевидно, не имея желания сражаться за чужие интересы.

В составе поезда с оружием оказалось 12 вагонов. Они стояли на загруженном пути, и вывести их оттуда было невозможно. Чтобы не тратить времени на производство сложных маневров на забитой станции, решено было перенести ящики с оружием в порожние вагоны на свободные пути. Подлезая под вагоны, взбираясь на открытые платформы, перетаскивали красногвардейцы тяжелые ящики. Наконец погрузка была закончена. К новому составу подошел высланный Поповым маневровый паровоз, и вагоны с винтовками отправились в паровозные мастерские.

Всего в ящиках оказалось 40 тысяч винтовок. Первыми вооружились красногвардейцы отрядов Московских паровозных и Перовских вагонных мастерских и депо Москва-Сортировочная. Одна автомашина с винтовками сразу же была отправлена штабу Красной гвардии Сокольнического района, находившемуся недалеко от станции.

Радости красногвардейцев не было границ. Все бросились открывать выгруженные из вагонов ящики. Жирно смазанные винтовки вытирали своими куртками, кепками и шелкали затворами, целясь в пространство. И,

действительно, шелкать затворами можно было, а стрелять — нельзя: к винтовкам не было патронов!

Достать патроны взялись красногвардейцы Перовских мастерских, которые узнали, что на станции Симоново Симоновской ветки Московско-Казанской железной дороги имеются артиллерийские склады. И в тот же день, 27 октября, было дано распоряжение ревкому Перовских мастерских выслать на эти склады группу красногвардейцев с паровозом и вагоном. Начальник станции Перово сначала отказался дать паровоз, ссылаясь на указание управляющего дорогой. Но, как рассказывали, председатель Перовского ревкома Плюшев предъявил начальнику ультиматум: «Паровоз, или через пять минут к стенке».

Паровоз был немедленно выдан, и отряд красногвардейцев в 25 человек под командованием И. Т. Рязанова без жезла и сигналов отправился на Симоновский артиллерийский склад, где перовцы получили 100 тысяч винтовочных патронов и доставили их районному штабу. Впоследствии по поручению Московского ревкома перовцы еще несколько раз ездили на склад за патронами.

По распоряжению ревкома Железнодорожного района винтовки были выданы Лефортовскому, Замоскворецкому, Рогожско-Симоновскому и Городскому районам, а затем был получен приказ Московского военно-революционного комитета за подписью Усиевича о передаче оставшихся винтовок в его распоряжение. К паровозным мастерским Московско-Казанской дороги, ставшим своего рода арсеналом революции, подъезжали грузовые машины из различных районов города и воинских частей.

Бои за Кремль

В ночь на 29 октября меня вызвали в Московский военно-революционный комитет.

С двумя красногвардейцами я пробирался к Московскому Совету, где помещались Военно-революционный комитет и Центральный штаб Красной гвардии. Ночная тишина то и дело нарушалась пулеметными очередями

и одиночными выстрелами. Белогвардейцы стремились окружить Московский ревком. Из Леонтьевского переулка вдоль Тверской улицы время от времени строчил пулемет, преграждая путь к Моссовету.

Воспользовавшись одной из пауз, мы проскочили в здание Московского Совета и здесь узнали причину срочного сбора начальников штабов Красной гвардии Москвы. Оказалось, что командующий Военным округом Рябцев, обманув коменданта Кремля, добился открытия ворот. Офицеры и юнкера ворвались в Кремль, обезоружили и расстреляли часть находившихся в Кремле революционных солдат 56-го полка. В связи с создавшимся положением Центральный штаб поставил перед красногвардейцами Железнодорожного района задачу усилить охрану Окружной дороги, Каланчевской площади и вокзалов, а все свободные отряды бросить на помощь Красной гвардии других районов, готовящихся к штурму Кремля и единственной тогда в Москве телефонной станции.

Рано утром 29 октября отряд красногвардейцев во главе с М. Поповым направился к телефонной станции в Милютинский переулок и, соединившись с отрядом Городского района, начал обстрел засевших на станции юнкеров.

Но вечером в наш штаб прибежал из этого отряда красногвардеец Николай Шленкин и с возмущением сообщил, что ими получен приказ Центрального штаба о прекращении обстрела станции. Мы уже знали об этом приказе, знали также и о том, что снова ведутся переговоры с противником при посредничестве ненавистного нам московского бюро Викжеля.

Переговоры кончились соглашением о перемирии на сутки, которое должно было вступить в силу в 12 часов ночи 29 октября. Это была тактика оттяжек со стороны контрреволюционеров, чтобы выиграть время для получения помощи с фронта от верховного командования. Как и следовало ожидать, воспользовавшись перемирием, юнкера заняли более выгодные позиции в центре города. Возмущенные красногвардейцы потребовали от ВРК немедленного возобновления боевых действий.

За время перемирия мы еще раз убедились, какую подлую роль играли викжелевцы в своем посредничестве

ве. 30 октября их лидер В. Шаханов созвал собрание служащих управления и правления Московско-Казанской дороги, на котором выступил с грязной клеветой на большевиков, обвиняя их в насильственном захвате власти до решения II съезда Советов и призвал к проведению всероссийской железнодорожной забастовки. Это был сигнал для контрреволюции, которая хотела парализовать работу железных дорог и таким образом нанести смертельный удар революции.

На собрании мы пытались разоблачить грязную клевету на Совет Народных Комиссаров и провокаторское предложение о забастовке, но нам не дали говорить. Тогда Попов приказал мне вызвать в зал, где шло собрание, человек 10 красногвардейцев.

Через несколько минут в зале появился котельщик Буров и отрапортовал Попову:

— Товарищ председатель Военно-революционного комитета! Отряд красногвардейцев в ваше распоряжение прибыл. Прошу указаний.

— Занять все коридоры в здании управления, — приказал Попов.

Но занимать коридоры отряду не пришлось. Собравшихся в зале чиновников правления как ветром сдуло.

Провокация с забастовкой не удалась.

После окончания перемирия на улицах, занятых белогвардейцами, с новой силой разгорелась борьба. Упорные бои шли за телефонную станцию. Она была взята штурмом.

Утром 1 ноября нас, начальников штабов Красной гвардии, вновь вызвали в Московский военно-революционный комитет, где обсуждали вопрос о взятии Кремля. Предложений было много, вплоть до того, как проникнуть в Кремль по трубам канализации. Остановились на штурме Кремля одновременно со всех сторон районными отрядами Красной гвардии и революционными воинскими частями с предварительным артиллерийским обстрелом.

В ночь на 2 ноября наш отряд начал сосредотачиваться на Никольской улице и постепенно просачиваться в район Верхних рядов. Со стороны Иверских ворот к Кремлю начали подходить подразделения других крас-

ногвардейских отрядов и воинских частей. Подвозились орудия. Рано утром 3 (16) ноября революционными войсками был занят Кремль. Пала последняя твердыня врагов социалистической революции в Москве. Началась капитуляция белых.

Взятием Кремля была завершена борьба с контрреволюцией в Москве. Рабочий класс приступил к упрочению Советской власти, ломке старого, чиновничьего бюрократического аппарата и созданию нового советского аппарата. Штаб Красной гвардии Московских главных паровозных мастерских был превращен в Главный линейный штаб Красной гвардии дороги, который начал объединять и создавать отряды Красной гвардии на участках дороги для борьбы с отступающими, но еще не сдавшимися врагами.

Публикуется впервые.

УКАЗАТЕЛЬ

улиц Москвы, переименованных
после Октябрьской революции

- Андроньевская площадь — площадь Пряникова.
Басманный район — часть Бауманского района.
Бахметьевская улица — улица Образцова.
Благушинский район — часть Первомайского района.
Большая Пресня улица — улица Красная Пресня.
Варварская площадь — площадь Ногина.
Введенская площадь — площадь Журавлева.
Верхние ряды — улица в районе ГУМа, между улицей Куйбышева и улицей 25 Октября.
Воскресенская площадь — площадь Революции.
Георгиевский переулок — Вспольный переулок.
Горбатый мост — мост 1905 года.
Даниловская Б. улица — улица Тульская Б.
Долгоруковская улица — улица Каляевская.
Дмитровская Б. улица — улица Пушкинская.
Дмитровская М. улица — улица Чехова.
Елоховская площадь — площадь Бауманская.
Золоторожская улица — улица Волочаевская.
Иверские ворота — снесены; находились между зданием городской думы (Музей В. И. Ленина) и Историческим музеем.
Каланчевская площадь — площадь Комсомольская.
Калужская застава — площадь Октябрьская.
Кожевники — Кожевническая улица.
Кудринская площадь — площадь Восстания.
Милютинский переулок — улица Мархлевского.
Мясницкие ворота — ворота Кировские.
Никольская улица — улица 25 Октября.
Новоспасский тупик — тупик Крестьянский.
Поварская улица — улица Воровского.
Покровка — улица Чернышевского.

Покровская застава — застава Абельмановская.

Пресненская застава — площадь Краснопресненской заставы.

Рогожская застава — Застава Ильича.

Рогожские улицы: 1-я — Школьная,

2-я — Библиотечная,

3-я — Вековая,

4-я — Пролетарская.

5-я — Трудовая.

Серпуховская М. улица — улица Люсиновская.

Семеновская улица — улица Таганская.

Серпуховская площадь — площадь Добрынинская.

Симонова слобода — слобода Ленинская.

Спасская застава — застава Крестьянская.

Страстная площадь — площадь Пушкинская.

Тверская улица — улица Горького.

Театральная площадь — площадь Свердлова.

Триумфальные ворота — находились на Садовой-Триумфальной площади, ныне площадь Маяковского.

УКАЗАТЕЛЬ

упомянутых в книге предприятий, фабрик, заводов,
вокзалов и общественных зданий,
переименованных после Октябрьской революции

Абрикосова кондитерская фабрика — имени Бабаева кондитерская фабрика.

Александровский вокзал — Белорусский вокзал.

Алексеевские казармы — Академия бронетанковых войск.

Брокара фабрика — парфюмерная фабрика «Новая заря».

Бромлея механический и чугунолитейный завод — завод «Красный пролетарий».

«Богатырь» резиновая мануфактура — завод «Красный богатырь».

Брянская железная дорога — Киевская железная дорога.

Волка военно-шорная фабрика — меховая фабрика № 2.

Газовый завод — завод строймеханизации Главмосстроя.

Гакенталья бронзово-меднолитейный завод — завод «Манометр».

Гоплера механический и чугунолитейный завод — электромеханический завод имени Владимира Ильича.

Гужона завод — завод «Серп и молот».

Даниловская мануфактура — текстильная фабрика имени М. В. Фрунзе.

«Динамо» — электромашиностроительный завод «Динамо» имени С. М. Кирова.

Добровых и Набогльца чугунолитейного и промышленного производства завод — насосный завод имени М. И. Калинина.

Динга фабрика — макаронная фабрика № 1.

«Дрезден» гостиница — находилась на площади Скобелева, ныне Советская площадь.

«Дукат» табачная фабрика Пигита — табачная фабрика «Дукат».

Замоскворецкий трамвайный парк — трамвайный парк имени П. Л. Апакова.

Золоторожский трамвайный парк — трамвайный парк имени С. М. Кирова.

«Катык» гильзовая фабрика — часовой завод № 1 имени С. М. Кирова.

Катуар шелкокрутильная фабрика — фабрика «Красная крутильщица».

Коломенский машиностроительный завод — завод имени В. В. Куйбышева.

Коммерческий институт — Московский институт народного хозяйства имени Г. В. Плеханова.

Кротова обойная фабрика — швейная фабрика № 3.

Листа Густава чугунолитейный Бутырский завод — завод «Борец».

Купеческое собрание (клуб) — находилось на Малой Дмитровке (улица Чехова). В здании бывш. Купеческого собрания теперь находится Театр имени Ленинского комсомола.

Мамонтовых заводы — Краснопресненский завод лаков и красок. Московско-Брестская железная дорога — Белорусская железная дорога.

Михельсона завод — см. Гоппера завод.

Новоскольнический трамвайный парк — трамвайное депо имени И. В. Русакова.

Нижегородская железная дорога — Горьковская железная дорога.

Николаевская железная дорога — Октябрьская железная дорога.

Николаевский вокзал — Ленинградский вокзал.

Прохоровская «Трехгорная мануфактура» — хлопчатобумажный комбинат имени Ф. Э. Дзержинского.

«Поставщик» кожевенный завод — швейная фабрика № 16.

Румянцевская библиотека — Государственная публичная библиотека имени В. И. Ленина.

«Русского слова» типография — находилась на Тверской улице, 48; теперь улица Горького, 186.

Саратовский вокзал — Павелецкий вокзал.

Сиу кондитерская фабрика — кондитерская фабрика «Большевик».

Струйского театр — филиал Малого театра.

Тильманса завод — завод «Пролетарский труд».

Тиля завод — см. «Поставщик».

Цинделя фабрика — 1-я ситценабивная фабрика.

Флетчера фабрика — карандашная фабрика имени Л. Б. Крассина.

Учительский дом на Ордынке — клуб Гознака на улице А. Н. Островского.

Шмита мебельная фабрика — разрушена царскими властями в 1905 г.

Эйнем фабрика — кондитерская фабрика «Красный Октябрь».

СОДЕРЖАНИЕ

| | |
|--|-----|
| А. Блохин— За нашу первую Программу | 8 |
| Н. Колесникова— Мои шаги в революцию | 20 |
| Е. Киселев— В борьбе за свободу | 40 |
| И. Панкратов— Путь в школу Ленина | 70 |
| Я. Дорофеев— К новой революции | 84 |
| А. Носков— В подполье и в легальных организациях | 92 |
| А. Широков— Наша рабочая газета | 106 |
| В. Пшеничный— «Наш путь» | 114 |
| А. Додонова— Рабочие клубы | 118 |
| К. Островитянов— В годы первой мировой войны | 124 |
| М. Нестеров— Как мы шли к революции | 180 |
| И. Скворцов-Степанов— Воспоминания о событиях 1917 года | 196 |
| А. Шлихтер— Накануне Октября | 226 |
| М. Лойко— Школа борьбы | 232 |
| Е. Белая-Иванова— От Февраля к Октябрю | 240 |
| Н. Алексеева— По заданиям ВРК | 246 |
| И. Смирнов— Воспоминания красногвардейца | 252 |
| Указатели | 268 |

СЛОВО СТАРЫХ БОЛЬШЕВИКОВ

Редактор *А. Спицина*
Художественный редактор *П. Зубченко*
Художник *Р. Житков*
Техн. редактор *Л. Марахасова*

* * *

Издательство «Московский рабочий», Москва, пр. Владимирова, 6.

Л26528. Подписано к печати 18/V—1965 г. Формат бумаги 84×108¹/₂.
Бум. л. 4,25. Печ. л. 13,94. Уч.-изд. л. 13,91. Тираж 8 000. Цена 32 коп. Зак. 105.
Сводный план общественно-политической литературы 1965 г. № 932.

Типография изд-ва «Московский рабочий», Москва, Петровка, 17.